

А.А.НУДРЯВЦЕВ

ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия
«Страницы истории нашей Родины»

А. А. КУДРЯВЦЕВ

ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

К 88 Кудрявцев А. А. Древний Дербент.— М.: Наука, 1982
(Серия «Страницы истории нашей Родины»).

В книге рассказывается об истории возникновения и этапах развития Дербента, являвшегося на протяжении многих веков важнейшим военно-политическим центром Кавказа. Археологические раскопки, проводившиеся в последние годы, позволили открыть совершенно новые страницы жизни одного из древнейших городов нашей страны.

5.7

Ответственный редактор

доктор филологических наук

Г. Г. ГАМЗАТОВ

На первой странице обложки —

Западные ворота цитадели Дербента

ВВЕДЕНИЕ

Дербент, а точнее Дарбанд, что в переводе с персидского языка дословно означает «узел, связь, запор ворот», — второй по величине город Дагестана, расположенный на западном побережье Каспийского моря.

Судьба этого города необычна и удивительна: возникнув в глубокой древности, он просуществовал до наших дней, сохранив свой древний облик несмотря на бесчисленные штурмы и разрушения, свое название — хотя каждый народ именовал эти «ворота» по-своему (только в письменных источниках их зафиксировано более двадцати), свою самобытную культуру — хотя здесь соприкасались и трансформировались культуры многих эпох и народов.

Трудно найти другой такой город, который бы знал столько нашествий и бурных исторических событий, столько раз служил яблоком раздора и ареной кровопролитной борьбы, переходил из рук в руки, попадал под власть завоевателей и вновь добивался независимости, переживал подъемы и упадки, расцветы и запустения. На него претендовали Рим и Парфия, Иран и Византия, Арабский халифат и Хазарский каганат, Сельджукское государство и Золотая Орда, держава Сефевидов и султанская Турция.

У древних стен Дербента искали славу и военную удачу почти все известные завоеватели средневекового Востока. Здесь побывали Маслама и Мерван — крупнейшие полководцы времени громких побед Арабского халифата, Сау-Тегин и Йагма — военачальники сельджукских султанов, Субудай и Джебе — прославленные сподвижники Чингисхана, грозный завоеватель Тимур и его противник Тохтамыш — правитель Золотой Орды, турецкий султан Селим и шах Исмаил — основатель Сефевидского государства, о котором К. Маркс сказал, что «за 14 лет своего царствования он завоевал 14 провинций»¹, знаменитый правитель Ирана шах Аббас и «гроза вселенной» Надир-шах,

Подобное «внимание» к Дербенту не случайно, так как город долгое время играл большую роль в судьбах народов Кавказа, Переднего и Среднего Востока, Юго-Восточной Европы.

На протяжении многих веков он служил важнейшей пограничной крепостью известных государств Переднего и Среднего Востока, главным их оплотом в борьбе с кочевниками на северной границе, разделявшей здесь два мира — земледельцев и скотоводов.

Своим возникновением и той значительной ролью, которую он сыграл в истории, Дербент во многом был обязан особому положению, которое он занимал на западном побережье Каспия, являвшемся прекрасным плацдармом для наступления как на Северный Кавказ, так и на Закавказье. Кавказ благодаря своему географическому положению подобно огромному мосту связывал Восточную Европу с Передней Азией. Через него шли пути из Средней Азии в Причерноморье и Средиземноморье, из евразийских степей — на Ближний Восток. Контакты степняков с оседлым населением Востока, сыгравшие столь большую роль в истории народов этих регионов, в значительной мере осуществлялись через западный Прикаспий.

Здесь по приморской равнине, где горы Кавказа вплотную подходят к Каспийскому морю, оставляя лишь узкую прибрежную полосу, в древности пролегал знаменитый Прикаспийский путь — единственная удобная дорога из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию, связывавшая на протяжении многих веков области обитания кочевников с районами древнейшего земледелия. Уже с эпохи бронзы устремлялись по ней воинственные племена степняков к благодатным земледельческим центрам юга. Этим путем, по мнению многих авторитетных исследователей, прошли древнеиранские племена из степей Восточной Европы на территорию Иранского плоскогорья, а позднее по нему в Закавказье и Переднюю Азию проникали скифы, сарматы, аланы, гунны, савиры, хазары, монголы и многие другие кочевые обитатели евразийских степей.

Прекрасные наездники и неутомимые воины, они внезапно появлялись, нанося неожиданные удары, и легко уклонялись от невыгодных сражений с превосходящими силами противника. Опустошающие вторжения степняков наводили ужас на земледельцев, порождая разнообразные

мифы и предания о свирепых номадах севера, о диких кентаврах — людях, неразрывно слитых с лошадью, и вынуждали правителей древнего Востока искать пути борьбы с ними. Однако многочисленные военные походы в степи не приносили желаемых результатов и нередко кончались весьма плачевно. Достаточно вспомнить поход основателя огромной Персидской державы Ахеменидов царя Кира (558—529 гг. до н. э.) против массагетов, населявших обширную территорию между Каспийским морем и Сырдарьей. Персидские войска, заманенные массагетами в глубь степей, потерпели полное поражение, сам Кир погиб, а голова его, как сообщает Геродот, была опущена в мешок, наполненный кровью его сподвижников. Неудачно окончился грандиозный поход другого ахеменидского царя, Дария I, против европейских скифов (около 512 г. до н. э.), когда огромная армия персов оказалась бессильной против кочевников и, потерпев ряд поражений, вынуждена была отступить, а сам царь едва спасся на верблюде, который впоследствии получал за это царские почести.

Это вынуждало земледельцев искать другие способы борьбы с кочевниками, и наиболее удачным из них было широкое фортификационное строительство, призванное не только защитить отдельные города или области, но и перекрыть основные пути проникновения степняков на юг. Одним из таких мировых путей являлась прикаспийская трасса, в наиболее узком и стратегически важном месте которой и возник Дербент. Его возникновение было тесно связано с историческими событиями на Кавказе и в евразийских степях.

Обычно широкому фортификационному строительству земледельческих народов против степняков предшествовало повышение активности последних. Перемещение крупных масс кочевников, связанное с причинами экономического, военно-политического или географического характера, вынуждало оседлые народы возводить колоссальные инженерные сооружения. Так возникли Киммерийская стена в Крыму, Римский вал на Дунае, Антиохские стены на Переднем Востоке, Китайская стена в Азии, русские засечные валы на половецкой границе. Великое переселение народов, связанное с гуннским нашествием, вызвало огромное перемещение разноэтничных масс кочевников и привело к возникновению целого ряда «длинных стен», перекрывавших пути их продвижения. Одним

из последствий ожесточенной борьбы на Кавказе крупных государств Переднего и Среднего Востока с объединениями кочевых народов, появившихся здесь после гуннского нашествия, явилось строительство системы «длинных стен», перекрывших пути вдоль побережья Каспийского и Черного морей. Так появились Беш-бармакская, Ширванская, Дербентская, Махачкалинская, Абхазская стены.

Среди подобных оборонительных сооружений, возведенных в различных районах древнего цивилизованного мира и призванных охранять границы развитых земледельческих государств от набегов кочевников, дербентские выделяются своей мощью и исключительной продуманностью планировки, максимально приспособленной к рельефу местности.

Возникнув в период наибольшей активности кочевников на Кавказе, дербентские укрепления, подобно всем сооружениям такого рода, отделяли скотоводов от земледельцев и прикрывали от опустошающих набегов степняков все Закавказье и Ближний Восток.

Исключительная прочность кладки и удивительная четкость архитектурно-планировочного решения, сочетающиеся с максимальной простотой конструкции, прекрасной обработкой камня и впечатляющей монументальностью стен, не утративших за 15 веков своего древнего облика, ставят Дербент в один ряд с крупнейшими фортификационными сооружениями мира.

Однако в отличие от многих фортификационных сооружений такого рода Дербент лежал не только на важном военно-стратегическом пути, но и на известной торговой трассе мира, что во многом определило ход его исторического развития. Он не остался, подобно многим крепостям и «длинным стенам», только военным опорным пунктом, а превратился в средневековую эпоху в крупнейший феодальный город Кавказа.

Важнейшая военно-политическая и торгово-экономическая роль города в судьбах народов Кавказа и ряда других регионов нашла свое отражение в многочисленных сообщениях и исследованиях древних и современных историков, географов и путешественников о Дербенте.

Уже «отец истории» Геродот (около 484—425 гг. до н. э.) приводит некоторые интересные сведения о проходе, которые позволяют предполагать, что древнегреческий историк имел какие-то данные о существовании по-

селения на дербентском холме. Упоминание известными древнегреческими авторами Каспийских вѳроѳ (одно из древних названий Дербентского прохода) и наличие в их трудах весьма обширных и точных данных о Каспийском море не исключают возможности знакомства древнего мира с наиболее известными населенными пунктами на его побережье, в том числе и с Дербентом, задолго до упоминания о них в античных источниках.

Греко-римские писатели античной поры, такие, как Страбон (65 г. до н. э.—21 г. н. э.), Плиний Секунд Старший (23—79 гг.), Гай Светоний (I в. н. э.), Птолемей (70—147 гг.), Кассий Дион (II в. н. э.), неоднократно сообщали о Дербентских воротах, именуемых ими Каспийскими или Албанскими, в связи с известными событиями на Кавказе. Сообщения эти значительно расширились в связи с ожесточенными парфяно-римскими войнами за обладание Кавказом, когда сильно возросло стратегическое значение кавказских проходов и важнейшего из них — Дербентского.

Видимо, в этот период античному миру становятся известны какие-то данные об укреплениях на дербентском холме, и хотя источники нигде не упоминают о них прямо, сообщения отдельных авторов, в числе которых был и такой известный римский историк, как Тацит (55—120 гг.), о «пограничной крепости» или «вале» в проходе позволяют предполагать это. Подобные предположения подтверждаются и многочисленными сообщениями античных авторов (Плиний, Светоний, Тацит и др.) о грандиозном походе, который готовил сюда римский император Нерон, стремившийся овладеть этими важнейшими «воротами» Кавказа.

В раннесредневековое время в связи с широкой экспансией кочевников на Кавказ и Передний Восток роль Дербента еще больше возросла и сведения о нем имеются в многочисленных армянских, албанских, грузинских, византийских, сирийских и других источниках того периода. Крупнейшие историки, географы и летописцы этой эпохи, в числе которых были такие известные авторы, как Агафангел, Моисей Хоренский, Егише, Лазарь Парбский, Гевонд, Ананий Ширакаци, Моисей Каганкатвацци, Леонти Мровели, Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Феофан, Малак, Захарий Митиленский, Михаил Сириец, неоднократно писали о Дербенте в связи с теми или иными событиями на Кавказе. В их произведениях

Дербент выступает как важный опорный пункт, мощная пограничная крепость, главный оплот борьбы с кочевниками, «великая твердыня» на Каспии, «дивные стены» и «великое здание», крупный раннесредневековый город и идеологический центр.

Арабские завоевания, положившие начало созданию крупнейшего государства средневекового Востока, поставили Дербент в особое положение. Он стал не только важнейшим военно-стратегическим оплотом халифата на Кавказе, но и одним из самых значительных феодальных городов этого региона, центром ремесла и международной торговли. Прикаспийская торговая трасса в этот период затмила знаменитый «шелковый путь» из Китая, а бесчисленные походы дербентских газиев «за веру» составили ему славу святыни ислама. Все это привлекало к Дербенту внимание крупнейших историков и географов «мусульманского мира». Расцвет арабской географической науки в IX—X вв. способствовал созданию обширной специальной литературы, в которой Дербент занимал видное место. Описанию грандиозных стен Дербента, его памятников, истории возникновения уделяли значительное место в своих трудах такие известные авторы средневекового Востока, как Баладзори, Ибн Хордадбех, ат-Табари, Якуби, Масуди, Ибн ал-Факих, Кудаман, ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Муккадаси, Якут, Ибн ал-Асир.

Здесь побывали многие прославленные путешественники, известные во всем мире. В числе их можно назвать Саллама ат-Тарджумана — специального посла арабского халифа, ал-Васика биллаха (842—847 гг.), испанского араба ал-Гарнати (1130 г.), посла французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу Вильгельма Рубрука (1255 г.), всемирно известного путешественника по Азии венецианца Марко Поло (1295), знаменитого русского купца Афанасия Никитина (1466 г.), крупных венецианских дипломатов Амброзио Контарини (1475 г.) и Иосафата Барбаро (1473 г.), немецкого ученого и дипломата Адама Олеария (1638 г.). Дербент вошел в свое бессмертное творение «Искандер-наме» великий азербайджанский поэт XII в. Низами Гянджеви, о нем писал знаменитый французский писатель Александр Дюма, побывавший здесь, в нем провел в ссылке четыре года и написал свои замечательные произведения «Аммалат-Бек», «Молланур», «Письма из Дагестана» известный писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский,

Особое место занимал Дербент в планах Петра I, который предпринял сюда известный Персидский поход (1722—1723 гг.). Петр I прибыл в Дербент 23 августа 1722 г. и был дружественно принят населением города, которое открыло ему ворота и преподнесло ключи от них.

Будучи в Дербенте, Петр I обратил особое внимание на его исторические памятники и дал указание известным ученым Кантемиру, Герберу, Саймонову, находившимся в его свите, сделать описание древностей города. С этого времени началось изучение истории Дербента, которое ведется вот уже более 250 лет. Сам Петр I передал в Кунсткамеру (музей Академии наук) ключи от города и приподнесенную ему в дар в Дербенте первую в Европе рукопись местной исторической хроники «Дербенд-наме».

Несмотря на столь раннее внимание, проявленное исследователями к древностям Дербента, изучение его истории в дореволюционный период велось в основном в трех направлениях: делались переводы рукописных вариантов исторической хроники «Дербенд-наме», публиковались многочисленные персидские и арабские надписи, высеченные на стенах города, и обследовались его фортификационные сооружения.

Переводы и попытки изучения «Дербенд-наме» предпринимались неоднократно как в России, так и за границей начиная с 1789 г., но первый квалифицированный перевод этого труда на французский язык выполнил известный русский востоковед Ю. Клапрот лишь в 1829 г. Дальнейший крупный шаг в этом направлении сделал уроженец Дербента профессор М. А. Казем-Бек, переведший в 1851 г. это сочинение на английский язык и получивший за эту работу Демидовскую премию и звание члена-корреспондента Российской Академии наук. В 1898 г. М. Алиханов-Аварский, занимавший пост тбилисского генерал-губернатора, выпустил перевод «Дербенд-наме» на русском языке.

Работы над исторической хроникой «Дербенд-наме», в которых принимали участие известные отечественные и зарубежные специалисты, хотя и сыграли свою роль в изучении истории города, но не осветили многих проблем его развития и не затронули целые эпохи его существования.

Значительный вклад в изучение истории Дербента в дореволюционный период внесли исследования его эпиграфических памятников и в первую очередь пехлевийских

(среднеперсидских) и куфических (раннеарабских) надписей. Здесь нужно отметить публикации крупного российского востоковеда академика Х. Фрэна (1837 г.), известных специалистов-иранологов П. С. Савельева и И. Бартоломея (1855 г.), последний из которых датировал одну из пехлевийских надписей Дербента, крупного отечественного востоковеда-арабиста Н. Ханыкова (1850 г.). Однако наибольшее количество публикаций дореволюционного периода касается оборонительных сооружений Дербента и в первую очередь грандиозной Горной стены, величие которой, как отмечал в своей книге, вышедшей в 1888 г. в Лейпциге, бывший генерал русской армии Р. фон Эркерт, вызывало «восхищение и удивление». Первые публикации по этому вопросу принадлежат находившемуся на русской службе Ф. З. Бауэру, который в 1728 г. сначала на русском, а потом на латинском языках издал материалы и планы Кантемира, обследовавшего стены Дербента в период пребывания там с Петром I. Первые глазомерные съемки и чертежи Горной стены в 1819—1820 гг. выполнил подполковник русской армии Коцебу. Они позднее были опубликованы в Германии, в Штутгарте, Э. Эйхвальдом (1834 г.), побывавшим в Дербенте в 1825 г.

Наиболее полные планы дербентских укреплений были составлены профессором Казанского университета И. Н. Березиным, побывавшим в Дербенте в 1842 г. и использовавшим для этого планы русских военных топографов (1850 г.), а также известным востоковедом Н. А. Карауловым, привлекавшим в своих работах и многочисленные арабские источники IX—XI вв. (1908 г.).

Эти работы касались каких-то частных вопросов истории города, а первая попытка обобщить все известные данные о Дербенте была предпринята русским чиновником в Дагестане Е. И. Козубским, издавшим книгу «История города Дербента» (1906 г.), однако эта задача, по словам крупнейшего востоковеда, академика В. В. Бартольда, оказалась не под силу автору. Позднее сам В. В. Бартольд в специальной статье «Дербент» (1908 г.) и ряде других работ дал краткий, но очень точный очерк истории города.

Новый этап широкого исследования Дербента начался в советское время, когда, помимо письменных источников и Горной стены, стали комплексно изучаться разнообразные памятники города. Изучением древностей Дербента

занимались крупнейшие советские и зарубежные специалисты — археологи, историки, востоковеды: Н. Я. Марр, И. А. Орбели, В. Ф. Минорский, Е. А. Пахомов, Г. С. Ниберга, М. И. Артамонов, К. В. Тревер и многие другие. Благодаря их деятельности появился целый ряд важных работ по истории города. В публикациях Е. А. Пахомова «Пехлевийские надписи Дербенда» (1929 г.) и «К толкованию пехлевийских надписей Дербенда» (1930 г.), Г. С. Ниберга «Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербенда» (1929 г.), П. И. Спасского «Дербентские укрепления» (1929 г.), Р. М. Магомедова «Древний Дербент — свидетель далекого прошлого Дагестана» (1940 г.), М. И. Артамонова «Древний Дербент» (1946 г.), а также в целом ряде других исследований рассматриваются вопросы возникновения стен города, его отдельных памятников, показана стратегическая роль Дербента и его военно-политическое значение в истории Кавказа.

Много места истории Дербента было уделено в фундаментальных трудах таких известных специалистов, как К. В. Тревер («Очерки по истории и культуре Кавказской Албании», 1959 г.), М. И. Артамонов («История хазар», 1962 г.), Л. И. Лавров («Эпиграфические памятники Северного Кавказа», 1966—1968 гг.), где подводятся итоги историко-архитектурного изучения города за весь предыдущий период и дается богатейший эпиграфический материал его памятников. Среди этих исследований особое место занимает блестящая работа известного востоковеда В. Ф. Минорского «История Ширвана и Дербенда» (1963 г.), в которой автор дал перевод и широкие комментарии уникального средневекового сочинения «Тарих Баб аял-абваб» (написано в Дербенте во второй половине XI в.) о политической истории и социальной жизни Дербента X—XI вв.

Большим вкладом в изучение Дербента явились работы по исследованию древней архитектуры города, проведенные известным специалистом С. О. Хан-Магомедовым, которые нашли отражение в книгах «Дербент» (1958 г.), «Дербент, Горная стена, аулы Табасарана» (1979 г.) и ряде специальных статей.

Работы, проведенные по изучению истории Дербента, позволили говорить о нем как о крупнейшем памятнике сасанидского строительства на Кавказе, возникшем в VI в. в правление могущественного иранского шаханшаха

Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), и развитом феодальном городе — известном центре ремесла и торговли.

Однако несмотря на столь успешное комплексное изучение города в течение двух с половиной столетий один из источников по истории города, пожалуй самый важный, не был использован исследователями. Речь идет об археологических данных, которые совершенно не привлекались при изучении Дербента. Как это ни парадоксально, но обилие письменных сообщений, уникальная сохранность многих архитектурных памятников города, в том числе грандиозных оборонительных стен VI в., богатейший эпиграфический материал оттеснили на второй план археологические исследования, и раскопки здесь до последнего времени не велись. Исключение составляют несколько курганов, раскопанных дореволюционными археологами поблизости от города (А. Фиркович, 1848 г., А. А. Русов и Н. О. Циллосани, 1880 г.) и небольшие разведочные работы, проведенные здесь А. С. Башкировым (в 1923 г. им было заложено два небольших шурфа у Шуринских ворот и в цитадели Дербента).

Широкие археологические раскопки, впервые начатые в Дербенте под руководством автора в 1971 г. экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, позволили совершенно по-новому взглянуть на историю этого древнего города, открыв многие неизвестные страницы его существования.

Глава I

ДРЕВНЕЙШИЙ ДЕРБЕНТ

Дербент легендарный — Дербент исторический

Каждого, кто открывает для себя древний Дербент, город поражает грандиозностью оборонительных сооружений, не утративших за полторы тысячи лет своего своеобразия и монументального величия. Подобно огромной каменной ленте вытянулся он между синью безбрежного моря и зелеными хребтами гор, полностью перекрыв узкий (3,5 км) проход. Начинаясь на вершине холма мощной неприступной цитаделью, именуемой сейчас Нарын-калой, древний город, словно горный поток, спускается вниз по холму, сжимаемый оборонительными стенами, а на приморской равнине выходит за их пределы новыми кварталами современных построек. Еще в начале XIX в. он весь умещался между двух параллельных стен, замкнутых наверху цитаделью, полностью господствующей над городом, а внизу волнами Каспия. Наиболее древняя верхняя часть города разделена на восемь кварталов¹, именуемых в Дербенте магалами (в местных хрониках «махалла», а в арабских — «кисм»). Их узкие кривые улочки и маленькие глухие дворики, шумные ремесленные мастерские и яркие ковровые базары, величественные купола мечетей и плоские глинобитные крыши домов сохранили неповторимый облик средневекового Востока.

А. А. Бестужев-Марлинский, увидев в XIX в. этот город глазами европейца, так поэтически описал его восточный облик: «... Заря ахнула от изумления, взглянувши на него впервые: это был поток камней и грязи с трещинами вместо улиц, которых сам почтенный строитель не распутал бы среди бела дня. Все дома родились слепыми, все их черепа были расплюснуты под адской пятой, все они пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных-предлинных стен. Все вместе походило, од-

ним словом, на огромного удава, который под чешуей домов растянулся с горы на солнышке и поднял свою зубчатую голову крепостью Нарын, а хвостом играет в Каспийском море»².

История возникновения Дербента несмотря на обилие сведений письменных источников о городе имеет много загадок и неясностей. Дербент был известен многим народам под различными названиями, отразившими особенности его географического положения и стратегическую значимость, но в переводе со всех языков они означают «ворота». Для древних греков и римлян это были Каспийские или Албанские ворота, под этим же названием он известен в персидских и сирийских источниках III—VI вв., армянские, албанские, грузинские раннесредневековые авторы называли его Воротами Чора (Джора), крепостью, городом Чора, Чога, Чола, воротами гуннов, иногда Морскими воротами или Дарубанди, а византийские — укреплением Тзор, Тзур (Цур). Позднее, видимо с VI в., персы стали именовать город Дербентом, а сирийцы — воротами Торайе, арабы — Баб ал-абвабом (ворота ворот), Баб ал-хадилом (железные ворота) или крепостью Сул, монголы — Кахулга (ворота), турки — Темир-капы (железные ворота), русские — Дербенем или Железными вратами.

Прекрасная сохранность древних стен города, их монументальность и колоссальные объемы строительных работ, связанные с их возведением, вызывали удивление и восхищение многих поколений, и слух о «дивных стенах» Дербента разнесся по всему древнему Востоку, рождая множество легенд и сказаний о них.

Возникновение этого города «многих ворот», на который претендовали персидские цари и римские императоры, арабские халифы и хазарские каганы, монгольские ханы и турецкие султаны, в исторической литературе связывается с правлением знаменитого сасанидского царя Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.), но ряд средневековых источников, местные исторические хроники и сказания Востока отодвигают появление Дербента в значительно более древние эпохи. Легенды о возникновении Дербента широко расходились по странам средневекового Востока и некоторые из них, попав в письменные источники, стали достоянием потомков, другие — терялись в глубине веков или вытеснялись новыми преданиями. За многие века в Дербенте не раз менялся этнический со-

став населения и многие легенды и сказания были забыты. «Сейчас никто в Дербенте не может ничего рассказать ни о хане Казане, ни о патриархе и певце Коркуде, ни о племени огузов»³, — отмечал в своей работе академик В. В. Бартольд еще в начале XX в. Однако версия об очень древнем возникновении Дербента прочно вошла в средневековую историческую литературу и стала традиционной, хотя основные мотивы ее носят явно легендарный характер. В этой исторической традиции прослеживается две версии легендарного основания Дербента: одна из них связывает возникновение города с именами эпических древнеиранских царей, другая — с Александром Македонским.

Согласно первой версии, охватывающей более древние легендарные пласты, город был основан Лехраспом (Лухраспом) — царем второй легендарной династии правителей Ирана — Кейанидской или Афридоном (в «Шах-наме» — Фаридун) из легендарной династии древнеиранских царей Пешдадидов, первой династии царей Ирана.

Сведения об основании Дербента Лехраспом и о деяниях этого царя опираются на ряд средневековых источников, в том числе на данные местных исторических хроник, сообщения известных средневековых авторов и в первую очередь бессмертное творение великого средневекового поэта Фирдоуси (около 941—1026 гг.) «Шах-наме» (Книга о царях). В этой огромной историко-поэтической эпопее, грандиозной как по широте исторического охвата и многоплановости, так и по художественным достоинствам и объему, содержится описание царствования 50 персидских шахов, в том числе и Лехраспа, в правление которого был основан Дербент, а точнее крепость на вершине дербентского холма.

Известный средневековый историк Хамдаллах Казвини (умер около 1349 г.) так описывает основание Дербента: «По арабски называют его Сериром персидским и Дербентом и Филянном... по-тюркски — железными воротами. Построил его Лехрасп Каянидский, а внук его Исфендер бек Киштасф бен Лехрасп окончательно устроил»⁴.

По Фирдоуси Лехрасп (Лухрасп) — четвертый царь Кейанидской династии, которому передал престол его родич Кей-Хосров. С правления Лехраспа начинается второй раздел «богатырской» части «Шах-наме», связанный с началом становления древнеиранской религии зороастризма, которую воспринял и стал распространять его сын

Гиштасп. В наиболее древней части священной религиозной книги зороастрийцев «Авесты» — «Гатах» — этот дарь назван Виштаспом, а Хамдаллах Казвини называет его в приведенном отрывке Киштасфом. Гиштаспа (Виш-таспа) древние источники называют покровителем пророка Заратустры, которому зороастрийцы приписывают создание «Авесты», не смешивая его с известным Виш-таспой, отцом ахеменидского царя Дария I⁵, и говорят о нем как о лице историческом. Известный древнегреческий историк Харес Митиленский, долгое время находившийся при дворе Александра Македонского, называет этого царя правителем «Нижней Мидии»⁶ — древнего государства Передней Азии. Что же касается Исфендияра, который, по версии приведенного источника, «окончательно устроил» город, то этот персидский царь, согласно легендам, также современник Заратустры, владел, по сведениям отдельных восточных авторов, западным побережьем Каспия и даже будто бы жил тут некоторое время. В комментариях к «Дербенд-наме» М. Алиханов-Аварский допускает даже, «что некоторые из его (Исфендияра. — А. К.) деяний, — между которыми могло быть и сооружение Прикаспийской стены, — историки ошибочно приписывают более близкому их времени Александру, смешивая его восточное имя Искандер с Исфендияром»⁷.

Более подробно легендарная версия об основании Дербента царем Лехраспом излагается в персидском варианте исторической хроники «Дербенд-наме» Мирза Хайдар Визирова — дербентского ученого первой половины XIX в. По данным этого сочинения, «питадель города (Нарын-кала) построена за 733 лет до Р. Х. на месте высоком, изобильном водою и здоровьем по климату, по повелению царя персидского — Кеянидского, т. е. из мифической династии Каянидов, Лехрасиб-шаха (Лохраспа), современника Соломона, для удержания набегов хазаров на Азербайджан, потом через 270 лет правнук его Бегмен, сын Исфендияра, приказал провести от крепости к морскому берегу стену, за которой поселил выселенные из Персии семейства, обязав их помогать гарнизону Нарын-кала против северных варваров»⁸.

В отличие от сведений Хамдаллаха Казвини этот источник, носящий явные следы последующих переосмыслений, называет точную дату основания города — 733 г. до н. э., что должно было бы отвечать времени правления Лехраспа и начала распространения зороастризма. Сопо-

ставление этой даты со временем распространения Заратустрой своего учения, относящегося к периоду правления упоминаемых царей Кейанидской династии, затруднительно, так как весьма спорно время его жизни. В древнейшем разделе «Авесты» «Гатах» Заратустра выступает как лицо реальное, в отличие от более поздних частей, где он уже полубожество. Большинство исследователей признают Заратустру исторической личностью, но называют разные периоды его жизни. Одни считают временем его деятельности VIII в. до н. э. (И. М. Дьяконов), другие, и среди них такие известные специалисты, как В. В. Струве и В. И. Абаев, считают, что он жил в VII—VI вв. до н. э. Крупнейший авторитет по древней истории Ирана М. М. Дьяконов, опираясь на сопоставление старейших частей «Авесты» с археологическими материалами Средней Азии и Восточного Ирана называет более раннюю дату. Однако во всех случаях это примерно соответствует названному в источнике периоду.

В еще более ранние пласты древнеиранского эпоса уходит имя другого основателя Дербента — Аффридона, соответствующее Фаридуну. Фаридун — древнеиранский эпический герой и царь из династии Пешдадидов, унаследовавший трон в результате победы народа во главе с кузнецом Кавой над иноземным царем-тираном Заххаком (в «Авесте» — дракон Дахака), который убил отца Фаридуна Джамшида и установил тысячелетнее царство зла. Две страшные змеи, выросшие на каждом плече Заххака после поцелуя демона зла, требовали человеческих жертв, и каждый день в пищу им убивали двух юношей. Но Фаридун победил Заххака и установил царство добра. Так излагается легенда о Фаридуне в «Шахнаме», а древнегрузинская хроника «Жизнь картлийских царей», приписываемая грузинскому историку XI в. Лeonти Мровели, рассказывает, что этот «Аффридон овладел всем персидским государством. В одних странах он назначил эриставов — своих ставленников, а другие страны [сами] стали его данниками. Он поставил во главе огромного [персидского] войска эристава своего Ардама, выходца из рода Небротидов, и направил [в Картли]. Пришел Ардам в Картли и уничтожил здесь хазар, каких только мог обнаружить. Сей эристав Ардам воздвиг город у Морских ворот и назвал его Дарубанди, что в переводе значит «замкнул ворота»⁹

Древнеармянская версия отличается от приведенной только стилистически. По ней Аффридон «отправил своего военачальника Адарму, порождение Неброта», который после ряда военных подвигов «воздвиг на берегу моря Дарубанд, который суть замкнутые ворота»¹⁰.

Исследователи предполагают, что в данном контексте Леонти Мровели сообщает о каком-то нашествии иранцев в Картли в III в. н. э., но нас в связи с легендарными версиями о Дербенте интересует мнение грузинского историка XI в., относящего основание города к столь древнему периоду и связавшего его с именами героев древнеиранского эпоса.

Еще более широко было распространено в средневековой литературе мнение об основании Дербента Александром Македонским. Сообщения о его пребывании на Кавказе не имеют под собой достоверной исторической почвы. Ни один из спутников или диадохов, т. е. сподвижников Александра, не упоминает о его походе на Кавказ. Правда, подобные утверждения есть у отдельных античных авторов первых веков нашей эры, например сведения Помпея Трога, дошедшие в передаче Юниана Юстина, который сообщает, что Александр покорил народы у подошвы Кавказа и построил за 17 дней стену в 6000 шагов длиной¹¹, а Юлий Солин писал, что он покорил Армению, Иверию, Албанию и перешел через Тавр и Кавказ¹².

Однако здесь, видимо, имело место не пребывание Александра на Кавказе, а переосмысление его деяний применительно к эпохе этих античных авторов, когда шли ожесточенные римско-парфянские войны за обладание Кавказом и все деяния великих завоевателей приурочивались к этому региону. Произведения таких авторитетных историков античного мира, как Страбон, Плутарх, Арриан, в сочинениях которых нет никаких данных о пребывании Александра Македонского на Кавказе, позволяют считать подобную версию весьма сомнительной.

Подобное же явление было отмечено в конце античного — начале раннесредневекового периодов, когда в связи с гуннским нашествием и активизацией кочевников на Кавказе в произведениях авторов конца IV—V в. появились многочисленные сведения о пребывании Александра на Кавказе и об укреплении им Каспийских ворот, причем это название прилагалось то к Дербентским воротам, то к Дарьяльскому ущелью. Так, автор IV в., известный

богослов Амвросий, писал, что «Александр Великий достиг вплоть до Каспийских царств» и на отвесном хребте горы «воздвиг запор с железной дверью»¹³. Об укреплении Александром Македонским главных кавказских ворот сообщал и известный автор IV — начала V в. Евсей Иероним, писавший о страшном нашествии гуннов, которые вырвались от «крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаидом и свирепыми народами массагетов, где Александровы запоры сдерживали дикие племена скалами Кавказа»¹⁴.

Версия об основании Дербента Александром Македонским получила особенно широкое распространение в средневековой восточной литературе, где Александр обычно выступает под именем Искандера Зулькарнейна. Отдельные арабские авторы иногда отступают от общеизвестной традиции и отождествляют его не с Александром Македонским, а с каким-то более древним завоевателем Искандером, о котором они, однако, имеют весьма смутное представление. Предполагают, что восточное имя Александра связано с известными его изображениями на монетах, где в короне царя имеются два рога, наличием которых и объясняется его прозвище — Зелькарнейн (двурогий).

Появление этих рогов в короне великого завоевателя связано со стремлением Александра утвердить божественность своей власти и происхождения в важнейших частях своего огромного государства. Египет в его планах создания мировой державы играл большую роль и, руководствуясь подобными политическими мотивами, Александр объявил себя приобщенным к верховному египетскому божеству — богу Амону, который изображался с рогами барана на голове. У греков Амон отождествлялся с Зевсом, который также иногда изображался с бараньими рогами.

Великий азербайджанский поэт Низами Гандживи в своем произведении «Искандер-наме» красочно описал историю строительства Александром Македонским дербентских стен, но любопытно, что этот средневековый автор, приписывая Александру сооружение мощных каменных стен города, сплошь перекрывших проход, сообщает и о более раннем укреплении, существовавшем здесь и до построек Александра, — небольшой крепости на вершине холма. «Александр, направив свой путь к Эльбрусу (Кавказ), пришел через Ширван к Дербентскому проходу, где

тогда еще не было города, но только крепостца на весьма крутой горе, со многими богатствами, в которой жила небольшая шайка разбойников. Александр неоднократно требовал сдачи этой крепостцы и, получив отказ, приказал взять оную приступом; но она была так неприступна, что сорок суток все войско Александра ничего не могло сделать, и разбойники, доведенные только до крайности, сдались.

Александр, назначив им содержание и другое место жительства, приказал поправить крепостцу и оставил в ней гарнизон свой. В это время жители края принесли Александру жалобу, что дикие обитатели Кипчака обижают их, и просили его устроить против них преграду. Александр потребовал работников и приказал возвести в Дербентской теснине каменную стену»¹⁵.

Отдельные легенды приписывают Александру Македонскому возведение не только фортификации Дербента, но и каких-то сооружений в море: «Александр по прибытии своем в Армению, жители которой огнепоклонники, отправился в Дербент. Александр посредством вала с металлическими столбами так запрудил море Калпиас (Каспий), что ни одному кораблю нельзя было войти в море, а по сухому пути он заградил проход из Таракунты (Дербента?) в Калпиас, ибо не оставалось другого прохода, как через возвышавшуюся до неба гору»¹⁶.

Особенно широкое распространение на Востоке получили легенды о стенах Дербента как о главной преграде, построенной Александром Македонским против свирепого северного народа Гог и Магог. Гог и Магог — мифические дикие племена, проживавшие где-то в степных просторах на севере. С ними отождествляли скифов, хазар и другие кочевые народы. Первоначально их помещали за Дербентской стеной, которую отождествляли со стеной Гог и Магог, по-арабски Яджудж и Маджудж, но по мере расширения географических познаний их отдаляли к Туманному морю (Северному Ледовитому океану). По объяснению Иеронима и других древних авторов, «магоги были скифы, обитавшие около Каспийского моря; гоги — жили немного далее к северу. Воздвигнутая же преграда есть Дербентская стена, на которую было употреблено много железа»¹⁷.

Ряд древних авторов сообщают о Гог и Магог совершенно фантастические данные, отражающие уровень их познания об обитателях отдаленных районов евразийских

степей. «Яджудж и Маджудж были сыновьями Яфеса бен Нуха (имеются в виду известные библейские персонажи Яфет и Ной.— А. К.); число их было бесконечно, но собственно они делились на два племени: малорослые и великаны; рост последних превышал 100 локтей. Уши их были длинные, как ковер; так что одним ухом они накрывались, а другое постилали под себя. Ни слон, ни носорог не могли им противиться. Покойников своих они съедали; области же, через которые проходили, опустошали дотла»¹⁸.

Согласно восточным средневековым сообщениям, Александр Македонский воздвиг Дербентскую стену и прочно запер за ней мифических Гог и Магог. «Зулькарнейн (двурогий) направил путь на запад солнца и нашел его заходящим в жарком Ейне (по-арабски «ейн» означает «течение воды»; вероятно, имеется в виду океан или районы юга Африки, считавшиеся у древних краем ойкумены.— А. К.), потом пошел на восток солнца, нашел оное восходящее над народом, который не имел против него защиты; пошел далее к двум преградам, нашел близ их народ, не разумеющий слов, они ему сказали: «О, Зулькарнейн! Гоги и Магоги производят в сей земле опустошения; не дать ли нам тебе дани с тем, чтобы ты воздвиг между нами и ними преграду?» — Он отвечал: «Что дал мне Бог, того с меня довольно, вы же дайте мне рук, преграду поставлю между вами и ими. Носите ко мне столько кусков железа, чтобы ими заровнять промежутки между скатами этих гор». Он сказал: «Раздуйте столько, чтобы это сделалось раскаленным». Он сказал: «Несите ко мне расплавленной меди и лейте на него». И была воздвигнута преграда, между двумя предметами противостоящими, на которую они [Гоги и Магоги] не могли взойти и не могли пробить ее»¹⁹.

Местные исторические хроники расценивали сооружение укреплений Дербента как один из самых известных подвигов Александра Македонского. «Знайте, что из всех экспедиций на Восток самая большая и самая интересная это — поход для покорения Джабалул-фатх и Джабалул-гкабгк, а также — к древней горной стене Искандера и к Бабуль-аббабу (Дербенд), нынче называемому Демир-Гкапу (железные ворота).

Ведайте, историки передают, что когда Зулькарнейн (Александр Македонский) предпринял поход к стене Яджудж и Маджудж (Гог и Магог), то он заметил влияние тюрков на владения Ирака, находящегося за горами; по-

этому он приказал воинам построить неприступные стены и укрепления на вершине этих гор, за которыми находятся земли хазар и их [Каспийское] море»²⁰.

Подобные легенды и сказания, отражавшие роль дербентских стен в охране ближневосточно-закавказского земледельческого мира от набегов кочевников, не только нашли распространение в средневековой восточной литературе, но, видимо, прочно вошли и в местные фольклорные традиции населения средневекового города и получали дальнейшее распространение через многочисленных купцов и путешественников. Сведения об основании Дербента Александром Македонским приводит Антоний Дженкинсон — английский купец и мореплаватель XVI в., который в 1561—1563 гг. дважды побывал в городе, совершая путешествие вдоль кавказского побережья Каспия. «Дербент — очень древний город со старым замком, построенным на холме Каста из белого камня и очень похожим на наши строения. Стены его очень высоки и толсты; он был впервые выстроен Александром Великим во время его войн с персами и мидянами. Затем Александр же построил стену удивительной вышины и толщины от этого города до Грузии и до главного города последней, называемого Тифлисом; хотя сама стена эта теперь разрушена и от различных причин пришла в упадок, основания ее все же еще целы; она была построена с той целью, чтобы жители этой страны, только что покоренной Александром, не могли легко бежать, а враги не могли легко вторгнуться»²¹.

Сведения об основании Дербента Александром Македонским сообщают и многие другие европейские и восточные путешественники XVI—XIX вв., посетившие Дербент.

Однако наряду с легендами, приписывающими основание стен Дербента Александру Македонскому, сохранились местные сказания, где великий покоритель Востока выступает лишь как завоеватель города.

«Однажды царь Александр Македонский со своей конницей подошел к Дербенту. Люди царя пришли к правителю города и сказали: «Мы послы царя всех царей. Он послал нас сказать, чтобы ты подчинился ему и платил дань. Если ты рассердишь царя, он разрушит Железные ворота и убьет тебя». Правитель Дербента отказался подчиниться царю всех царей. Войска Александра Македонского пошли на приступ, но взять город никак не могли. Царь царей отошел от города, но один из мудрых стари-

ков сказал ему на совете: «Возвращайся, и если ты будешь сильным, то войдешь в крепость». Так и вышло. Александр Македонский взял Дербент и приказал привести правителя города. «Разве ты не знал,—сказал завоеватель,—что все цари на всей земле, все рыбы на всех морях платят дань Александру?» Правитель Дербента отвечал: «Я знал, что земля, воды подвластны царю, но я не знал, что и небеса должны подчиниться тебе». Этот достойный ответ так понравился Александру, что он отпустил пленника, поставил его своим наместником у Железных ворот и повел войска на новые земли»²².

Приведенные легенды и сведения об основании Дербента в столь древние времена не исчерпывают всего многообразия восточных источников о его возникновении, однако большинство из них, относящих появление укреплений Дербента к досасанидскому периоду, повторяют в различных редакциях приведенные версии, хотя отдельные местные предания связывают основание города то с огненными людьми, то с мифическими существами.

В отличие от подобного разнообразия и богатства легендарных традиций средневековой эпохи древние источники не сообщают никаких конкретных данных о возникновении и истории развития города в ранние периоды.

Первое письменное сообщение об использовании Дербентских ворот для проникновения кочевников на территорию государств древнего Востока приводит Геродот в связи с известным походом скифов на рубеже VIII—VII вв. до н. э. в Переднюю Азию. По его данным, скифы, преследуя киммерийцев, вторглись на территорию древнего передневносточного государства Мидии «по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы», т. е. по западному побережью Каспия, через Дербентский проход. Этому событию предшествовала ожесточенная борьба киммерийцев и скифов в степях Предкавказья и Северного Причерноморья. Скифы проникли в эти районы откуда-то из-за Волги или Амударьи и вытеснили обитавших здесь киммерийцев.

По версии Геродота, кочевники-скифы жили в Азии, но, вытесненные со своих исконных земель массагетами, вынуждены были перейти р. Аракс (древнее название Амударьи; возможно, Геродот имел в виду Волгу) и вступили в земли киммерийцев. С приближением скифов у киммерийцев возникли разногласия по поводу ответных мер. Цари предлагали бороться за свою землю до конца,

а народ ввиду многочисленности приближающегося войска скифов предлагал не подвергать себя опасности борьбы и удалиться. Единства достигнуть не удалось, народ не захотел слушаться царей, а цари — народа. Народ предпочел удалиться, а цари остаться, после чего последние разделились на две равные части и стали биться друг с другом, пока все не погибли. Всех царей, перебитых друг другом, киммерийцы похоронили у р. Тираса и после погребения удалились из своей страны.

Археологические раскопки, проводимые в описываемых Геродотом районах обитания киммерийцев, показали, что в VIII в. до н. э. на многочисленных предскифских поселениях Северного Причерноморья жизнь полностью прекращается. Многие исследователи связывают это с уходом киммерийцев в Переднюю Азию и скифо-киммерийской борьбой за гегемонию в причерноморских степях ²³.

Пребывание киммерийцев в Передней Азии четко зафиксировано письменными источниками и относится к концу VIII в. до н. э., хотя по сообщению ряда античных авторов они совершали набеги на ее территорию еще в IX—VIII вв. до н. э., а возможно, и в более ранние периоды. Однако надежные сведения о появлении киммерийцев в Передней Азии, видимо связанном с их бегством от скифов, относятся к 722—715 гг. до н. э., когда они, по сообщению древних ассирийских шпионов, нанесли поражение царю Урарту Русе I (730—714 гг. до н. э.) ²⁴.

Первое упоминание о скифах на древнем Востоке зафиксировано в ассиро-вавилонских документах и относится к 70-м годам VII в. до н. э., когда они во главе со своим царем Ишпакаем выступили в союзе с Манной против Ассирии ²⁵.

Очевидно, в конце VIII — начале VII в. до н. э. и мог быть совершен упомянутый Геродотом поход скифов через Дербент в Переднюю Азию.

Пребывание скифов здесь сыграло большую роль в истории народов древнего Востока. В конце VII — начале VI в. до н. э. они выступали как главная военно-политическая сила в Передней Азии.

Скифам удалось подчинить себе на время крупнейшие государства Переднего Востока, они разгромили мидийского царя Кнаксара, совершали набеги на Сирию и Палестину, получали дань с египетского царя Псамметиха, который «дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения» ²⁶.

Геродот сообщает, что «скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет и все опустошили своим буйством и излишеством»²⁷. Подобная активность кочевников Юго-Восточной Европы, усиленное проникновение на Ближний Восток через Кавказ киммерийцев, скифов и других степняков способствовали повышению стратегического значения Дербентских ворот и должны были привлечь к ним внимание правителей передневносточных государств. Известный востоковед В. Ф. Минорский полагал, что попытки укрепить эти важнейшие ворота Кавказа предпринимались уже царями «мировой» Персидской державы Ахеменидов (историческая династия древнеиранских царей, первым из которых был Кир — основатель огромного Персидского государства), власть которых, по сообщению Геродота, распространилась «до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простиралось владычество персов)»²⁸.

Первое упоминание «Каспийских ворот» — наиболее древнего названия Дербента — относится к VI в. до н. э., его приводит известный древнегреческий автор Гекатей Милетский (VI в. до н. э.) в связи с описанием границ Мидии, хотя не исключено, что он имел в виду «ворота» в северо-восточном Иране. Однако Каспийские ворота, упомянутые античным историком IV в. до н. э. Харесом Митиленским, писавшим в связи с событиями VIII или VII в. до н. э., что «Гистасп владел Мидией и нижней страной, а Зариандр — областью, лежащей выше Каспийских ворот до Танаида»²⁹, надо отождествлять, судя по писаниям, с Дербентом.

Судя по всему, уже к середине I тысячелетия до н. э. древние греки довольно хорошо были знакомы с Каспийским морем и со многими областями, прилегающими к нему, в том числе с районами Дербентского прохода. Так, Геродот приводит длину и ширину Каспийского моря («в длину пятьдесят дней плавания на веслах, а в ширину, в наиболее широком месте, — восемь дней») и сообщает, что оно «отдельное, не сливающееся с другим морем»³⁰. Совпадение данных о ширине Каспийского моря у Геродота и у известного средневекового арабского историка и географа X в. Истахри, писавшего, что при благоприятном ветре его «пересекают по ширине от Табаристана (области восточного побережья Каспия. — А. К.) до Баб ал-абваба (т. е. Дербента. — А. К.) за неделю», позволило В. В. Бартольд у сделать предположе-

ние, «что еще в дохристианское время, как и в середине века, важнейшее поселение на западном побережье Каспия находилось поблизости от нынешнего Дербента»³¹. Однако сегодня, зная результаты археологических исследований в Дербенте, можно не только говорить о наличии важнейшего поселения в районе Дербента, но и предполагать, что о существовании его было известно Геродоту. В связи с этим интересно вспомнить загадочную Таркинскую клинописную надпись³², обнаруженную в прошлом столетии в Приморском Дагестане и не прочтенную до настоящего времени. Дагестанские археологи связывают ее с возможным пребыванием в Приморском Дагестане вавилонских купцов³³, т. е. столь ранними торговыми связями Восточной Европы с Передней Азией через Дербентский проход. Пока еще трудно судить о правомерности подобных предположений, но древнегреческие историки и географы, видимо, были довольно хорошо осведомлены о бассейне Каспия и районе Дербента. Этому в значительной мере способствовало то обстоятельство, что часть территории Восточного Кавказа, где позднее возникло древнее государство Кавказская Албания, включавшее в себя и Дербент, входила в состав Закавказской сатрапии державы Ахеменидов и была, видимо, в силу этого достаточно известна древнему миру.

Разделение Персидской державы на административные единицы — сатрапии, во главе которых стояли наместники, как правило персы из знатных, приближенных к царю родов, было введено Дарием I. Однако еще до проведения реформы системы административного управления Ирана, предпринятой Дарием после подавления широкой волны восстаний в различных частях государства и укрепления на троне, унаследованном им в результате победы над своим противником в борьбе за власть магом Гауматой в 522—521 гг. до н. э., какая-то часть Закавказья, видимо, входила в состав Ахеменидского государства.

В Бехистунской надписи, грандиозном памятнике в долине Керманшаха, где на неприступной скале высечены на трех языках великие деяния и победы царя Дария, сообщается о восстании в Армении в 521 г. до н. э., т. е. подтверждается зависимость ее от персов до правления Дария I. Население Кавказа оказало упорное сопротивление полководцам Дария Дадрши (сам он был армянином) и Вахумисе, и о полной победе над Закавказьем Бехистунская надпись умалчивает. Видимо, Армения была покорена Дарием позднее³⁴.

Геродот, сообщая полный список сатрапий, число которых достигало 20, но не было постоянным, упоминает о закавказской сатрапии как об 11-й сатрапии Ахеменидов, многие области которой были завоеваны еще Киром.

Сведения Геродота о «владычестве персов» в Закавказье и известные данные об участии албанов (племени, населявшие в древности Восточный Кавказ) в знаменитой битве при Гавгамеле (331 г. до н. э.) на стороне персов, их почетное место рядом с телохранителями последнего правителя Ахеменидской державы Дария III (336—330 гг. до н. э.) и та легкость, с которой греки (войска Александра Македонского) смогли на расстоянии распознать албанов среди пестрого разноплеменного персидского войска³⁵, служат подтверждением высказанных предположений о значительной осведомленности древнего мира об областях и народах, населявших западный Прикаспий и, видимо, о районе Дербента.

Свидетельством того, что бассейн Каспийского моря и важнейшие «ворота», расположенные на его западном побережье, все больше привлекали внимание правителей древнего Востока, может служить подготавливавшийся Александром Македонским поход в эти районы, связанный с его попытками найти новые торговые пути через Прикаспий³⁶, и объезд Каспийского моря известным греческим военачальником Патроком в 283—282 гг. до н. э. по приказу царя Селевка I — прославленного полководца и сподвижника Александра Македонского, основавшего после его смерти и развала «мировой державы» Александра огромное государство, простиравшееся от Средиземного моря до Восточного Ирана.

Находки монетных кладов и отдельных селевкидских монет неподалеку от Дербента (совхоз Герейханова)³⁷, среди которых отмечены и монеты селевкидского царя Антиоха IV Эпифана (175—163 гг. до н. э.), служат подтверждением того, что интерес правителей древнего Востока к этим областям не был случайным и уже в столь ранние периоды Дербент должен был контролировать не только важнейшую военную дорогу, но и известную торговую трассу, играя значительную роль в истории народов Закавказья, Северного Прикаспия, Переднего и Среднего Востока.

Таким предстает Дербент по данным средневековых и древних письменных источников, одни из которых, несущ-

щие в себе в основном легендарные мотивы, связывают его возникновение с эпическими древнеиранскими царями и великим завоевателем Востока — Александром Македонским, а другие, основанные на скудных сведениях древних историков и географов об этом районе западного Прикаспия, лишь позволяют догадываться о важной роли этих известных «ворот» и строить предположения об их возможной охране и укреплении. Однако как первые, так и вторые оставляли этот вопрос открытым и не давали возможности достоверно говорить о древнем, досасанидском возникновении Дербента.

Крепость на холме

В историческую литературу Дербент вошел как крупнейший памятник сасанидского строительства на Кавказе, основание которого связывается с именем самого знаменитого персидского царя из династии Сасанидов (династия, объединившая Иран в начале III в. н. э. и создавшая на Ближнем и Среднем Востоке огромную раннесредневековую державу) Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.). Подобный исторический факт не увязывается с обширной средневековой литературной традицией и с данными древних авторов, пускай косвенных и очень отрывочных, но все же заставляющих задуматься над возможностью досасанидского существования Дербента. Сведения о глубокой древности возникновения города, возможности его существования во времена Ахеменидов и Александра Македонского, подобно миражу, дразнили воображение ученых, вызывая предположения и догадки, ни одна из которых не находила себе достоверных подтверждений, так и оставаясь не то талантливым предвиденьем, не то научной фантазией.

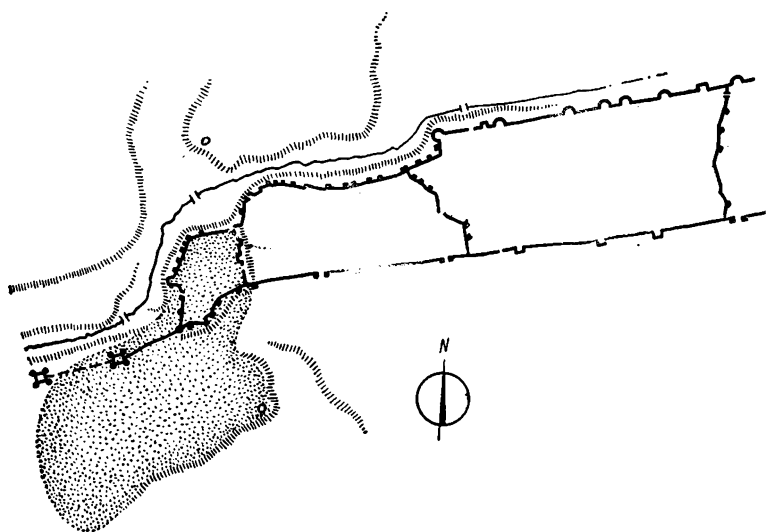
Нужен был новый источник, способный дать новые факты и сведения по этому вопросу. Им стали широкие археологические раскопки, начатые в Дербенте в 1971 г. Археологическое изучение любого древнего города связано с большими трудностями — это и большие объемы трудоемких земляных работ, значительная потребность в материальных и людских ресурсах, многолетняя длительность исследований (раскопки городов ведутся десятилетиями, но редко оказывается вскрыта даже десятая часть их площади) и, конечно, главное — почти полное отсутствие возможности какого-либо прогнозирования. Захороне-

ние может быть ограблено еще в древности, шедевр искусства уничтожен пожаром, землетрясением, набегом, клад окажется в нескольких метрах в стороне от раскопа, древние слои и памятники — на соседнем холме или в другом районе города.

Изучение древнего Дербента отличается особыми трудностями — сегодня это большой современный город, выросший прямо на развалинах древнего, площадь только межстенной древней территории Дербента более 1,5 млн. кв. м. В его культурных наслоениях, образовавшихся в результате многовекового существования города и достигающих на вершине холма 10 м толщины, представлены различные эпохи, культуры, стили и влияния.

Приступая к раскопкам в Дербенте, пришлось решать вопрос, откуда начинать поиск, где мог лежать древний город, как на этой огромной территории найти те древние слои, которые могут свидетельствовать о его досасанидской жизни, о времени его возникновения, да и есть ли они вообще. После долгих раздумий и предварительных разведок с помощью небольших стратиграфических шурфов, основным объектом исследования была избрана вершина дербентского холма, северо-восточную часть которого занимает цитадель сасанидской эпохи, именуемая в настоящее время Нарын-калой. Работы продвигались очень медленно, прямо с поверхности в цитадели пошли обильные архитектурные остатки, фундаменты и стены позднесредневековых комплексов дворца правителя Дербента, жилые и хозяйственные постройки послемонгольской поры, обширный дворцовый комплекс арабского времени, административные и жилые сооружения эпохи Сасанидов. Глубина раскопа достигла уже 7 м, а конца культурным наслоениям различных эпох все не видно, и вдруг ниже слоев раннесасанидского периода появились более древние. Значит, Дербент существовал и до Сасанидов; значит, началось открытие древнейшего Дербента, открытие новых, еще неизвестных страниц его истории. С этого времени раскопки стали проводиться на различных участках дербентского холма и продолжаются до сегодняшнего дня.

В результате широких археологических исследований на вершине дербентского холма, значительная часть которого занята мощной цитаделью города сасанидской поры, под многометровыми культурными напластованиями средневекового периода были вскрыты остатки древ-

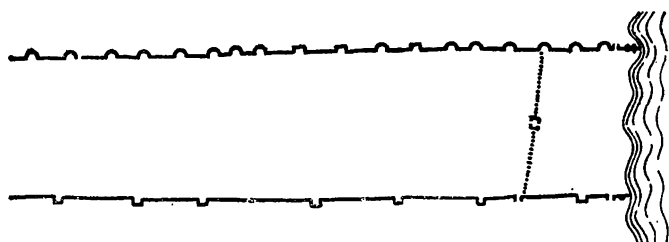

План Дербента с указанием древнейшей обживаемой территории его

него укрепленного пункта, появившегося здесь задолго до распространения власти сасанидского Ирана на Дербентский проход.

Раскопы, заложенные в различных районах Дербента³⁸, позволили выявить время возникновения и бытования этого пункта, а также проследить его территориальное развитие. Было установлено, что вершина дербентского холма обживалась уже с глубокой древности, о чем свидетельствуют находки здесь каменных и бронзовых³⁹ топоров и значительного количества керамики эпохи бронзы.

Древнейшее поселение возникло на дербентском холме еще на заре бронзового века, видимо в конце IV—начале III тысячелетия до н. э., и занимало всю северо-восточную часть его вершины. Древние обитатели умело использовали для защиты очень благоприятный рельеф местности, крутизну склонов дербентского холма и глубокое ущелье. Естественные преграды были дополнены подтесыванием краев вершины холма для придания им неприступной вертикальности. Обитатели поселения жили в турлучных домах (дома с плетеными деревянными кар-

касными стенами, обмазанными глиной) с глинобитными полами и напольными очагами. Однако возникновение Дербента нельзя прямо связывать с данным поселением. Дербент вошел в историю как крупный опорный пункт, крепость у главных «ворот» Кавказа, и история этого города начинается от времени возникновения первых фортификационных сооружений на холме.

Подобные сооружения появились на вершине холма в VIII—VII вв. до н. э. В это время здесь был основан мощный укрепленный пункт, который существовал и развивался, господствуя над проходом, вплоть до сасанидского проникновения и возведения иранцами тут нового типа оборонительных сооружений, частично воспринявших планировку древних укреплений Дербента.

Этот мощный опорный пункт возник на базе поселения предскифского времени, сменившего здесь в IX—VIII вв. до н. э. более древнее поселение бронзового века.

В плане верхняя часть холма, занятая досасанидским поселением, имеет форму неправильной трапеции, обращенной узкой частью к морю, в сторону прохода, а более широкой — на запад, к Джалганскому хребту, одним из отрогов которого и является дербентский холм, выступающий подобно мысу из основного горного массива. Благодаря этому расстояние между горами и морем здесь не превышает 3—3,5 км, что создает благоприятные условия для контроля над узкой прибрежной полосой Дербентского прохода — знаменитыми «воротами» Прикаспийского пути.

Северо-восточный угол этой трапеции несколько больше выдвинут в сторону прохода, как бы нависая над ним, что давало дополнительные выгоды при обороне этого участка и сильно повышало его стратегическое значение. Именно этот район холма лучше всего был укреплен как в древности, так и в средневековое время (цитадель

города Нарын-кала). Выгодное месторасположение холма, наличие многочисленных питьевых источников на его склонах и плодородие почв⁴⁰ делало этот район местом, хорошо приспособленным для возникновения поселения уже в глубокой древности, а стратегическая значимость Дербентского прохода способствовала весьма раннему укреплению этих главных «ворот» Кавказа. Благоприятный рельеф местности позволял укрепить его с минимальными затратами, используя и глубокие ущелья, и естественную крутизну холма.

Раскопки и обширный подъемный материал, собранный на дербентском холме, позволили выявить размеры существовавшего здесь пункта. В предскифский период (до VII в. до н. э.), как и в эпоху бронзы, поселение занимало северо-восточную часть холма и территория его равнялась 4—5 га, а в скифское время обживалась вся вершина холма и размеры поселения достигали 14—15 га. Значительная часть этой территории, древнейшая часть поселения, помимо естественных преград, была защищена мощными фортификационными сооружениями, появление которых знаменовало собой возникновение и самый ранний этап существования Дербента.

Раскопки позволили установить внушительную многослойность исследуемого памятника и выявили сложную стратиграфию его культурных напластований, достигающих в северо-восточной части холма, в районе цитадели города, 10 м толщины; в юго-западной части холма толщина культурных наслоений невелика, около 0,4—0,6 м. Значительная часть культурных отложений, около 4—6 м, относится к средневековому периоду существования Дербента, 1—1,5 м — к сасанидскому и 1,75—2,75 м — к древнейшему досасанидскому⁴¹.

Стратиграфически из всей толщи культурных напластований Дербента наиболее раннего этапа его существования можно выделить три слоя со значительными включениями керамики, строительных остатков, костей, угля и других следов человеческой деятельности. Толщина отдельного культурного слоя в большинстве случаев не превышает 30—40 см, хотя вышележащие слои позднеалбанского и раннесредневекового периодов достигают значительно большей мощности. Нередко представленные здесь слои стратиграфически отделялись один от другого сплошными прослойками угля и золы, свидетельствующими о сильных пожарах в городе, возникновение которых,

судя по находкам в них предметов вооружения и следов разрушений, было результатом военных акций против него.

Хронологически слои Дербента досасанидской поры охватывают более чем тысячелетний период его развития, от возникновения здесь первых укреплений в VIII—VII вв. до н. э. до проникновения в проход в первой половине V в. н. э. сасанидского Ирана, и их можно отнести, согласно принятой у дагестанских археологов периодизации, к двум историческим этапам: предскифско-скифскому (IX—IV вв. до н. э.) и албано-сарматскому (IV в. до н. э.— IV в. н. э.).

Самым древним из культурных слоев раннего этапа является предскифский, датируемый IX—VIII вв. до н. э., но этот слой еще не связан непосредственно с фортификационными сооружениями Дербента, с возникновением его как опорного пункта, крепости, контролировавшей «ворота». Это произошло в период появления двух слоев: раннескифского (рубеж VIII—VII вв. до н. э.— VI в. до н. э.) и позднескифского (V—IV вв. до н. э.).

Археологические исследования, проведенные на значительной территории дербентского холма, позволили проследить сложную картину обживания этого района на протяжении нескольких исторических периодов, охватывающих большой хронологический отрезок досасанидского существования Дербента.

Значительные прослойки угля и золы, внушительные зольники — следы многочисленных пожаров, отмеченные в культурных наслоениях Дербента, свидетельствуют о весьма нелегкой судьбе этого укрепленного пункта, охранявшего важнейший путь из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию. Внушительная толщина напластований Дербента досасанидского периода, их обильная насыщенность строительными остатками, керамикой и другими материалами служат ярким показателем интенсивности обживания этой территории и свидетельствуют об активном развитии существовавшего здесь укрепленного пункта. Его население жило в скифское время, как и в эпоху бронзы, в турлучных и каменных домах с глинобитными полами, характерных для районов Прикаспийского Дагестана с эпохи бронзы.

Тот факт, что несмотря на неоднократные разрушения и пожары территория дербентского холма не запустела и выявленный здесь населенный пункт продолжал ин-

тенсивно развиваться вплоть до сасанидских завоеваний, красноречиво свидетельствует о военно-стратегическом значении последнего и понимании его роли уже в глубокой древности.

Мощная фортификация, выявленная при раскопках дербентского холма, не оставляет сомнения в том, что задолго до проникновения Сасанидов в Дербентский проход и возведения ими оборонительных сооружений здесь уже существовали укрепления. Их исследования показали, что обитатели дербентского холма широко использовали для обороны сочетание искусственных и естественных укреплений, максимально приспособляясь к рельефу сильно пересеченной местности. Наиболее укрепленной являлась северо-восточная часть холма. Именно здесь были вскрыты внушительные многослойные культурные напластования и мощные каменные стены досасанидской поры, выделявшие этот район из остальной части древнего поселения и надежно защищавшие его. Юго-западная часть дербентского холма, значительно менее интенсивно обживавшаяся в то время, была прикрыта с юга глубоким ущельем, а с востока — крутизной склона холма.

Исследования древнейших оборонительных сооружений Дербента показали, что эти укрепления в основном погребены под стенами раннесредневековой цитадели города и представляли собой мощную крепость, планировка которой позднее была полностью воспринята цитаделью города сасанидской поры. Исключение составила лишь южная стена. На восточных, северных и западных участках холма, т. е. там, где его вершина ограничена крутыми склонами, древние и сасанидские стены были возведены по верхнему краю холма и направление их осей здесь в основном совпадает. С южной стороны, где рельеф пологий, древние стены несколько смещены к юго-востоку по отношению к раннесредневековым стенам Нарып-калы. То обстоятельство, что планировка древних и раннесредневековых укреплений Дербента в основных чертах совпадает, облегчило выявление очертаний и конструктивных особенностей первых, так как позволило исследовать их по наружному периметру цитадели. В противном случае поиски древних фортификационных сооружений, погребенных более поздними слоями в 7—8 м толщины, практически были бы бесперспективны.

Стены древней крепости были сложены из грубообработанного местного ракушечника крупного и сред-

ного размеров, уложенного на глиняном растворе или насухо с земляной засыпкой, выполненной на отдельных участках довольно небрежно. Кладка сохранилась в высоту до 1—2 м при ширине ее местами до 6—7 м. Правда, подобная ширина древней стены была зафиксирована лишь с восточной стороны холма⁴², но представляется вероятным, что и в других местах толщина ее значительно не отличалась. Наружные грани западных стен древних и раннесредневековых сооружений в основном совпадают и древняя стена выступает за наружную плоскость сасанидской всего на 0,1—0,2 м, на этих же участках древние стены лежат непосредственно в основании раннесредневековых. На северных и северо-западных участках наружные грани стен не совпадают и древние стены выступают за сасанидские на 0,6—1 м; здесь, как правило, верх первых отделен от основания последних слоем натека, порой до 0,5—0,7 м толщиной, т. е. между прекращением функционирования первых и возникновением вторых был хронологический промежуток, за который успел накопиться слой, разделяющий их.

Под южной стеной цитадели Нарын-кала древней степы нет, и основание ее заглублено до материка с помощью траншеи. В юго-восточной части холма отмечено несовпадение осей древней и раннесредневековой стен, хотя первая и лежит в основании последней. Судя по направлению оси древней стены, она проходила южнее сасанидской. Однако это расстояние между древней и раннесредневековыми стенами крепости не могло быть значительным (видимо, не более 20—30 м), так как на большой территории раскопанного древнего могильника, расположенного примерно в 50—60 м к югу от цитадели Нарын-кала, стены не обнаружено. Этот некрополь скорее всего находился за пределами территории древней крепости, т. е. планировка и размеры территории первого опорного пункта почти полностью совпадали с цитаделью Дербента сасанидской поры. Стены древней крепости возникли на рубеже предскифско-скифского времени (VIII—VII вв. до н. э.), что было установлено путем выявления примыкания слоев того или иного периода к древним стенам, которое может быть только в том случае, если к моменту начала накопления слоя стена уже существовала.

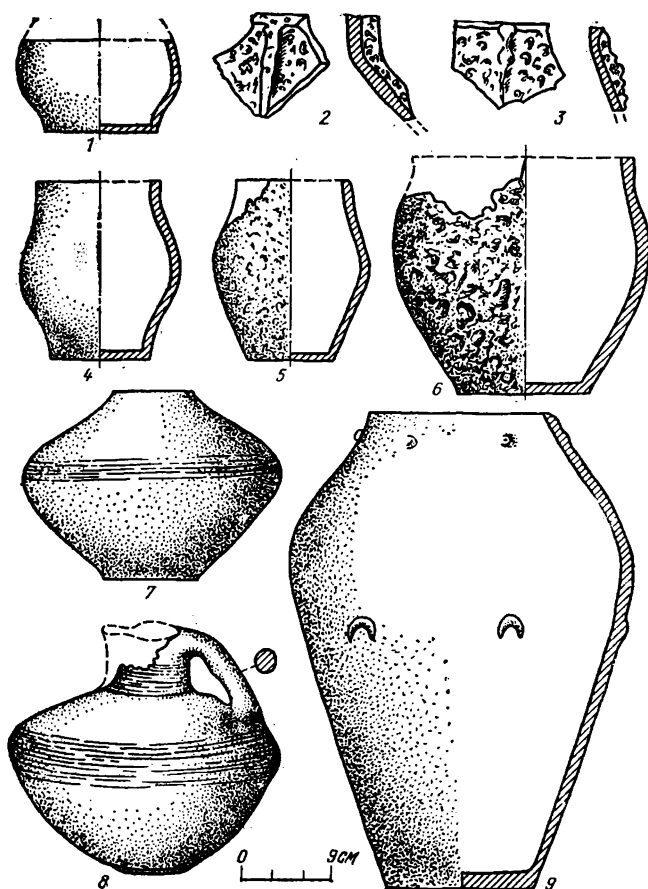
Древнейшие слои скифского времени (VII в. до н. э.) вплотную примыкают к кладке стен, и никаких следов траншеи или заглубления кладки в культурные напласто-

вания и материк не отмечено, т. е. древнейшие фортификационные сооружения Дербента уже существовали к началу VII в. до н. э. Основание кладки стены лежит непосредственно на древней дневной поверхности с определенным количеством культурных остатков, представленных главным образом керамикой эпохи бронзы. Проследить примыкание предскифского слоя к кладке оборонительных стен в должной мере не удалось, что было связано как с малой насыщенностью слоя культурными остатками и относительно небольшой интенсивностью обжигания в это время, так и с определенными трудностями исследования стратиграфических отложений у внутренней грани стен, засыпанных в нижней части землей материкового типа. Однако примыкание обоих слоев скифского времени к стенам отмечено четко, причем здесь не только прослежено примыкание самих слоев, но в них был вскрыт хорошо сохранившийся глинобитный пол, тщательно обмазанный жидкой глиной и сплошь покрытый слоем угля и золы толщиной до 5—7 см, свидетельствующим о сильном пожаре, уничтожившем существовавшую тут постройку.

Строительный материал, приемы возведения и конструктивные особенности древнейших укреплений Дербента находят себе самые широкие аналогии в оборонительных сооружениях Дагестана⁴³ этого времени, что позволяет, учитывая характерные особенности массового археологического материала, считать первые дербентские укрепления памятником местного, дагестанского строительства и связывать его основание не с именами эпических царей и прославленных завоевателей древнего Востока, а с местными обитателями этих районов Дагестана.

Убедительным доказательством этого служат исследования массового керамического материала из слоев Дербента досасанидского времени, свидетельствующие о его несомненном сходстве с подобными изделиями многих районов Дагестана, особенно южных, и ряда территорий Азербайджана.

Керамика составляет неотъемлемую и основную часть добываемого при археологических раскопках материала, особенно когда они проводятся на бытовых памятниках (города, поселения). Керамические изделия — это и огромные тарные сосуды для хранения зерна, вина, воды, и разнообразные котлы для приготовления пищи, и изящные чаши, кувшины, кубки для пиров, домашнего обихода.

Керамика Дербента предскифско-скифского времени (VIII—VII вв. до н. э.)

Кухонная, хозяйственная, столовая посуда благодаря своей массовости и незаменимости была широко распространена в обиходе всех слоев населения и поэтому является одним из наиболее важных источников по истории города на различных этапах его существования. Она самый массовый и дешевый вид продукции, что способствует ее широкому распространению. В то же время керамика весьма различна в разные времена и у разных на-

родов, легко подвержена «модe» как в формах и качестве, так в цвете и приемах орнаментации, что делает ее основным хронологическим и культурным показателем того или иного памятника. Металл и кость, ювелирные изделия и украшения, материи и стекло легко путешествовали по различным странам древнего мира, служили предметами обмена и торговли, грабежа и выкупа, подарка и дани, но массовая керамическая посуда всегда производилась и использовалась на местах, а следовательно, несет наибольшую информацию об обитателях данного места, о времени их жизни и этнической принадлежности.

Керамика Дербента огромна по объему и впечатляюща по разнообразию, но наибольший интерес, конечно, представляют керамические изделия из слоев, связанных с появлением первых фортификационных сооружений на холме, с возникновением Дербента.

Здесь широко представлена кухонная, хозяйственная, столовая посуда самых различных форм и назначения, но есть в ней характерные черты, специфичность «моды», присущие керамике многих районов Дагестана в предскифско-скифскую эпоху.

В хозяйственной посуде это — специфическая обмазка наружной поверхности сосуда жидкой глиной. Подобный прием обработки, повышающий водонепроницаемость посуды, широко использовался на Северо-Восточном Кавказе еще с эпохи бронзы. Особенно большое распространение в Дагестане он получил в последние века II тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия до н. э. Однако в VIII—VI вв. до н. э. толстая обмазка сосудов исчезает и заменяется более тонкой, а к середине I тысячелетия до н. э. подобный прием обработки поверхности сосудов почти полностью исчезает. Посуда с толстым слоем обмазки в Дербенте в слое предскифского времени встречается в значительном количестве, а в слоях скифского времени значительно меньше и к концу скифского времени исчезает совсем, что позволяет сопоставлять его в этот период в хронологическом и этнокультурном плане с синхронными памятниками Дагестана предскифско-скифской поры. В столовой посуде памятников Дербента предскифского времени преобладают сероглиняные и коричневоглиняные изделия, в большинстве случаев покрытые лощением, имеющим то же назначение, что и обмазка жидкой глиной, но придающим сосудам более красивый вид. Подобные сосуды орнаментировались рифле-

нием, сплошной сеткой гравировки или гравированным рисунком. Эта керамика, имеющая определенные специфические формы, широко бытовала на памятниках Южного Дагестана и некоторых районов Азербайджана в X—VIII вв. до н. э. и отмечена в большом количестве в предскифском слое Дербента, подчеркивая его хронологическое и культурное сходство с синхронными памятниками этих территорий.

В слоях скифского времени Дербента подобная посуда в значительной мере уступает место чернолощенным и серолощенным изделиям, типичным по формам и орнаментации для памятников Дагестана и Азербайджана VII—IV вв. до н. э., что служит показателем культурного сходства и хронологической близости Дербента этого времени с синхронными поселениями и укрепленными пунктами этих районов.

Подобное сходство широко прослеживается и в орнаментации керамической посуды. В предскифско-скифских слоях Дербента в большом количестве встречаются изделия, украшенные налепными валиками с вдавлениями и защипами, что было типично в орнаментации посуды Дагестана в VIII—IV вв. до н. э. В предскифском и раннескифском слоях Дербента отмечена керамика с глубоко врезаемым орнаментом, который широко применялся на посуде Дагестана в первой четверти I тысячелетия до н. э. и вышел из употребления в VII—VI вв. до н. э. Подобным же специфичным приемом орнаментации посуды в V—IV вв. до н. э. являлось украшение края сосуда (венчика) насечками, вдавлениями или изгибом. Посуда, украшенная таким способом, отмечена в слое Дербента позднескифского времени, а близкие аналогии ей находятся в керамике Южного Дагестана V—IV вв. до н. э. Все это позволяет утверждать, что обитатели дербентского холма в предскифско-скифскую эпоху составляли единое целое в культурном и этническом плане с населением Дагестана, особенно его южных районов.

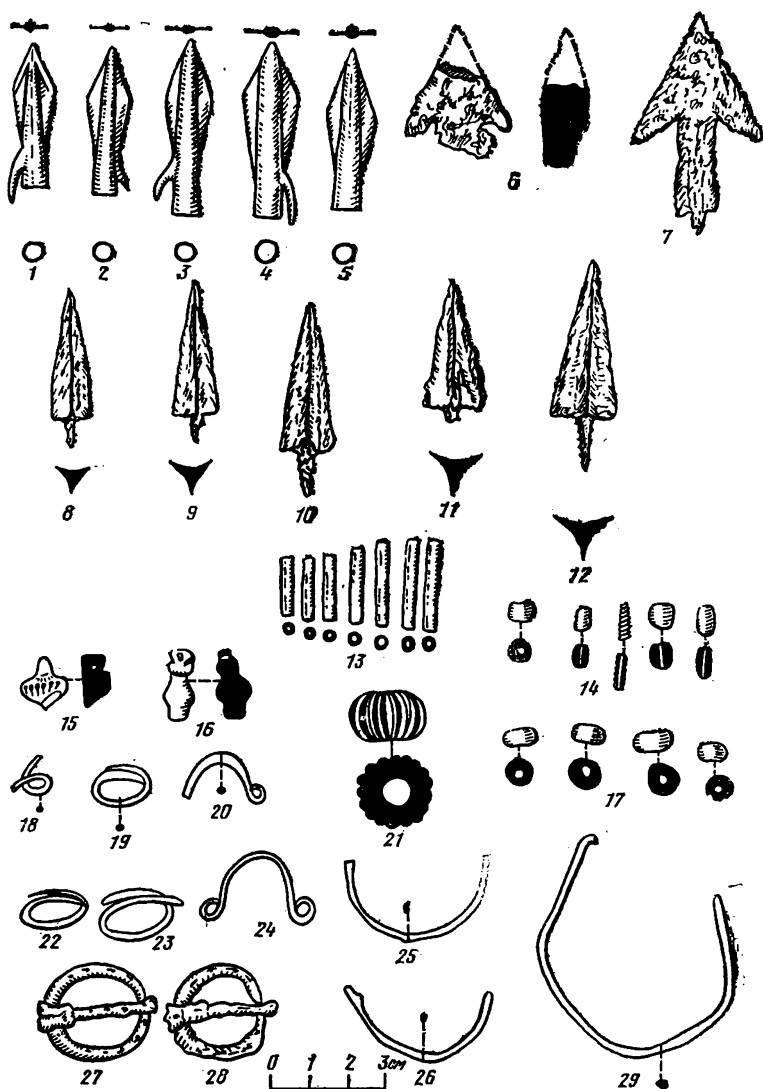
Археологические раскопки и анализ массового керамического материала развеяли легенды о великих чужестранцах, якобы основавших этот знаменитый город, и убедительно доказали, что первыми строителями и защитниками Дербента было местное дагестанское население, связанное с остальными районами Дагестана едиными экономическими и этнокультурными традициями. Но тогда возникает вопрос, против кого и зачем была по-

строена столь мощная крепость на вершине дербентского холма и почему она возникла именно в конце VIII — начале VII в. до н. э., а не раньше или позже? При отсутствии конкретных данных письменных источников трудно отвечать на эти вопросы, а древние камни надежно хранят свои тайны. И все же благодаря археологическим раскопкам мы можем предполагать, чем было вызвано это строительство и почему мощный укрепленный пункт на холме появился именно в это время.

Для этого необходимо вспомнить уже приводившееся сообщение Геродота о походе скифов в Переднюю Азию по западному побережью Каспийского моря через Дербент. Поход этот состоялся, по мнению многих авторитетных исследователей, в том числе таких известных историков и археологов, как М. М. Дьяконов, А. А. Иессен, именно в начале VII в. до н. э.⁴⁴ Это мнение подтверждается и упоминанием скифов ассиро-вавилонскими документами в 70-х годах VII в. до н. э. как крупной политической силы на Переднем Востоке, выступающей в союзе с Манной против Ассирии. В связи со временем скифского похода через Прикаспий А. А. Иессен писал о проникновении «в конце VIII или около рубежа VII в. до н. э. скифских орд с севера в Переднюю Азию через степи Азербайджана»⁴⁵.

Повышение активности кочевников в степях Северного Причерноморья и Предкавказья и усиление их проникновения на территорию Передней Азии через Дербентский проход способствовало появлению мощных оборонительных сооружений на слабоукрепленном поселении предскифского времени, обитателям которого пришлось защищаться от столь грозного противника. О том, что скифы поднимались на дербентский холм несмотря на крутизну его склонов и наличие свободного прохода по 3,5-километровой приморской полосе «ворот», свидетельствуют находки бронзовых наконечников скифских стрел и следы пожара в слоях этого времени, хотя не исключено, что до скифов здесь могли побывать киммерийцы или какие-то другие представители кочевых племен этого круга.

О существовании здесь крепости уже в VIII в. до н. э. и о нападениях на нее свидетельствуют и находки в швах кладки с внешней стороны стен крупных железных наконечников стрел закавказского типа, с сильно опущенными концами, характерных для предскифского и раннескифского времени.

Наконечники стрел (1—5 — скифские, бронза; 6, 7 — закавказские; 8—13 — сарматские, железо) и украшения скифского и албано-сарматского времени

Появление на дербентском холме мощных укреплений, связанных со слоями VIII—VII вв. до н. э., вероятно, можно считать ответной мерой на вторжение кочевников, прямым следствием упомянутого похода или походов скифов через Дербентский проход. Это предположение подтверждается как стратиграфией древних слоев Дербента, так и находками на вершине холма, в районе цитадели, бронзовых наконечников скифских стрел плоской формы с ромбовидной головкой, характерных для раннескифского периода⁴⁶, форма которых складывалась уже к VIII в. до н. э. у предков скифов и киммерийцев⁴⁷.

Подобные наконечники стрел были найдены у стен Ашшура и Вавилона⁴⁸, в слоях древних городов Урарту Тейшебаини и Аргиштихинили⁴⁹, павших в разгар активности скифов в Передней Азии в VII—начале VI в. до н. э., и во многих других городах древнего Востока. Наконечники скифского типа в значительном количестве выявлены в Прикаспийском Дагестане, вдоль пути скифов в Переднюю Азию (Кизляр, Бавтугай, Тарнаир, Махачкала, Тарки, Избербаш, Карабудахкент, Самур)⁵⁰. Исходя из предполагаемого времени скифского проникновения в Переднюю Азию через Дербентский проход, можно опираться на этот хронологический рубеж как на период наиболее вероятной активности строительной деятельности в проходе, время появления здесь мощной крепости, выявленной в северо-восточной части вершины холма. Стратиграфия культурных отложений, массовый археологический материал и названные исторические события позволяют считать конец VIII—начало VII в. до н. э. наиболее вероятной датой возникновения мощной крепости на дербентском холме, вокруг которой в скифское время стало складываться крупное поселение. Сказанное не исключает возможности существования каких-то укреплений на холме и в более ранний период, так как кочевники, судя по известным археологическим материалам Прикаспийского Дагестана, использовали дорогу через Дербентский проход уже в эпоху бронзы, а Страбон сообщает о походах киммерийцев в Переднюю Азию еще в IX—VIII вв. до н. э. Однако возникновение крепости, положившей начало Дербенту как мощному опорному пункту, который существовал и успешно развивался в скифское и албанское время вплоть до проникновения в проход Сасанидов, относится к началу скифского вторжения в Переднюю Азию. Позднее планировка этой крепости

была воспринята цитаделью Дербента сасанидской поры, выступавшей главным звеном в принципиально новой дербентской фортификации, сплошь перекрывшей проход, и основной частью городской структуры в топографии раннесредневекового и феодального города.

Поход или походы скифов через Кавказ в Переднюю Азию оказали большое влияние на развитие народов Дагестана, на их политическую активность и наложили отпечаток на материальную культуру, особенно четко прослеживаемый в предметах вооружения и конской сбруе, о чем свидетельствуют многочисленные материалы скифского облика, обнаруженные в различных районах Северо-Восточного Кавказа. В этот период, видимо, появляются укрепления на целом ряде поселений, расположенных в стратегически важных местах Прикаспийского Дагестана (Дербент, Шах-Сенгер), и возникают новые укрепленные поселения (Урцеди), выполнявшие, вероятно, определенные функции по охране важных стратегических мест в Прикаспии.

Глава II

НА СТРАЖЕ КАСПИЙСКИХ ВОРОТ

Несостоявшийся поход Нерона

Крушение огромного государства Ахеменидов под ударами непобедимых фаланг Александра Македонского и создание им мировой державы открыло новую эпоху в истории народов Востока и Запада. Мировая держава Александра распалась после его смерти, но на ее обломках возникли такие крупнейшие государства, как держава Селевкидов и птолемеевский Египет, во главе которых стояли наиболее способные его полководцы и диадохи. Они продолжали в определенной мере политику Александра по эллинизации Востока, где победоносные походы Александра способствовали возникновению новых «эллинистических» государств, в которых черты греческой культуры, экономики, военно-политической организации переплетались с местными. Восток ко времени македон-

ских завоеваний уже имел необходимые военно-административные объединения, но еще не выработал нужных ему экономических форм рабовладельческого строя, которые принес греческий мир со своим высокоразвитым рабовладением и полисом. Сплав этих двух систем способствовал рождению государств с новым политическим строем, в котором сочетались развитые производственно-экономические отношения Греции с военно-административной системой Востока.

Кавказ, находясь на окраине этого нового эллинистического мира, хотя и испытывал значительное экономическое, военно-политическое и культурное влияние, не был активно вовлечен в борьбу крупнейших его государств за гегемонию в Передней Азии и Средиземноморье.

В III—II вв. до н. э. в связи с ослаблением огромной державы Селевкидов и завершением во многих областях Кавказа процесса консолидации военно-племенных объединений складывается ряд независимых государств, наиболее известными из которых были: в Армении — Софена и Великая Армения, в Грузии — Иберийское царство и Колхида, на территории Азербайджана — Кавказская Албания. И если селевкидские правители еще пытались распространить свою власть на государства Армении, о чем свидетельствует поход Антиоха IV Эпифана против армянского царя Артаксия, то области западного Прикаспия их военно-политического влияния совсем не испытывали. Античный мир в этот период, видимо, не был знаком с Дербентом и не имел достоверных сведений об этих «воротах» Кавказа.

Но положение коренным образом изменилось с I в. до н. э., когда Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы Парфии и Рима за владычество на Востоке, в которой этим областям отводилась особая роль. Римско-парфянские войны подняли военно-стратегическое значение Дербентского прохода и расположенного там опорного пункта, сыграв значительную роль в истории его развития. Важнейшие «ворота» в северный Прикаспий и Юго-Восточную Европу стали интересовать римских полководцев, историков и географов, и сведения о них все чаще появлялись в произведениях античных авторов, особенно после походов на Кавказ римского полководца Помпея (66—64 гг. до н. э.). Начало римской экспансии на Кавказ было положено Митридатовыми войнами, в которые оказались втянуты Армения и Парфия.

Войны Рима с понтийским царем Митридатом VI (132—63 гг. до н. э.), по образному выражению классика французской поэзии Жана Расина, целиком составили славу трем величайшим полководцам республики — Сулле, Лукуллу и Помпею. Дальновидный политик и незаурядный полководец, Митридат понимал, какую смертельную опасность для его государства таило усиление Рима, укрепление его влияния в Средиземноморье и Малой Азии, и предпринимал все меры для организации отпора римской экспансии, заключая военные союзы с правителями государств этих районов.

Одним из союзников Митридата Понтийского был его зять армянский царь Тигран II, севший на армянский престол в 94 г. до н. э. с помощью парфянских войск. Тигран II оказывал активную помощь своему родственнику и союзнику, чем вызвал сильное недовольство римлян, и Лукулл, принявший в 74 г. до н. э. командование над римскими войсками в Азии и нанеший несколько поражений Митридату, перенес в 69 г. до н. э. военные действия на территорию Армении. Здесь он разбил наголову Тиграна у города Тигранокерта, и значительная часть Армении оказалась в руках римлян.

Помпей, сменивший в 66 г. до н. э. Лукулла на посту главнокомандующего римскими войсками, сумел не только развить этот успех, но, воспользовавшись внутренними распрями Тиграна II с сыном, добился фактического раздела Армении на два царства, во главе одного из которых стоял Тигран-отец, а другого — Тигран-сын.

Усмирив Армению, Помпей двинулся в погоню за Митридатом, который через Иберию бежал на Западный Кавказ, в Колхиду. Однако, учитывая благожелательное отношение иберийцев к понтийскому царю и помощь, которую они ему оказали в своей стране, Помпей не мог рассчитывать на радужный прием в Иберии, а, наоборот, полагал, что столкнется там с вооруженным сопротивлением. В связи с этим он в соответствии с одним из главных приемов своей тактики «захватывать врага врасплох» решил напасть на Иберию с тыла, через Албанию, сразу проникнув в наиболее уязвимые и богатые области страны. Албанский царь Оройс, сначала согласившись пропустить римлян, оказал им затем яростное сопротивление, но был разбит.

В течение кампании 65—64 гг. до н. э. Помпею удалось нанести несколько поражений албанам и иберам, и

цари их были вынуждены признать римское господство, хотя зависимость этих областей от Рима была чисто номинальной.

Во время походов Помпея римляне впервые столкнулись с албанами и познакомились с Восточным Кавказом. Самые ранние сведения о кавказских походах Помпея, всего через три-четыре десятилетия после них, приводит известный римский историк Тит Ливий, который писал, что, «преследуя Митридата, Помпей проник к самым крайним и неизвестным народам: иберам и албанам, которые не пропускали его, но он победил в сражениях»¹.

Одной из целей похода Помпея было ознакомление с западным побережьем Каспийского моря. Однако вопрос о том, сумел ли он до конца выполнить свой план, пока остается не совсем ясным, хотя большинство исследователей сходятся во мнении, что Помпею не удалось достичь побережья Каспия.

Такой авторитетный автор античного мира, как Страбон, писал около рубежа нашей эры, что Помпей «отправился в поход против иберов и албанов и доходил до обоих морей, до Каспийского и Колхидского»². Эту версию повторяет позднее автор IV в. н. э. Аммиан Марцеллин, писавший, что Помпей «прошел через страну албанов и массагетов, которых мы теперь называем аланами, разбил и это племя и увидел Каспийское озеро»³. Однако не менее известный историк античного мира Плутарх утверждает, что Помпей повернул с дороги, не дойдя совсем немного до берега Каспийского моря: «Помпей двинулся было к Гирканскому, или Каспийскому морю, но вследствие множества ядовитых пресмыкающихся отказался от этого намерения, не дойдя трех переходов до моря»⁴. Вряд ли можно считать названную Плутархом причину достаточно серьезным основанием для прекращения похода. Скорее всего, здесь можно говорить о причинах военно-политического характера, нехватке продовольствия и воды в условиях Мильской степи, обитатели которой не питали теплых чувств к завоевателям, усталости и недовольстве в войсках, которое, возможно, и было усилено какими-то инцидентами со змеями.

Однако, оставляя открытым вопрос о том, насколько прав Плутарх, называя причины, заставившие повернуть Помпея назад, и достиг ли он берега моря, как это утверждают Страбон и Аммиан Марцеллин, надо отметить главное: Помпей несмотря на трудности и враждебное от-

пошение окружающих племен стремился дойти до западного побережья Каспия, и эта цель его не была связана с основной задачей похода — преследованием Митридата. В связи с попыткой Помпея достичь побережья представляется справедливым мнение К. В. Тревер, считавшей, что Помпей, в руках которого был отчет Патрокла об упоминаемом выше объезде Каспия, пытался обследовать известный торговый путь, через который можно было связаться с Индией и с Передней Азией. Несомненно, что установление торговых сношений с северными народами, с областями Юго-Восточной Европы и Предкавказья через Кавказ, по Прикаспийскому пути, было очень важно для Рима. Ко времени римского проникновения на Кавказ эта известная трасса древности приобретает все большее международное торговое значение. Страбон в связи с этим писал, что по Прикаспийскому пути «аорсы (одно из кочевых племен Северного Кавказа сарматского круга.— А. К.) на верблюдах перевозили индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян»⁵. Известный автор II в. н. э. сообщал, что в Каспии ловят осетров, сушат их, а «затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны (город в древней Мидии, современный Хамадан.— А. К.)»⁶. Эти данные письменных источников дополняются находками на территории Кавказской Албании, до Дербента и дальше на север до Ставропольского края, селевкидских монет (в числе которых недалеко от Дербента найдены монеты Антиоха IV Эпифана, правившего во II в. до н. э.)⁷ и аршакидских драхм⁸ (парфянская серебряная монета), свидетельствующих об активизации торговли через западный Прикаспий.

В свете этих данных становится весьма вероятным предположение о стремлении Помпея, возможно имевшего сведения о Дербентском проходе, достигнуть важнейших «ворот» этого пути, «ворот» из Передней Азии и Закавказья на Северный Кавказ и в Восточную Европу. При такой постановке вопроса расплывчатое направление похода — к берегу Каспийского моря — приобретает конкретную цель — «ворота» Дербента. Подобное внимание к ним со стороны римлян вполне объяснимо как с военной, так и с торговой точек зрения, и не случайно веком позднее император Нерон готовил сюда грандиозный поход, целью которого было поставить Дербентский проход под контроль Рима.

Если до походов Помпея античный мир имел смутное представление о Восточном Кавказе и Прикаспии и писатели этого периода называли Каспийское море заливом океана, сообщая всякие небылицы об обитавших на его побережье племенах, то с I в. до н. э. подобные сведения почти совершенно исчезают, уступая место более реальным описаниям. С этого времени в античных источниках все чаще упоминается Дербентский проход, именуемый обычно авторами этой эпохи «Каспийскими воротами», реже — «Албанскими воротами».

Наиболее раннее его описание в источниках принадлежит известному античному автору второй половины I в. до н. э. Диодору Сицилийскому, который писал, видимо вскоре после похода Помпея, что это «весьма узкий проход, называемый поэтому Каспийскими воротами»⁹. Римский поэт I в. н. э. Валерий Флакк называл проход «Каспийскими теснинами», через которые завоеватели «с великим триумфом возвращаются, влача в плен массагета и мидянина»¹⁰. Однако до рубежа нашей эры Каспийские ворота упоминаются в основном при описании каких-то выдающихся событий предшествующего периода или географических характеристик Кавказа. Так, в связи с походами Александра Македонского Страбон писал, что «Фалистрия, царица амазонок, прибыла к Александру от Каспийских ворот»¹¹, причем расположение «ворот» он твердо связывает с побережьем Каспийского моря. В другом месте своего сочинения этот автор приводит географические описания Кавказа, сообщая, что «все эти части гор называются Парахоафром, равно как и простирающиеся до Каспийских ворот»¹².

Преобладание подобных сведений о Дербенте в сочинениях античных писателей конца последнего века до нашей эры было связано с военно-политическими событиями этого периода, когда Кавказ на некоторое время остался в стороне от главного направления римско-парфянских столкновений.

В 53 г. до н. э. римские войска потерпели жестокое поражение от парфян, приостановившее на некоторое время продвижение Рима на Кавказ и Передний Восток. Подобный позор после блестящих побед Помпея достался на долю его сотоварища по триумvirату (политическому союзу трех наиболее влиятельных деятелей Римской республики: Цезаря, Помпея, Красса) Марку Крассу. Красс, возглавивший в 55 г. до н. э. военные действия

против парфян, стремился быстрее сравняться славой с остальными двумя триумвирами — Цезарем и Помпеем, первый из которых покорил Галлию, а второй — весь Передний Восток. Но подобная поспешность и полная бездарность Красса как полководца привели к уничтожению римской армии, заманенной парфянами в безводную пустыню Месопотамии, и гибели его самого.

Гражданская война, убийство Цезаря и последовавшая за этим борьба за власть в Риме ослабили позиции последнего на Кавказе, но уже в конце I в. до н. э. — начала I в. н. э. римляне вновь продолжили активную политику в Армении, значение которой было столь велико, что она в этот период была единственной страной на Востоке, где Рим проводил военное вмешательство. Борьба за Армению и Восточный Кавказ с новой силой вспыхнула в I в. н. э., и в этот период воюющие стороны стали активно использовать в ней кочевников Северного Кавказа и Прикаспия, вооруженные отряды которых проникали к театру военных действий через основные проходы Кавказа — Дербентский и Дарьяльский.

Взросшее стратегическое значение Кавказских проходов, их роль в военно-политических событиях этого периода, когда правители Албании и Иберии, по сообщению античных авторов, пропускали кочевников против одной из воюющих сторон, «дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота»¹³, приводили порой к определенной путанице в их названии. Отдельные писатели этой поры, упоминая в связи с теми или иными событиями на Кавказе Каспийские ворота, имели в виду в ряде случаев, видимо, не Дербент, а Дарьяльское ущелье. Однако наиболее авторитетные историки и географы античного мира обычно называли Каспийскими воротами «ворота» Дербента. Страбон, описывавший встречу Александра Македонского с царицей амазонок, связывал Каспийские ворота с районами Прикаспия и горами Кавказской Албании, т. е. с Дербентским проходом. С побережьем Каспия связывали расположение Каспийских ворот известный римский поэт I в. н. э. Анней Лукан и античный автор II в. н. э. Элий Аристид, писавший, что «четвертое море впадает в наши страны от Борея и Каспийских ворот и называется Каспийским или, если хочешь, Ирканским»¹⁴.

В связи с определенной путаницей в месторасположении Каспийских ворот авторитетный римский историк

I в. н. э. Плиний Старший писал о Дарьяле, что это — «Кавказские ворота, многими ошибочно называемые Каспийскими, огромное создание природы, образовавшееся вследствие внезапного разрыва гор», и подчеркивал, что «нужно исправить ошибку» называющих «Каспийскими» те ворота в Иверии, которые, как мы сказали, называются Кавказскими»¹⁵.

С Дербентом связывал Каспийские ворота крупный христианский деятель и летописец III в. н. э. Ипполит Портский, писавший, что «албанцы (а не аланы или иберы, если бы речь шла о Дарьяльском ущелье.— А. К.) живут против Каспийских ворот»¹⁶. Подобные же сведения сообщал его современник и единоведец Евсевий, четко указывавший, что «албанцы же за воротами Каспианов»¹⁷.

Локализация Каспийских ворот в местах обитания албанов прочно вошла в античную литературу, и наиболее авторитетные историки этой эпохи Корнелий Тацит, Дион Кассий, Гай Светоний и многие другие связывали их именно с этими областями, т. е. с Дербентским проходом, входившим в состав Кавказской Албании.

Подобная связь Каспийских ворот с местами обитания албанов и частые упоминания об этом привели к тому, что иногда в источниках их стали называть «Албанскими воротами».

Употребление этого термина для обозначения «ворот» Дербента наряду с Каспийскими воротами, видимо, и привело к смешиванию Дербентского прохода и Дарьяльского ущелья, способствовавшему известной путанице в источниках. Приложение названия «Каспийские ворота» к Дарьяльскому ущелью, возможно, связано с тем, что не все античные авторы различали этнические термины «alani» и «albani». Так как наряду с Каспийскими воротами Дербентский проход именовался и Албанскими воротами, то совмещение этнических терминов могло привести к известной путанице названий и перенесению латинского термина «Caspia portae» (Каспийские ворота) с Албанских ворот на Аланские ворота. Подобные ошибки тем более возможны, что в раннесасанидских надписях, где упоминаются Албанские ворота (Накп- и Рустамская надпись Картира в Иране), они имеют одинаковое написание с Аланскими. Известный востоковед и крупный специалист по истории древнего Ирана Р. Фрай в связи с расшифровкой упомянутой надписи пишет, что

«...Албания представлена в написании «l'пу», хотя речь идет не об аланах, точно так же «Ворота Албанов», т. е. Дербентский проход, не следует смешивать с «Воротами Аланов» — Дарьялом, хотя написание (l'p'nBV) может привести к подобной путанице»¹⁸.

Отождествление Каспийских ворот с Дербентом позднее долго сохранялось в раннесредневековой исторической традиции, сосуществуя с его новыми названиями, и еще известный армянский автор VIII в. Гевонд писал, что арабы собрали дружины армянских нахараров «в стране албанской, у ворот Каспийских — у города, называемого Дербентом»¹⁹.

Однако при таком значительном количестве упоминаний Каспийских ворот письменные источники античной поры не дают ответа на самый главный вопрос — были ли они укреплены. Что понимали авторы этого периода под термином «ворота»: географическое название, своеобразие рельефа этой местности или укрепления, закрывавшие узкую приморскую полосу? Долгое время в исторической литературе считалось, что римские историки имели в виду, упоминая Каспийские ворота, лишь географические особенности Дербентского прохода. Но в конце 50-х годов нашего века крупный специалист по древней истории Кавказа, автор блестящего монографического исследования по Кавказской Албании К. В. Тревер выдвинула смелое предположение о том, что ряду античных писателей было известно о существовании укрепления Дербента и это нашло отражение в их произведениях. Поводом для такого предположения послужило сообщение римского историка Корнелия Тацита о событиях, связанных с правлением императора Нерона. Описывая свержение Нерона и вступление в Рим нового императора, бывшего наместника Нерона в Германии и Испании Гальбы, историк рассказывает о запланированном, но несостоявшемся походе Нерона к Каспийским воротам. Император Нерон, составивший себе сумасбродством и жестокостью дурную славу в истории, с самого начала своего правления столкнулся с трудностями на Востоке. Его предшественник император Клавдий, занятый покорением Британии, не уделял должного внимания восточной политике, что привело к ослаблению позиций Рима в Малой Азии и Закавказье и усилению здесь влияния Парфии, оставшейся единственным серьезным противником римлян. Парфянскому царю Вологезу I (51—77 гг. н. э.)

удалось значительно укрепиться в Армении и даже посадить на армянский престол своего ставленника Тиридата. Подобное положение, конечно, не устраивало римлян, придававших Кавказу особое значение.

Армения, представлявшая прекрасный плацдарм для наступления как на саму Парфию, так и на римские владения в Азии, всегда являлась яблоком раздора между ними. Для войн на Кавказе главнокомандующим с чрезвычайными полномочиями был назначен один из наиболее способных полководцев империи — Домиций Корбулон.

Но не только военно-стратегическое положение Кавказа привлекло внимание Нерона к нему, здесь пролегли и важные торговые пути с Востока на Запад. Хотя впервые при Нероне из порта Адена был проложен прямой морской путь в Индию продолжительностью в сорок дней, он был еще ненадежен и долог. Основная масса индийских товаров шла через далекие среднеазиатские области Парфянского царства, в том числе через Прикаспий и Кавказ. Нерон воскресил планы Александра Македонского и Юлия Цезаря о торговых путях на Восток через Западный Прикаспий и придавал особое значение пролежавшей здесь торговой трассе. Им был назначен грандиозный поход на Кавказ к Дербенту, контролировавшему этот путь.

К нему готовились с большой помпезностью и очень основательно. Нерон для похода на Каспий собрал множество легионов из различных провинций империи: Германии, Британии и Иллирии. Был создан особый легион, названный «фалангой Александра Великого», куда набирали самых рослых и здоровых солдат Италии, и легион морской пехоты, до этого не существовавшей в римской армии. Нерон сам решил возглавить поход к Каспийским воротам, но перед дорогой в далекие страны не смог отказать себе в удовольствии сначала посетить родину искусств Грецию, где он собирался стяжать лавры как музыкант, певец, актер. Однако «Нерон не поплыл к Каспийским воротам»²⁰, и войска, отправленные туда для «войны с албанами», он «вернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса» (римский наместник в Галлии, происходивший из царского рода галлов.— А. К.)²¹.

Дальнейшие события привели к свержению Нерона и гибели последнего императора из рода Юлиев-Клавдиев,

не осуществившего задуманного подчинения «ворот» Кавказа, однако данный поход привлек внимание исследователей не только как показатель возросшего значения Каспийских ворот, но и особым новым термином, примененным для их обозначения. В связи с указанными событиями Тацит назвал Дербент не просто Каспийскими воротами (*Caspia portae*), обычным его наименованием в римских источниках, а Каспийскими укреплениями, запорами, крепостью (*Caspia claustra*) ²². Это название употреблял в своих сочинениях современник и политический противник Нерона Анней Лукан и некоторые другие римские авторы I—II вв.

Подобные сообщения несмотря на некоторую спорность в их толковании являются первыми письменными данными об укреплениях Дербента, существование которых в I в. н. э. стало, видимо, известно не только римским военным и политическим деятелям, но также историкам и географам того времени.

В исторической литературе существуют два мнения о походе Нерона к Каспийским воротам и наличии здесь фортификационных сооружений. Сторонники первого мнения, наиболее четко сформулированного К. В. Тревер, считают, что ко времени похода Нерона в Дербентском проходе уже существовали укрепления, известные императору, против которых он готовил свой поход. Другие исследователи вслед за Е. А. Пахомовым полагают, что Нерон, планируя поход, лишь собирался возводить в проходе фортификационные укрепления. Оба высказанных мнения имеют определенное сходство, так как поход мог планироваться против существующих укреплений, но римляне, видимо, не исключали возможности их усиления и дополнения новыми.

Внимание античного мира к Каспийским воротам еще больше возрастает в связи с активизацией кочевников в прикаспийских степях. Между 72 и 74 гг. в Закавказье и на территорию Мидии вторглись кочевые племена ираноязычных аланов, занимавших к тому времени обширные степные просторы от Приазовья до западного побережья Каспия. Парфянский царь Вологез был вынужден обратиться к римлянам за помощью, но император Веспасиан не захотел помочь парфянам, хотя и предпринял ряд мер по укреплению союзной ему Иберии. У нас нет данных о том, что было сделано для усиления обороны Дербента, но, надо полагать, подобные меры должны были быть

предприняты. В 134—135 гг. аланы, по сообщению Диона Кассия, предприняли еще одно крупное вторжение в Закавказье через Дербент. От нападения кочевников страдали территории, подвластные как Риму, так и Парфии, но нередко набеги совершались по указанию одной из сторон на области, зависящие от противника. Античные писатели этой поры писали об опустошающих набегах степняков, которые, «проведенные по неожиданному пути через Каспийские ворота и армянские снега, нападают на сокровища Востока»²³, и о том, что не раз «римские полководцы проходили Каспийские ворота, угощая аланов из Армении»²⁴.

Активизация кочевников на Кавказе и систематическое проникновение хорошо вооруженных и организованных отрядов на юг внесло новый аспект в римско-парфянское соперничество в этом регионе.

Дербентский проход приобретает в этот период в связи с войнами Рима и Парфии на Кавказе еще большее значение, так как обе стороны стремились использовать в своей борьбе наемные отряды кочевников, которые, пройдя через Дербент или Дарьял, внезапно нанесли удар в тыл одной из противоборствующих сторон. Так, известный историк этого времени Иосиф Флавий писал, что Тиберий «большими суммами склонял царей иверского и албанского не задумываться воевать с Артаваном (парфянский царь.— А. К.). Но те сами не согласились воевать, а направляют на Артавана скифов, дав им проход через свои земли и открыв Каспийские ворота»²⁵. Подобные примеры использования наемных отрядов кочевников парфянами и римлянами приводят Тацит и ряд других античных авторов. Нередко сарматские и аланские вожди, по сообщению Тацита, «приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправлялись на помощь и к той, и к другой»²⁶ сторонам.

Понимая стратегическое значение Дербента, и Парфия, и Рим стремились подчинить себе эти «ворота». С попыткой римлян распространить свое влияние на Дербентский проход связывает Е. А. Пахомов пребывание на территории Кавказской Албании легиона XII Фульмината.

Но укрепиться в проходе римляне не смогли, ни в одном из дошедших до нас произведений античных авторов нет указаний на возведение ими каких-либо фортификационных сооружений, хотя не исключено, что ряд оборо-

нительных мероприятий по укреплению прохода могли предпринимать парфяне, чье влияние на Восточный Кавказ в I в. до н. э.— I в. н. э. было значительным.

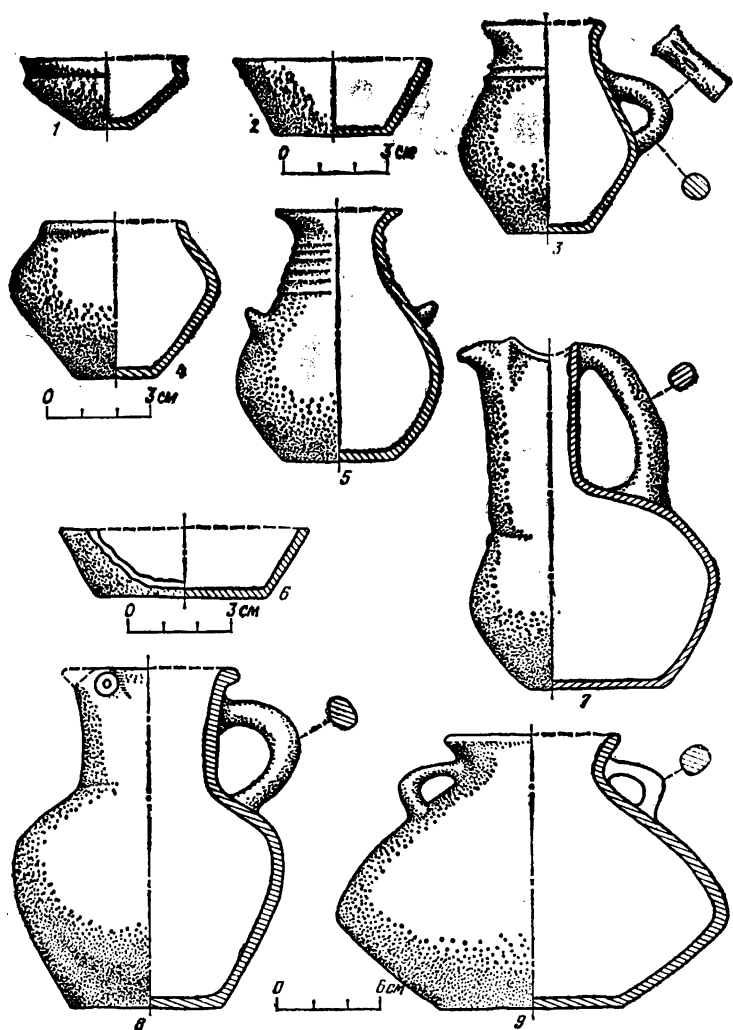
Относительная независимость Кавказской Албании от Рима, управлявшейся даже в самое тяжелое для Закавказья время своими царями²⁷, не считавшими нужным являться в Рим несмотря на расточаемые им цезарями милости²⁸, дает основание полагать, что Дербентский проход не попал под непосредственный римский контроль, а следовательно, и не укреплялся ими.

Насколько сильны были здесь позиции Парфии, сказать трудно, но, судя по сообщениям Тацита, союзные парфянам отряды кочевников использовали именно Дербентский проход, так как цари Иберии, ориентировавшиеся на Рим, не пропускали их через Дарьяльский проход. Этот римский историк писал, что сарматы, выступившие на помощь римлянам, были быстро пропущены иберами, «между тем как направлявшиеся к парфянам были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного — между морем и оконечностями албанских гор (т. е. Дербентского прохода.— А. К.)»²⁹. По сведениям армянских авторов IV—VI вв., в III в. н. э. цари Армении из династии парфянских Аршакидов имели какую-то власть над «проходом Дербентским или Джора» и пропускали через него против своего главного противника — сасанидского Ирана воинственные племена Северного Кавказа. Согласно данным «Истории Армении» Фавста Бузанда (IV в.), область прохода в первой половине IV в. была подвластна царю родственных аланам ираноязычных племен маскутов Санесану, который назван «аршакидским царем маскутов... ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода»³⁰. Таким образом, парфянское влияние в первых веках нашей эры могло иметь весьма значительное распространение в районе Дербента, хотя это не означает обязательную прямую зависимость и присутствие здесь парфянского гарнизона. Вероятнее всего, это влияние распространялось через армянского и албанского царей, а также через царя маскутов, связанных с правителями Парфии союзными договорами и родственными узами. Возросшее значение прохода в период римско-парфянских войн на Кавказе привлекало к нему внимание античных авторов, и в их произведениях Каспийские ворота стали особым местом, вблизи которого помещали даже прикованного к скалам Кавказа мифического Прометея³¹.

Загадка карты Птолемея

Раскопки, проводимые на дербентском холме, показали, что столь значительное внимание античных историков и географов к Дербенту этой поры было не случайно. Прежде всего выяснилось, что этот крупный опорный пункт, возникший на вершине холма ко времени упомянутых уже походов скифов в Переднюю Азию, продолжал расти и развиваться. Прикрытый мощными стенами, он превратился в своеобразную цитадель, вокруг которой стал формироваться город албанского времени. Культурные слои Дербента, относящиеся к этому периоду, в два раза превосходят по толщине слои предшествующей эпохи и намного насыщеннее их архитектурными комплексами и другими культурными остатками, что служит показателем более интенсивного обживания этой территории в албанское время и определенного периода подъема в развитии существовавшего здесь опорного пункта. Но бурные исторические события на Кавказе, связанные с римско-парфянскими войнами за его обладание, наложили отпечаток на развитие Дербента этой поры и падали четкое отражение в его культурных напластованиях. Раскапывая Дербент этого времени, археологи выявили четыре слоя, относящихся к албанскому периоду, два из которых не имеют никаких культурных остатков, т. е. их появление не связано с пребыванием и деятельностью людей, а является следствием каких-то этапов запустения на дербентском холме. Причиной их, вероятно, были крупные пожары, следы которых отмечены скоплениями угля и золы в слоях, предшествующих началу каждого из запустений.

Первый из этих этапов наступил примерно на рубеже нашей эры. Судить об этом стало возможно после анализа массового керамического материала из первого, самого раннего слоя албанского периода, который был перекрыт наслоением грунта без культурных остатков. Керамика из этого раннеалбанского слоя отличается от глиняной посуды более ранней эпохи, характерной для нижележащих слоев скифского времени. Здесь совершенно исчезает посуда с обмазкой жидкой глиной, в орнаментации отсутствуют налепные валики с вдавлениями и насечками, исчезают изделия с орнаментацией по ребру венчика и кувшины, ручки которых снабжены шипами-заклепками па торце. Одновременно среди посуды этого периода отме-

Керамика Дербента албано-сарматского времени (III в. до н. э.—
III в. н. э.)

чено увеличение числа кувшинов со сдвинутым сливом, орнаментированным круглыми налечами по бокам, сосудов так называемого зооморфного типа, т. е. подражавших своими формами каким-то животным, высококачествен-

ных чернолощенных и серолощенных чашечек, чаш, кувшинов, мисок, являвшихся столовой посудой и не имевших, кроме лощения, никакой орнаментации.

Одним из основных новшеств в керамике албанского периода было появление посуды, наружная поверхность которой покрывалась специфическим ярко-красным составом из специальных, очень хорошо очищенных глин, окрашенных органическими красителями, в состав которых входил мак. Посуда с подобным красным покрытием характерна для Дербента и многих других памятников Дагестана и Азербайджана только в албанское время и исчезает в средневековую эпоху.

Иногда в состав глин, покрывавших наружную поверхность керамических изделий очень тонким слоем, добавляли белый, обычно минеральный краситель, и сосуды приобретали светлый праздничный вид. Такая посуда производилась в Дербенте только в албанское время.

В первом слое албанского периода количество посуды с ярко-красным и светлым наружным покрытием еще невелико, так как в раннеалбанское время производство подобных керамических изделий только начало осваиваться. Посуда с ярко-красным, иногда бордовым и светлым наружным покрытием получила массовое распространение в период, связанный с отложением второго слоя албанского времени. После кратковременного запустения, относящегося к рубежу нашей эры, жизнь на дербентском холме вновь возродилась. Укрепления, подвергшиеся в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э. нападению и преданные, судя по разрушениям и внушительным прослойкам угля и золы, сплошь покрывавшим полы и дворики строений этого времени, огню и мечу, снова стали функционировать.

Новый этап подъема Дербента пришелся на I—III вв. н. э. Это был период бурных исторических событий на Кавказе, в которых Дербент играл значительную роль. В то же время в I—III вв. н. э. происходило политическое и экономическое укрепление государства Кавказская Албания, росли и возвышались ее города, развивалось сельское хозяйство и ремесло, расширялись торговые связи, усиливалась царская власть.

Римляне, побывавшие во время военных походов на Кавказе, восторженно рассказывали об удивительном плодородии земли в Кавказской Албании, которая «однажды засеянная, приносит и два и три урожая, причем в первый раз даже сам-пятьдесят»³².

Полноводные реки и системы искусственных каналов, способствующие тому, что албанская земля «орошается лучше, чем вавилонские и египетская», «прекрасные пастбища», способные прокормить огромные стада, бесчисленные сады и виноградники, которые «дают столько [винограду], что большая часть его остается на ветвях»³³, — такой предстает Албания в описаниях Страбона.

Экономическое и политическое усиление Кавказской Албании не могло не отразиться на одном из важнейших военно-политических и торгово-экономических ее пунктов, и Дербент в указанный период действительно переживает один из этапов своего расцвета.

На территории цитадели в слое этого времени были раскопаны большие многокомнатные архитектурные комплексы, возведенные не только из бутового, но и обработанного камня. Это первое применение обработанного камня в архитектуре Дербента, который в дальнейшем найдет широкое распространение в строительстве разнообразных его памятников, особенно в средневековую эпоху. Стены помещений достигали значительной толщины, обычно 0,6—1 м, и укладывались на глиняном растворе. Порой в них имелись вставки из орнаментированных камней. В домах устраивались полы из тщательно уплотненной глины, толщина которых достигала 5—12 см, обмазанные сверху слоем светлой глины.

Обычно в каждом помещении имелся небольшой напольный очаг, в хозяйственных постройках очаги достигали значительных размеров.

В I—III вв. увеличивается обживаемая территория за стенами крепости, на юго-западной части холма, однако роскошные дома здесь в основном состоят из одного, редко двух небольших помещений и сложены из бутового камня, с глинобитными полами и напольными очагами. Нередко в помещениях обнаруживались вкопанные в землю большие хозяйственные сосуды, служившие, видимо, для хранения зерна.

Изучение материалов, полученных в результате раскопок, свидетельствует о развитии здесь ремесла, связях обитателей Дербента этой поры с сельским хозяйством, усилении его торговых контактов с другими областями, которые, судя по находкам парфянских монет, ближневосточного стекла, египетской пасты и украшений, импортных бус, колец, подвесок и других предметов, были весьма значительны и разнообразны.

Наличие в цитадели многокомнатных комплексов, выделяющихся среди небольших домов основной массы обитателей дербентского холма, живших за ее пределами, своими размерами, планировкой, строительным материалом и инвентарем, заставляют думать, что в данный период ее стены имели уже не только оборонительное значение, но и социальный смысл, отделяя эту привилегированную часть города от остальной территории. Подобное предположение о высоком уровне социального расслоения населения города албанской поры подтверждается и раскопками на некрополе этого времени. Здесь наряду с довольно бедными могилами, в которых покойного, отправлявшегося в иной мир, сопровождало лишь небольшое количество предметов, один-два горшка да несколько мелких изделий из бронзы или железа, были вскрыты богатые захоронения. Там вместе с погребенным в могилу клали дорогое оружие, любимого коня и собаку, разнообразные украшения, в том числе привезенные с Переднего и Среднего Востока, Египта и из других мест, кувшины и чаши различного назначения. В загробный мир знатного покойника сопровождала жена или наложница, а на дно могилы под ноги умершему были брошены отрубленные головы и руки каких-то зависимых людей — рабов или пленных врагов, убитых в день похорон господина.

Высокий уровень социально-экономического развития Дербента этой поры, наличие монументальной архитектуры, обширные торговые связи, значительный территориальный рост и социальные явления, связанные с выделением цитадели в особую часть его территории, позволяют говорить о том, что в данный период он стал превращаться из крупного опорного пункта, охранявшего «ворота», в значительный город албанской поры. Это не значит, что он потерял свое военное значение. Дербент, подобно многим городам Кавказа того времени, оставался городом-крепостью, городом-стражем, но в то же время его развитие вступило в новую фазу, он приобрел новое, торгово-экономическое значение.

Однако если в этот период Дербент превратился из крепости в город, судя по материалам раскопок весьма значительный, то не дошли ли сведения о нем до нас в античных источниках, не упоминает ли какой-либо историк или географ его среди известных городов Кавказа? Оказывается, подобный вопрос возник еще до начала рас-

копок в Дербенте, и ряд исследователей, изучая сообщения античных авторов о Кавказской Албании, нашли возможным сопоставить его с одним из известных, по письменным данным того периода, городом Восточного и Северо-Восточного Кавказа. Наиболее полные данные о городах Кавказской Албании приводит известный античный астроном и географ Птолемей (70—147 гг.), в труде которого, снабженном картой, названы 28 албанских городов и селений, в том числе четыре крупных на побережье Каспийского моря, между реками Курой и Соаной.

Названия этих четырех городов у Птолемея, широко использовавшего в своем сочинении труды других авторов, чередуются с указанием устьев рек, впадающих в Каспийское море, неподалеку от которых они расположены. Текст Птолемея гласит: «За устьем реки Соаны — город Телайба; устье реки Герра — город Гелда; устье реки Койсия — город Албана; устье реки Албан — город Гайтара, за которым устье реки Куры»³⁴.

Подобное местоположение их на карте Птолемея дало основания специалистам считать, что все они приморские и могут быть отождествлены с древними населенными пунктами западного Прикаспия.

Наиболее древним и значительным, а следовательно, лучше всего известным античному миру поселением на западном побережье Каспийского моря являлся, как уже отмечалось ранее, населенный пункт на вершине дербентского холма, что позволяет видеть в нем один из перечисленных четырех прибрежных городов. Но вопрос, какой из этих городов можно сопоставить с Дербентом, остается спорным в исторической науке и сегодня. Среди исследователей нет единого мнения, с какими из современных рек Кавказа отождествляются реки, указанные на карте Птолемея. Попытки сопоставить древние названия с современными по созвучью оказались малоэффективными. И реки, и города за две тысячи лет, видимо, не раз меняли свои названия, чему яркой иллюстрацией служат многочисленные наименования Дербента, а передача гортанных местных кавказских их названий в греческом и римском написании давала очень сильные искажения, еще больше увеличенные последующими переписками древних текстов источников. О том, что Птолемей при составлении карты и перечня албанских городов пользовался именно местными названиями, свидетельст-

вует об отсутствии там Каспийских ворот, названия столь обычного в античной литературе, но, конечно, не известного местным жителям, именовавшим ворота по-своему. Эти трудности были усугублены еще и тем, что при указании географических координат этих населенных пунктов Птолемей, по высказыванию известного специалиста по древней географии Д. О. Томсона, использовал для своей карты неудачную цифру длины земной окружности, приведшей к неверному определению величины градуса, а следовательно, и всех координат.

Все это способствовало тому, что, согласно данным карты Птолемея, Каспийские ворота — Дербент — сопоставляют то с албанским городом Албаной (А. К. Бакиханов), то с городом Гелдой (С. А. Ковалевский).

Внимательное изучение сообщений Птолемея и сведений о месте обитания одного из древних племен Северо-Восточного Кавказа — гелов, от имени которых могло произойти название города, делает вторую версию более правдоподобной. Однако при подобной спорности данных письменных источников ответить на этот вопрос могли лишь археологи, которым предстояло найти на дербентском холме город албанской поры. Ведь было неизвестно, имеются ли в Дербенте памятники, относящиеся к периоду раньше V—VI вв. Могло оказаться, что слоев албанского времени вообще нет среди культурных отложений Дербента и тогда о сопоставлении его с Гелдой или каким-то другим албанским городом не могло бы быть и речи. Но этого не случилось. В албанский период на вершине дербентского холма существовал город-крепость, возникший еще в предшествующую эпоху, и сторонники отождествления птолемеевской Гелды с Дербентом получили веские аргументы для доказательства своей правоты. Теперь мы можем утверждать со значительной уверенностью, что древний Дербент, именуемый в античных источниках Каспийскими и Албанскими воротами или Каспийскими запорами, укреплениями, крепостью, местное население называло городом Гелдой.

Раскопки показали, что эта крепость, а позднее известный город продолжали охранять на протяжении всего албанского периода важную дорогу в западном Прикаспии и обитателями его, стражами знаменитых «ворот» были местные дагестанские племена, входившие в этот период в состав Албанского царства.

Вопросы о времени включения Дербентского прохода в

состав Кавказской Албании и о ее северных границах до сегодняшнего дня остаются открытыми, хотя подавляющее большинство современных исследователей, касавшихся этих проблем древней истории Кавказа, считают несомненным сам факт его вхождения в это древнее государство Восточного Кавказа. Археологические раскопки подтвердили эти предположения и убедительно показали, что в основных компонентах материальной культуры — керамике, предметах вооружения и быта, украшениях, некоторых обрядах захоронения, в архитектуре и строительной технике — Дербент албанского времени имеет значительное сходство с памятниками Азербайджана и Дагестана этого периода, свидетельствующее об определенной близости представленных на них культур. Однако высказанное К. В. Тревер предположение о вхождении Дербента в состав Кавказской Албании только со второй половины I в. н. э. и о появлении здесь первых укреплений именно с этого времени вряд ли можно признать обоснованным. Ни сведения письменных источников, ни данные археологии не дают оснований делать подобные выводы. И если античные авторы не сообщают по этому поводу никаких конкретных сведений, то археологические данные не оставляют сомнений, что укрепления здесь возникли задолго до указанного периода и существовали и в раннеалбанское время, причем уже ко времени походов Помпея на Кавказ Дербент, видимо, входил в состав Кавказской Албании.

С конца I в. н. э. северная граница Кавказской Албании, проходившая к этому времени, по-нашему мнению, в районе между р. Сулак и современной столицей Дагестана г. Махачкалой, стала отодвигаться к югу, к Дербенту, под напором кочевых племен Предкавказья и северного Прикаспия.

Именно в этот период, в 72—74 гг., спустя всего четыре года после запланированного, но не состоявшегося похода Нерона, аланы и сарматы предприняли один из наиболее крупных походов через Дербентский проход в Закавказье и Переднюю Азию.

Археологические раскопки, проводившиеся в Прикаспийском Дагестане к северу от Дербента (в районе г. Махачкалы и с. Карабудахкент), засвидетельствовали в I—III вв. активное проникновение кочевых ираноязычных племен сарматского круга в его равнинные районы и определенной их влияние на культуру местных дагестан-

ских племен, имевшую в этот период несомненную близость с культурой населения южных территорий Кавказской Албании. Однако следы этого влияния степняков быстро убывают по мере продвижения на юг к Дербенту и здесь уже почти не ощущаются. Если в северных районах Прикаспийского Дагестана, судя по изученным археологическим памятникам, пребывание кочевников носило характер определенной стабильности, то в Дербенте оно эпизодично и отмечено следами пожаров и разрушений, находками сарматских наконечников стрел и других предметов вооружения. Но это были лишь отдельные набеги, причем, судя по ограниченному количеству разрушений, не всегда успешные, во время крупных походов степняков в Закавказье и Переднюю Азию. Сам Дербентский проход и город в нем продолжали оставаться албанской территорией. Граница между Кавказской Албанией и кочевниками в I—III вв. пролегла где-то между Махачкалой и Дербентом, постепенно смещаясь к югу, в сторону последнего.

Вывод о вхождении Дербента в этот период в состав Албанского царства находит подтверждение как в сообщениях античных историков I—II вв. (Тацит, Светоний, Дион Кассий), писавших о том, что Нерон отправил войска к Каспийским воротам «на войну, которую он готовил против албанов», так и в данных позднеантичных авторов III—IV вв. (Ипполит Портский, Евсевий), сообщавших, что «албанцы живут против Каспийских ворот» или «албанцы же за воротами Каспианов».

Значительная активизация кочевого мира в IV—V вв. изменила равновесие сил между кочевниками и албанами, сложившееся в Прикаспийском Дагестане. С севера сюда хлынули новые орды кочевников, которые стали проникать за Каспийские ворота и оседать к югу от Дербента.

В IV—V вв. в культурных слоях Дербента и на ряде памятников, расположенных в непосредственной близости от него, наряду с обычной для албанского периода посудой с ярко-красным и белым наружным покрытием появляется определенное количество сероглиняной керамики, своими формами и орнаментацией тяготеющей к керамическим изделиям кочевых обитателей Северного Кавказа и Предкавказья, а также предметы вооружения и быта, типичные для степняков, что было связано с широким проникновением в эти районы кочевников. Сначала это были родственные аланам племена маскутов, вытес-

ненные из Предкавказья, видимо, первыми волнами степняков, сдвинутых с мест своих кочевок, «великим переселением народов», вызванным гуннским нашествием. В конце IV в. сюда проникли гунны, обосновавшиеся к северу от Дербента. Появление новой грозной силы в лице мощных объединений кочевых племен, для которых Закавказье и Передний Восток стали желанной и доступной добычей, заставило правителей государств этих регионов принять ряд оборонительных мер против степняков, и граница между закавказско-ближневосточным земледельческим и кочевым мирами надолго пролегла у ворот Дербента, а сам он стал на многие столетия главным оплотом в борьбе с различными кочевыми союзами и империями Восточной Европы.

Глава III

ОПЛОТ САСАНИДОВ

Персы у «ворот»

Дальнейшее развитие Дербента и превращение его в главный оплот борьбы с кочевниками на Кавказе, крупнейший памятник мирового фортификационного строительства были связаны с историческими событиями, оказавшими огромное влияние на судьбы народов Европы и Азии. Речь идет о рождении нового персидского государства — сасанидского Ирана, в сферу влияния которого был втянут и Кавказ, и о гуннском нашествии, во многом изменившем его этническую и политическую историю и сыгравшем большую роль в сложении здесь мощных кочевых объединений.

К началу III в. н. э. в прошлом могучее Парфянское государство, в течение нескольких веков оспаривавшее у Рима господство в Азии, пришло в упадок и стояло на краю гибели. Ослабленная внутренними распрями и общим кризисом рабовладельческой системы, теснимая на востоке кочевниками, а на западе Римской империей, огромная Парфянская держава переживала глубокий упадок, которым воспользовался персидский род Сасанидов, сокрушивший великих Аршакидов, бессменную династию

царей, одерживавших когда-то победы над железными легионами Рима. Новое возвышение Ирана, хранившего еще память о величии Ахеменидов, началось с его внутренних областей, входивших в состав Парфии, но очень слабо связанных с ней экономически и политически. Со времени победоносных походов Александра Македонского, сокрушившего Ахеменидскую державу, и до падения Парфянского царства эти области сохраняли значительную независимость и обособленность, правители их чеканили свою монету, имена на которой свидетельствуют о преемственности ахеменидских традиций.

Здесь, на юго-западе Иранского плато, в области Парс (по-гречески Персида), бывшей некогда центром мировой Персидской державы, правителем одного из мелких княжеств стал Папак, сын Сасана. Род Сасанидов по преданию вел свое происхождение от Ахеменидов, и представитель этого знатного рода Папак, сменивший в 208 г. звание верховного жреца древнеперсидской богини плодородных вод Анахиты (в Греции и Риме она отождествлялась с Артемидой) на титул правителя, начал вместе со своим сыном Арташиром борьбу за новое объединение Ирана под властью Парса. В решительном сражении на равнинах Мидии парфяне потерпели сокрушительное поражение от персов. В битве при Ормиздакане (224 г.) решилась судьба Парфянского государства, и через два года Арташир (226—242 гг.) торжественно вступил на престол. Но некоторое время борьба в отдельных частях огромной державы Аршакидов еще продолжалась. Особенно она обострилась на Кавказе, и Сасаниды уже тогда почувствовали особую роль Дербентского прохода в исторических судьбах Переднего Востока. Новому персидскому государству, едва возникшему на развалинах Парфянской державы, пришлось вести тяжелую войну с кочевниками, пропущенными через проход враждебно настроенными к Сасанидам правителями Закавказья.

Армянские историки V в. Агафангел и Моисей Хоренский в связи с этими событиями первой половины III в. сообщают, что царь Армении Хосров I (204—239 гг.), происходивший также из рода Аршакидов, мстя за смерть своего родственника парфянского царя Артабана V, убитого по преданию лично Арташиром, «приказал открыть проходы Аланский и Дербентский или Джора»¹ и пропустил против персов воинственные племена Северного Кавказа и Прикаспия.

Пришедшие на помощь армянам «полчища иверцев, агван, гуннов, джигпов, лпинов, каспов и других», совершили «несколько удачных походов в Персию, где предали огню и мечу города и села»² и «разгромили весь край до самого Тисбона (Ктезифона)»³.

Арташиру пришлось много воевать для упрочения своей власти, особенно в Армении⁴, но после ухода союзников армян, между которыми «не было единодушия», Сасанидам удалось одержать верх. Этот горький урок не прошел даром для правителей Ирана, и уже следующий представитель династии Сасанидов — «царь царей» Шапур I (242—272 гг.) совершил своего рода карательную акцию против укреплений Дербента.

Об этом стало известно благодаря надписям, открытым в 1936 г. на юге Ирана в местности Накш-и Рустам. Здесь в знойной, высохшей долине, окруженной отвесными черными скалами, находится один из самых почитавшихся в Иране в древности храмов — Ка'ба Зороастра. На его цоколе и была обнаружена американской археологической экспедицией победная надпись Шапура I, в которой перечислены области, входившие в состав сасанидского Ирана (по-персидски Иран-шахр), и среди них назван район Дербентского прохода. Еще более определенно о походе Шапура I к Дербенту говорится в надписи магупата (верховного жреца) Ахура Мазды («Премудрого владыки» — главного бога света и добра у зороастрийцев) Картира на том же Ка'бе Зороастра, который сообщает, что «...кони и люди Шапура, царя царей...», покорив государства Закавказья, дошли «до Албанских ворот, там где Шапур, царь царей, с конями и людьми, сам... разрушения и пожарища... учинил...»⁵.

Победные войны Шапура I с Римом, открывшие ему дорогу в Закавказье, приходится на вторую половину III в. (256 г., 258—260 гг.), что соответствует хронологическим рамкам начала второго периода запустения в Дербенте. Сопоставление сообщения Накш-и Рустамской надписи Картира с данными археологических раскопок в Дербенте (сплошная прослойка угля, золы и слой грунта без культурных остатков, перекрывающие отложения I—III вв. н. э.) позволяет предположить, что с этим походом Шапура I к Албанским воротам надо связывать отмеченный в культурных слоях Дербента пожар, послуживший причиной запустения его на некоторый период.

Способный полководец, умный и энергичный политик,

Шапур I сумел верно оценить огромную роль Дербентского прохода в судьбах Ирана и подвластных ему областей и, видимо, уже в середине III в. пытался распространить свою власть на него. Однако несмотря на большие военные успехи персов, в результате которых, судя по надписи Шапура I, им удалось на какое-то время захватить большую часть Закавказья, укрепиться в Дербентском проходе Сасаниды в этот период, видимо, не сумели. Даже блестящая победа над Валерианом в битве у города Эдессы в Месопотамии (260 г.), когда случилось небывалое в римской истории — в плен попал сам император со всем своим окружением, — не дала персам возможности полностью покорить Закавказье, сохранившее верность Риму⁶.

Свидетельством этого может послужить реакция правителей Кавказа на победу Шапура над Валерианом, о которой он известил письмами многие страны. По сообщению римского историка IV в. Юлия Капитолина, из всех кавказских царей лишь правитель Армении Артавазд, видимо наиболее зависимый от Ирана, ответил на послания Шапура, но не столько воздавал ему принятые в таких случаях похвалы, сколько поучал грозного персидского царя, напоминая ему, что пленением «одного старика (Валериана.— А. К.)» он «не столько одержал победу, сколько посеял войны». Цари албанов и иберов «не приняли писем Шапура, а обратились с посланиями к римским вождям, обещая помощь в деле освобождения Валериана»⁷.

Все это позволяет говорить, что прочной власти на Дербентский проход, как и на другие районы западного Прикаспия, в правление Шапура I персы распространить не смогли. Поход, предпринятый иранцами к Дербенту, носил скорее характер кратковременной военной акции, а не стабильного завоевания этой территории. Подобное предположение подтверждается и данными археологических раскопок. В слоях Дербента этого времени нет никаких следов длительного пребывания здесь персов. Наоборот, после «разрушения и пожарищ», учиненных войсками Шапура, жизнь на дербентском холме на некоторое время замерла и весь город или большая часть его лежали в развалинах. Новое возрождение Дербента относится лишь к началу IV в., когда он быстро восстанавливается и вновь активно развивается. Но это возрождение Дербента не связано с Ираном, который в этот

период, судя по данным письменных источников и археологических исследований, не имел никакого влияния на эти области Восточного Кавказа.

В конце III — начале IV в. и сасанидский Иран, и Римская империя, раздираемые внутренними противоречиями и бесконечными войнами друг с другом, не имели достаточно прочной власти в Кавказской Албании и вообще в Закавказье, которое становится ареной ожесточенной борьбы. Ни та, ни другая сторона в этот период не могла контролировать «ворота» Дербента, но первую попытку персов проникнуть в проход в начале второй половины III в. и подчинить его своему влиянию можно считать началом сасанидской экспансии в этот район Прикаспия, первым этапом их борьбы за обладание Дербентом. Однако новые войны Ирана на Востоке, неудачный поход в Пальмиру, где Шапуру пришлось пережить позорное поражение от царицы этого маленького буферного государства на восточной границе Сирии, известного своими огромными базарами, непревзойденными лучниками, да красотой и умом правительницы, значительно ослабили позиции персов на Кавказе.

После смерти Шапура I в Иране за короткий период сменились четыре царя, страну раздирали междоусобные войны и преследовали военные неудачи на западе.

В 283 г. персы вынуждены были заключить невыгодный для себя мир с римлянами и потеряли контроль над Арменией. Дальнейшие неудачные войны на Кавказе и внутренние смуты не позволили Сасанидам в первой половине IV в. возобновить борьбу за Закавказье, ориентировавшееся на Рим. Позиции Ирана здесь особенно ослабли в связи с распространением в Армении христианства, повлекшего отход господствующих классов Закавказья от Сасанидов.

Влияние Восточной Римской империи, где христианство было признано государственной религией, на Кавказе значительно усилилось. Но Иран не собирался сдавать свои позиции, особенно в наиболее важных областях Восточного Кавказа, и прилагал все усилия для раскола правящей верхушки Армении и Кавказской Албании. Вмешательство Ирана в кавказские дела особенно возросло при царе Шапуре II (309—379 гг.), который к середине IV в. перешел от политических интриг и дипломатии к прямым военным действиям, одержав ряд побед над римлянами. В 359 г. персы захватили важную кре-

пость Амиду на границе Месопотамии и Армении, и положение их на Кавказе значительно упрочилось. Аммиан Марцеллин, участник и очевидец многих военных действий римлян и персов на Кавказе, писал, что в ответ на мирные предложения Рима, сделанные им в связи с рядом неудачных военных кампаний, «Шапур, возгордившись больше прежнего, заявил, что он согласен на мир, но условия предложил тяжкие»⁸.

Военные успехи персов совпали с активизацией кочевников Северного Кавказа, которые «соединившись, прошли через ущелье Чор и поселились в пределах ахванских»⁹. Шапур оказал албанам помощь в борьбе с кочевыми племенами, что способствовало укреплению иранского влияния здесь. Однако до середины IV в. Сасанидам вряд ли удалось распространить свою власть на Дербентский проход, хотя Шапур II и понимал его значение для судеб Закавказья и самого Ирана. Судя по сообщению известного албанского историка раннесредневековой эпохи Моисея Каганкатвацци, писавшего, что армянский царь Тиран (338—345 гг.) «заключил мир с персами и, помогая Шапуху (Шапуру II.— А. К.), оградил его от нападения северных народов (т. е. закрыл Дербентский проход.— А. К.)»¹⁰, персы во второй четверти IV в. еще не распространили своего влияния на Дербент, и он находился во власти кавказских правителей. Но участие албанского царя в 359 г. в битве под Амидой на стороне персов и то почетное место, которое он занимал там рядом с Шапуром, свидетельствуют о переориентации Кавказской Албании на сасанидский Иран и усилении влияния последнего на Восточном Кавказе.

Возможно, в этот период иранцы под предлогом защиты Закавказья от кочевников попытались взять «ворота» Дербента под свой контроль.

Влияние персов на Восточном Кавказе особенно усилилось в конце правления Шапура II, чему способствовали внутрисполитические смуты в Армении и нашествие готов на Римскую империю, отвлекшее ее правителей от борьбы на Востоке.

Конечным результатом дипломатических и военных усилий Шапура на Кавказе было соглашение с римлянами о разделе Армении, который произошел уже после смерти сасанидского царя в 387 г. и имел решающее значение для укрепления власти Ирана на всем Восточном Кавказе. Попал ли сразу после этого Дербент под власть

Сасанидов — неизвестно, о событиях в Албании в период с конца IV до середины V в. источники ничего не сообщают, но можно предположить, что иранцы захватили контроль над проходом уже в конце IV в., так как три-четыре десятилетия спустя, согласно данным авторов V в., они имели здесь уже и мощную крепость, и огромный гарнизон.

Видимо, с конца IV в. начался второй этап распространения сасанидской экспансии на западный Прикаспий, в том числе и на Дербентский проход.

В это же время на Кавказе произошли другие исторические события, приведшие к значительному повышению активности кочевников, — здесь появились гунны.

Гунны, в III—I вв. до н. э. входили в крупный союз тюркоязычных кочевых племен, подчинивших себе огромную территорию в Центральной Азии и Северном Китае. Для защиты от их опустошительных набегов при императоре Ши-хуанцы на северной границе Китая было начато строительство Великой китайской стены. Позднее, после ряда ожесточенных войн и поражений, часть гуннов в первой половине II в. н. э. откочевала в Среднюю Азию и Приуралье, где они в значительной степени смешались с местными племенами. В 70-х годах IV в. н. э. мощные волны азиатских кочевников, политическое и этническое ядро которых составляли гуннские племена, вторглись в Восточную Европу. Ни многочисленные, но разрозненные племенные союзы Северного Причерноморья и Предкавказья, ни одряхлевшая Римская империя, ни Передний Восток не смогли оказать достойного сопротивления свирепым гуннским ордам, которые, сея повсюду страх и разрушения, «на быстрых конях, все наполнили резней и ужасом... Не щадили ни религию, ни достоинств, ни возраста»¹¹.

Военным успехам гуннов способствовали как слабость рабовладельческих государств Европы, переживавших кризис всей экономической системы, и племенных союзов, на которые гунны обрушили свои удары, так и военная тактика и организация азиатских кочевников, неоднократно приносившая им успех в сражениях с европейцами. Аммиан Марцеллин так описал приемы боя гуннов: «Гунны как бы приросли к коням и воевали только на конях. Не вступая сразу в рукопашную схватку, они осыпали врагов стрелами, и то исчезая, то появляясь с разных сторон, доводили их до изнеможения и в конце концов торжествовали победу»¹².

В 395 г. гунны вторглись в Малую Азию, разорили цветущие провинции Ирана и ограбили Закавказье, пройдя через «ворота» Дербента и «узнав кратчайшую дорогу на Восток». Часть гуннов, вторгшихся на Северный Кавказ, обосновалась в Прикаспийском Дагестане, к северу от Дербента, объединившись здесь в союз, известный в источниках как «царство гуннов», столицей которого считался «город гуннов Вараджан (Варачан)»¹³.

Теперь на смену эпизодическим набегам на Закавказье и Передний Восток через Дербентский проход сарматских и аланских отрядов пришли систематические вторжения мощных объединений кочевников — гуннов, для которых на данной ступени социально-экономического развития война ведется «только ради грабежа, становится постоянным промыслом»¹⁴.

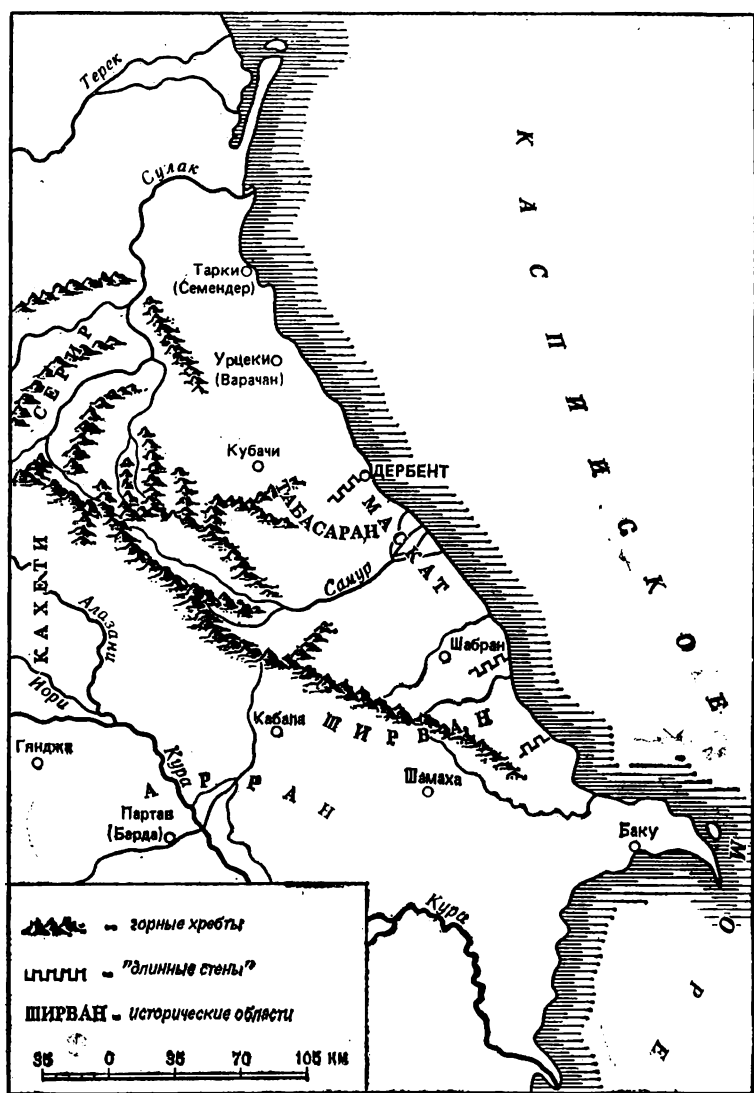
Последствия подобных вторжений гуннов в Малую Азию и Сирию, по дошедшему до нас свидетельству очевидца, были ужасны: «Дымятся пожары. Нет никакого упования на стены. Поля обезображены опустошениями...»¹⁵.

Столкновение гуннов и Сасанидов в западном Прикаспии, в наиболее важном стратегическом месте его — Дербентском проходе, было неотвратимо.

Попытки иноземных завоевателей покорить Кавказ встретили героическое сопротивление местного населения, и в своей борьбе с захватчиками кавказские народы не раз выступали единым, сплоченным фронтом, порой прибегая к тонкой дипломатии и используя политический союз с одной враждующей стороной против другой.

Ожесточенная борьба двух могущественных сил — крупных объединений кочевников и наиболее значительного государства Переднего Востока, стремившегося защитить свои северные границы, способствовала появлению целого ряда внушительных фортификационных сооружений на западном побережье Каспия. Наиболее грандиозные из них — Дербентские — исследуются уже более 250 лет, другие — Беш-бармакские и Ширванские укрепления были обследованы специалистами только в конце 20-х годов нашего века, что сказалось на степени их изученности.

Особая роль в исследовании этих крупнейших памятников сасанидского фортификационного строительства принадлежит Е. А. Пахомову, который выявил и установил сасанидское происхождение Беш-бармакских и Шир-

Карта Восточного и Северо-Восточного Кавказа

ванских укреплений и связал их возведение в единую с дербентскими стенами систему сасанидского строительства на Кавказе. В связи с этим Е. А. Пахомовым и рядом других исследователей была выдвинута схема поэтапного продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе, отмеченного возведением системы «длинных стен». По этой схеме Сасаниды по мере продвижения с юга на север завоевывали отдельные территории и закрепляли эти завоевания строительством укреплений, сплошь перекрывавших Прикаспийскую низменность от моря до гор в самых узких местах. Первый этап был отмечен Беш-бармакскими укреплениями, которые считаются наиболее ранними в системе «длинных стен»; затем была возведена Гильгинчайская, или Ширванская, стена и, наконец, оборонительные сооружения Дербента, ставшие венцом подобной фортификации.

Самые южные в этой системе «длинных стен» — Беш-бармакские укрепления — расположены у круто обрывающегося к морю склона горы Беш-Бармак (тюрк. — пять пальцев), расстояние от которой до берега моря не превышает 1,75 км. Укрепления представляли собой два параллельных глиняных вала, тянувшихся от подошвы горы до моря на расстоянии 220 м один от другого. На склоне горы сохранились остатки стен и башен сильной крепости, возведенной из камня, которая, возможно, прикрывала укрепления с запада, а на востоке у береговой линии стены замыкались поперечным глиняным валом¹⁶. Наряду с глиной здесь широко использовался камень в виде небольших блоков, «ряды которых выравнивались обожженным плиточным кирпичом»¹⁷.

К северу от Беш-бармакских укреплений, в месте выхода р. Гильгин-чай из узкого ущелья на равнину, расположена грандиозная стена, называемая по реке Гильгинчайской или Ширванской (Шабиранской). Она начинается от моря и тянется на протяжении 30 км через всю прибрежную равнину в горы до мощной крепости Чирах-кала (тюрк. — крепость-светильник). Эта стена от моря на протяжении 20 км (до Кала-бойну) построена из сырцового кирпича размером 42×42×12 см, уложенного на глиняном растворе, ширина стены достигает 8 м, основанием ей служила глинобитная платформа¹⁸. Далее на расстояние около 10 км стена построена из камня и завершается крепостью Чирах-кала, расположенной на обрывистом уступе огромной скалы, стены и башни ко-

терой возведены из мелкого камня, аналогичного использованному при постройке Беш-бармакской крепости, с вставками сасанидского кирпича.

Отдельные исследователи предполагают, что значительно севернее Гильгинчайской стены у р. Рубас может находиться третья линия заградительных «длинных стен» — Рубасская. В исторической литературе о ней нет конкретных данных, кроме упоминания названия, и даже те исследователи, которые считают ее существование реальным, вынуждены признать, что «эта стена, вернее ее остатки, в настоящее время (к 60-м годам XX в. — А. К.) еще не обследована и поэтому не описана»¹⁹. Однако многочисленные археологические обследования, неоднократно проводившиеся в Южном Дагестане в различные периоды, не выявили между Дербентом и р. Самур каких-либо остатков «длинных стен» и говорить о Рубасской линии обороны сейчас вряд ли уместно. Вероятно, в основе всех данных о Рубасской стене лежат сообщения И. И. Лерха, который будто бы видел эту стену. Но его описание Рубасской стены протяженностью 80 верст при высоте 20 саженей (около 40 м) выглядит весьма фантастично.

Внимательный анализ этого сообщения не оставляет сомнений, что И. И. Лерх именует стеной за р. Рубас дербентскую Горную стену (Даг-бары). Свидетельством этого могут быть приводимые им данные о протяженности Рубасской стены в 80 верст, что точно соответствует длине Горной стены в ее многочисленных описаниях и планах того времени, а также сообщение И. И. Лерха об основании Рубасской стены Александром Македонским, с именем которого средневековые источники и легенды единодушно связывают постройку дербентской Горной стены.

Представляется более чем странным, что многочисленные средневековые историки, географы, путешественники, многократно упоминающие р. Рубас и памятники этого района, ничего не сообщают о столь значительной стене, существовавшей здесь. Никаких сообщений о ней нет и у более поздних авторов, побывавших здесь в XVIII—XIX вв., что дает основание, учитывая результаты неоднократных археологических обследований последних лет, усомниться в реальности существования этих стен и не принимать их в расчет при рассмотрении оборонительной системы сасанидских «длинных стен» на Восточном Кавказе.

Наиболее грандиозными в системе сасанидских укреплений на западном побережье Каспия являются оборонительные сооружения Дербента, которые и поныне поражают монументальностью. Дербентский оборонительный комплекс включает в себя северную и южную стены города протяженностью более 3,5 км каждая, цитадель Нарын-кала, расположенную на высоком холме, и Горную стену, протянувшуюся к неприступным вершинам Кавказа более чем на 40 км. В настоящее время стены города немного не доходят до моря, но по единодушному свидетельству средневековых письменных источников они тянулись в воду на значительное расстояние. Расстояние между стенами у моря достигает 450 м, у цитадели — около 350 м. Толщина стен до 4 м при сохранившейся в настоящее время высоте 10—18 м.

Дербентский оборонительный комплекс из камня, возведенный в VI в., несомненно является вершиной сасанидского фортификационного строительства, но сам Дербент вряд ли можно признать наиболее поздним, финишным рубежом в системе сасанидских укреплений на Восточном Кавказе и последней линией заградительных длинных стен, отмечавших этапы сасанидской экспансии.

Иранцы вышли на рубеж Дербентского прохода значительно раньше возникновения здесь мощных оборонительных сооружений из камня, и сейчас, опираясь на результаты археологических исследований последних лет, можно обоснованно говорить не менее чем о трех проникновениях Сасанидов в район Дербента и о двух крупнейших этапах его фортификационного строительства.

Это значительно меняет взгляд на существующую схему возведения «длинных стен» на западном побережье Каспия и этапы продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе.

Долгое время считалось, что история Дербента начинается со строительной деятельности одного из самых могущественных правителей Сасанидской династии — Хосрова Ануширвана (531—579 гг.), в результате которой иранцы смогли укрепиться в Дербентском проходе. Однако это убеждение было значительно поколеблено открытием в 1932 г. Б. Н. Засыпкиным глинобитного вала в приморской части города у внутренней грани северной стены из камня. Тогда же им было высказано предположение, поддержанное рядом исследователей, что это более раннее фортификационное сооружение сасанидского

происхождения. Однако вопрос о времени строительства этих глиняных укреплений Дербента оставался спорным. Одни исследователи предположили, что они возникли в правление сасанидского царя Кавада I (488—531 гг.), другие считали возможным отнести их возведение ко временам Ездигерда II (439—457 гг.), а третьи вообще не принимали их в расчет при решении вопроса о времени появления сасанидских укреплений Дербента. Вопрос о времени распространения власти Сасанидов на «ворота» Дербента и возведения ими здесь первых своих укреплений имеет решающее значение для понимания процесса сложения оборонительной системы в виде «длинных стен» и этапов иранской экспансии на Восточном Кавказе, но решить его без широких археологических исследований было невозможно.

Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, позволили в значительной мере восполнить этот пробел и в достаточно полном объеме получить необходимую информацию о глиняных фортификационных сооружениях города, выявить их структуру, параметры и время возникновения. Оказалось, что данное сооружение представляет собой мощную сырцовую стену, сплошь возведенную из кирпича размером $40-44 \times 40-44 \times 12-13$ см. Основанием стены служила очень плотная глинобитная платформа высотой около 0,4 м. Ширина стены достигает 8 м при сохранившейся высоте около 6 м (согласно законам фортификации она, видимо, равнялась 8—16 м). Подобно каменным стенам Дербента, она сплошь перекрывала проход и тянулась от моря до вершины дербентского холма, где находилась цитадель, также возведенная из сырцового кирпича.

Стратиграфические исследования культурных слоев Дербента сасанидского периода и анализ керамического материала, полученного из самой сырцовой стены и насыпи между ней и каменной стеной города, а также данные нумизматики и письменных источников позволяют отнести время возникновения стены к первой половине V в. и связать ее строительство с правлением Ездигерда II²⁰.

Выявленные факты пребывания персов в Дербенте и возведение ими здесь мощных оборонительных сооружений еще в первой половине V в. в значительной мере меняют сложившиеся в исторической литературе представления по ряду вопросов сасанидской экспансии на Кав-

казе, в частности темпах продвижения иранцев на север.

Археологические данные, полученные в результате раскопок последних лет в Дербенте, а также анализ письменных источников позволяют усомниться в правомерности существующей схемы поэтапного продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе и хронологического порядка возведения «длинных стен», отмечавших эти этапы. Эта построенная в основном на логических умозаключениях схема представляет завоевания Сасанидов на Кавказе как единый стабильный процесс постепенного продвижения иранцев с юга на север, когда каждому хронологическому этапу его соответствовала более северная «длинная стена».

Однако представляется вероятным, что процесс этот был значительно более динамичен и характеризовался не только продвижением персов с юга на север, но и проникновением кочевников на юг. Уместно говорить по крайней мере о двух больших периодах «наступления» и «отступления» Сасанидов на Восточном Кавказе, в результате которых появились те или иные оборонительные сооружения. Вероятно, при решении этого вопроса надо принимать во внимание не только экспансивные устремления Ирана на север на новые территории, но и постоянное давление с севера на юг мощных объединений кочевников, которые в период политического и экономического ослабления Сасанидов немедленно пытались занять уже завоеванные иранцами территории, что делало границу между ними весьма подвижной.

Вопрос о времени появления первых сасанидских фортификационных сооружений на западном побережье Каспия весьма спорен и до сих пор остается дискуссионным в исторической литературе. Эта территория, чрезвычайно важная в стратегическом и экономическом отношениях, привлекала уже первых сасанидских правителей Ирана. Она приобретает для Ирана значение важнейшего военно-стратегического плацдарма, где сосредоточиваются главные военные силы персов на Кавказе и разворачивается широкое фортификационное строительство, с помощью которого Сасаниды пытаются закрепить за собой богатейшие области Кавказа и надежно закрыть северные границы государства.

В V в. начался второй этап сасанидской экспансии на Восточном Кавказе, в которой прикаспийским областям отводилась не только большая военная, но и особая по-

литическая роль. Заперев каспийские проходы, иранцы, с одной стороны, изолировали народы Закавказья от возможных союзов с кочевниками в их борьбе с персами, а с другой — выступали защитниками покоренных территорий от опустошительных набегов степняков. —

Однако существующее в исторической литературе мнение, что первоначально Сасаниды закрепились в районе Беш-Бармака, а потом в течение целого столетия поэтапно продвигались к Дербенту, представляется не совсем убедительным.

Сасанидский Иран, захватив наиболее доступные и стратегически важные прикаспийские области Кавказской Албании, должен был унаследовать и сложившуюся к этому времени ее северную границу с кочевниками, которая в IV—V вв. проходила в районе Дербента. Иранцы, а позднее подобно им арабы, захватив Закавказье, проявляли огромный интерес к проходам и особенно к важнейшему из них — Дербентскому.

Появление здесь первых сасанидских укреплений письменные источники относят ко времени правления Ездигерда II, при котором персидские и армянские войска охраняли от гуннов «врата» «в северных краях в Хонской крепости» и «перестали хайландуры входить через пограничную крепость Чора»²¹. Эта пограничная крепость упоминается армянским автором V в. Египше, который в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в 450—451 гг. писал, что восставшие армяне и албаны «направились к Хонским вратам, которыми завладели силою персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри»²². В том, что здесь идет речь о разрушении укреплений, построенных Ездигердом, автор не оставляет сомнений, сообщая дальше, что царь «был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только смогли построить»²³.

Эти данные подтверждает албанский историк Моисей Каганкатвацц, который в связи с антииранским восстанием середины V в. писал, что армяне и албаны «затем пошли на крепость гуннов, которой насильственно завладели персы»²⁴. Армянский автор V—начала VI в. Лазарь Парбский, сообщая об этих же событиях, называет укрепление Ездигерда не просто крепостью, а «пахак стены», т. е. укрепление стены, что имеет особое значе-

ние для отождествления их с «длинными стенами», и помещает эти укрепления к северу от Куры «между владениями албанов и хонов».

«Пограничная крепость Чора», «ворота Чора», «ворота гуннов», граница «владений албанов и хонов» — все эти названия следует отождествлять только с Дербентским проходом, и поэтому представляются малоубедительными попытки отдельных исследователей локализовать упомянутые письменными источниками укрепления Ездигерда II в Дарьяльском ущелье или в районе Беш-Бармака. Письменные источники единодушно отмечают, что военные действия между восставшими и персами велись в Албании, а не в Грузии, на что справедливо указывала К. В. Тревер, отвергающая локализацию этих укреплений в Дарьяльском ущелье, и персидскими войсками руководил «марзпан (один из высших административных титулов сасанидского Ирана, означающий наместника крупной провинции или области, назначался обычно из крупной персидской знати, редко из местных царских родов. — А. К.) Чора, который явился разорять церкви Албании»²⁵. Причем любопытно отметить полную идентичность описания маршрутов движения марзпана Чора навстречу предводителю восставших Вардану Мамиконяну и самого Вардана, направившегося во главе восставших громить укрепления Ездигерда после победы над марзпаном. Себухт (марзпан Чора) «не стал выжидать в краях Чора, а... поспешно перешел большую реку, именуемую Кур, и встретился с ним [Варданом]»²⁶, а после разгрома персов восставшие «переправились через большую реку, именуемую Кур-река, и достигли пахака стены, которая находится между владениями албанов и хонов»²⁷. Подобное сходство позволяет полагать, что если Себухт выступил навстречу Вардану из «краев Чора», то и Вардан после победы с ним пошел туда же, к пахаку стены.

Вряд ли можно признать убедительной и локализацию укреплений Ездигерда в районе Беш-Бармака на том основании, что здесь, по мнению К. В. Тревер, проходила граница между албанами и хонами.

Анализ раннесредневековых письменных источников позволяет утверждать, что в IV—VI вв. граница между албанами и гуннами проходила в районе Дербента, на что весьма определенно указывают многочисленные сообщения армянских, сирийских, византийских писателей V—VII вв. При этом авторы V в. Агафангел и Моисей

Хоренский неоднократно подчеркивали, что вторжение кочевников происходило через «Ворота Чора». Особо показательно для понимания этого вопроса одно из сообщений Моисея Хоренского, который в связи с известным вторжением кочевников на территорию Албании в первой половине IV в. писал, что персидский царь Шапур II (309—379 гг.) помогал албанскому царю избавиться «от нападения северных народов, которые, соединившись, прошли ущелье Чора и поселились в пределах ахванских в продолжении четырех лет»²⁸.

По Дербентскому проходу проводит границу между народами Албании и кочевыми племенами савир, булгар, авар и другими, живущими «за воротами» «в пределах гуннских», известная сирийская хроника VI в.

Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, подтвердили эти сообщения письменных источников и показали, что основная масса археологических материалов, выявленных здесь, в отличие от более северных районов Дагестана обнаруживает несомненное сходство с материалами синхронных памятников Азербайджана и дает основание говорить о тесной близости представленных на них культур. Это позволяет сделать вывод о вхождении Дербента в состав Кавказской Албании как в албанский (античный), так и в раннесредневековый периоды.

Однако наличие в культурных слоях раннесредневекового Дербента некоторого количества сероглиняной керамики, тяготеющей своими формами и приемами ornamentации к посуде кочевых обитателей областей Северо-Восточного Кавказа и Прикаспия, вероятно, свидетельствует о значительно возросших в IV—VI вв. контактах населения Дербента с кочевниками и проникновении отдельных групп степняков в районы прохода.

Эти данные подтверждает и «Армянская география», четко указывающая, что севернее Дербента живут гунны, у которых есть город Варачан. Подобная локализация гуннов отмечена и в так называемом новом списке «Армянской географии», где «царство гуннов» и его столица помещаются к северу от Дербента.

Исследования археологов подтверждают эти сообщения и дают основания локализовать «царство гуннов» и его столицу Варачан, отождествляемую с городищем Урцеки, в приморской части Дагестана к северу от Дербента.

В связи с вопросом о локализации первых сасанидских укреплений на Восточном Кавказе следует отметить,

что письменные источники V в., сообщая об антииранском восстании 450—451 гг. в пограничной крепости, построенной Ездигердом II, называют ее «та пограничная крепость», «Хонские ворота», «Хонская крепость», «пахак стены», «пахак Чора», «пограничная крепость Чора», что, судя по всему, в их понятии тождественно.

Представляются малоубедительными попытки видеть в этих сообщениях две разные крепости — в Дербенте и у Беш-Бармака, так как в этом случае придется допустить, что Ездигерд одновременно возводил две «пограничные крепости», одна из которых располагалась более чем в 250 км за спиной его войск и укреплений, перекрывавших Прикаспийский путь значительно севернее. А это бессмысленно как в военном, так и в политическом отношении, и источники прямо говорят о персидских войсках и укреплениях в Дербенте, о персидском марзпане Чора Себухте, который, получив послание Васака, «не стал выжидать в краях Чора, а сосредоточил все множество своих войск и поспешно перешел большую реку, именуемую Кур». Можно представить, сколь велики были силы марзпана Чора, если он, опираясь только на собственные войска, отправился на усмирение восставших Албании и Армении, и, видимо, весьма правдоподобными можно считать данные Егише о нахождении здесь десяти тысяч только иранской конницы. Другим свидетельством того, что речь идет об одном и том же укреплении в Дербенте, может служить и сообщение Егише о попытке восставших использовать в борьбе с персами гуннов, с которыми был заключен договор о помощи. Однако Васак, предавший дело восставших, не допустил гуннов помочь армянам и «собрал многочисленную конницу ариев, закрыл и запер ворота их прохода (т. е. прохода гуннов.— А. К.) и вовсе не давал покоя царю персидскому, но посылал и призывал многочисленные отряды в пограничную крепость Чора»²⁹.

Здесь упомянуты вместе два названия пограничного укрепления: «ворота их прохода», т. е. гуннские ворота, где, по единодушному мнению раннесредневековых авторов, Ездигерд основал свою крепость, и «пограничная крепость Чора», что не оставляет сомнений в идентичности этих наименований и локализации укреплений Ездигерда в Дербентском проходе.

Это сообщение любопытно и тем, что не только раскрывает военные цели похода восставших армян и алба-

нов к далекой пограничной крепости, но и четко показывает его политические цели. Вардан Мамиконян, лишенный поддержки Византии, вынужден был искать союза с гуннами, которые, однако, могли оказать реальную помощь восставшим лишь после разгрома персидского укрепления в проходе Чора, т. е. Дербентском.

С наличием здесь персидских укреплений и сильного гарнизона надо связывать неудачную попытку сарагуров прорваться в 463 г., в правление в Иране царя Пероза (459—484 гг.), в Закавказье через Дербентский проход, когда кочевники, по сообщению известного автора V в. Приска Папийского, «приблизились к Каспийским воротам, но, найдя их занятыми персидской охраной, перешли на другую дорогу, по которой пришли к иверам»³⁰.

Однако встает вопрос, можно ли отождествлять эти первые упомянутые письменными источниками сасанидские укрепления на Восточном Кавказе с сырцовой фортификацией Дербента.

В настоящее время несмотря на многочисленные обследования районов Дербентского прохода здесь известны только два крупных памятника фортификационного строительства — Дербент и городище Топрах-кала, расположенное в 18 км к югу от Дербента у железнодорожной станции Белиджи. Первый из них, несомненно, связан с сасанидским фортификационным строительством, а о втором имеются лишь отрывочные данные разведочных обследований конца 30-х годов (в послевоенный период городище стало недоступно для археологических исследований). На это городище обратил внимание в 1924 г. А. С. Башкиров, а в 1937 г. Е. А. Пахомов, обследуя районы устья Самура, отметил, что стены крепости сложены из сырцового кирпича, размеры которого, однако, не приведены, и в одном углу имеется насыпная терраса (возможно, цитадель или дворец). Более подробно в 1941 г. обследовал городище М. И. Исаков. Согласно его данным, «городище имеет квадратную форму и обведено земляным валом и рвом со следами четырех ворот. Высота вала 10—12 м, глубина рва 2—3 м при ширине 20—25 м. Длина каждой стороны вала 800—850 м. Очевидно, ров заполнялся водой, поступающей из реки Гюрген-чай. Сохранились следы канала. На поверхности найдена крупная буса из серого камня биконической формы, встречались обломки лепной керамики из темно-серой и красной бурой глины с примесью шамота и дресвы, украшенной

налепными валиками с зацепками или бороздчатыми линиями»³¹. Этими сведениями исчерпываются все данные о городище. Сам М. И. Исаков предположительно датировал его рубежом — первыми веками нашей эры, что соответствует примерно приведенным им описаниям керамики, но данных о существовании здесь в сасанидскую и последующие эпохи крупного города, каким был Чор, и крепости пока нет.

Все это позволяет относить данные письменных источников о первых сасанидских укреплениях на Восточном Кавказе не просто к району Дербентского прохода, а именно к Дербенту и отождествлять их с его исследованными сырцовыми фортификационными сооружениями. В пользу высказанного предположения свидетельствует целый ряд конкретных данных о весьма раннем (не позднее середины V в.) закреплении иранцев в Дербенте и обосновании их здесь задолго до возведения знаменитого каменного комплекса.

Прежде всего это данные археологических исследований. В культурных напластованиях Дербента были вскрыты мощные слои сасанидского периода, относящиеся к V—VII вв., причем толщина их местами достигает 1,5 м. В кладке сырцовой стены и цитадели города обнаружена керамика, относящаяся к концу албанского — началу сасанидского периода, т. е. к IV—V вв., керамика V в. была обнаружена в засыпи между сырцовой и каменной стенами. Показателем значительного хронологического разрыва в возведении сырцовой и каменной стен города может служить большая разница в уровне отметок их оснований, достигающая 1 м. Представляется вероятным, что столь значительный перепад, когда каменная стена имеет основание на 1 м выше сырцовой, возможен лишь при больших натеках, образовавшихся от глиняной стены, на которых и была построена позднее каменная стена.

Результаты археологических исследований подтверждаются и данными нумизматики: среди сасанидских монет, обнаруженных в Дербенте, встречаются монеты Ездигерда II.

Прямо указывает на основание персами укреплений в Дербенте в первой половине — середине V в. целый ряд письменных источников. Так, раннесредневековый автор Гевонд сообщал, что при халифе Сулеймане арабы в 716 г. обнаружили в Дербенте камень с надписью, гласящей, что император Маркиан (450—457 гг.) «построил

этот город и крепость и истратил [на них] много талантов из своей казны»³².

Здесь, видимо, имело место субсидирование Византией строительства оборонительных сооружений, возводимых Ираном для охраны проходов от кочевников, не раз обговоренное в мирных договорах этих стран. Находясь в постоянных столкновениях и непримиримой борьбе за гегемонию на Востоке, Византия и Иран были вынуждены зачастую объединять свои усилия против натиска степняков, опустошительные набеги которых затрагивали наиболее богатые провинции как Ирана, так и Византии, распространяясь порой далеко в глубь внутренних территорий этих стран.

Военно-политическое значение оборонительных сооружений на Восточном Кавказе было настолько велико, что укрепления прикаспийских проходов и важнейшего из них — Дербентского нередко поддерживались совместно сасанидским Ираном и Византией несмотря на их почти непрерывное соперничество.

Прямо указывает на наличие в проходе не просто укрепления Ездигерда II, а «пахака стены» Лазарь Парбский, но археологические обследования в районе между р. Самур и Дербентом показали, что здесь имеется лишь одна «длинная стена» — это сырцовая стена Дербента. В определенной мере на это указывает и сам Египсе, который в связи с восстанием в 461 г. албанского царя Ваче II писал, что «царь Албании не желал вновь покоряться, окопал пахак Чора и провел по эту сторону войска Маскутов, объединил одиннадцать царей горских и противостоял полку ариев»³³. Учитывая, что в район Чора персы могли попасть только с юга, это сообщение позволяет полагать, что Ваче перешел на северную сторону дербентской стены и укрепился там с маскутами, обитавшими, как общепринято считать, в низовьях р. Самур, и дагестанскими племенами против персов, отделенный от них теперь мощной сырцовой стеной. И тогда становится понятным, почему албанский царь «окопал» укрепление Чора, а точнее, наверное, «прокопал» сырцовую стену, в которой не было ворот. Видимо, поэтому столь безуспешно боролись с ним персы и вынуждены были подкупать хайландуров, обитавших на Северном Кавказе, и переправить часть войск в тыл Ваче через Дарьяльский проход, что и решило судьбу восстания.

Основателем первых сасанидских укреплений в Дер-

бенте, именно стены, называет Ездигерда и местная историческая хроника «Тарихи Дербенд-наме». В связи с этим, может быть, следует более внимательно отнестись к сообщениям об имевшихся будто бы на южной стене города пехлевийских надписях с именем Ездигерда II.

Раннесредневековый топоним Чор, Джор, Джол, обозначающий в раннесредневековых армянских, грузинских и албаиских источниках «ворота» Дербента, отложился в названии горы Джаглан, на отроге которой построен Дербент, и в наименовании селения, расположенного в 3 км выше города, — Верхний Джалган, а также в дагестанских языках, в которых Дербент и ныне называется Чурул (лакский), Чулли (даргинский).

И если к этому добавить, что сам город в раннесредневековых письменных источниках зовется «великой твердыней» и «городом Чорского прохода», «великим городом Чола», «городом у Ворот Чора», то именно сырцовые укрепления Дербента надо признать «пограничной крепостью Чора», «пахакон стены», основанной Ездигердом II в первой половине V в., первой сасанидской «длинной стеной» на Восточном Кавказе.

Результаты археологических исследований в Дербенте и анализ письменных источников в свете раскопок последних лет позволили по-новому взглянуть на существующую в исторической литературе схему поэтапного продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе, отмеченного «длинными стенами». И если раньше из-за отсутствия археологических данных в исторической литературе весьма обоснованным считалось мнение, что иранцы закрепились в Дербенте только в VI в., и на основании этого многие сообщения источников о более раннем возникновении сасанидских укреплений города признавались ошибочными (как, например, данные Гевонда об основании города во времена императора Маркиана) или вообще не брались в расчет, то теперь несостоятельность подобных аргументов очевидна.

Представляется очевидным, что дербентская сырцовая стена, наиболее ранняя из всех известных в настоящее время сасанидских «длинных стен» в Закавказье, являлась первым этапом возведения подобных оборонительных сооружений, первой попыткой надежно перекрыть знаменитый Прикаспийский путь. Распространив в конце IV — начале V в. свою власть на Кавказскую Албанию, Сасаниды полностью включили эти богатейшие области в

состав своей державы. К этому времени, как показали археологические исследования и анализ письменных источников, большая часть Северного Дагестана была захвачена кочевниками, основавшими здесь «царство гуннов», и вышла из состава Албании. Границей между албанами и кочевниками в этот период стал Дербентский проход. Иранцы, овладев этими областями Восточного Кавказа, унаследовали и существовавшие в то время границы, так как при попытке их дальнейшей экспансии на север они столкнулись с мощными объединениями кочевников, приостановившими их продвижение за Дербентский проход. Сасаниды, пытаясь закрепить за собой уже захваченные территории Закавказья, страдавшие от постоянных набегов степняков, возвели в наиболее удобном и стратегически важном месте Прикаспийского пути, где с глубокой древности существовал мощный опорный пункт, внушительную сырцовую стену, надежно укрепив таким образом уже сложившуюся в это время границу. Этим, по нашему мнению, и объясняется то обстоятельство, что первыми на Прикаспийском пути возникли не Беш-бармакские укрепления, находящиеся значительно южнее, а сырцовая стена в Дербентском проходе, который уже с IV — начала V в. служил границей между албанами и гуннами. Сасанидам на этом этапе их завоеваний на Восточном Кавказе не было необходимости возводить Беш-бармакскую и Ширванскую «длинные стены», так как, подчинив себе Кавказскую Албанию, они сразу унаследовали и основную часть ее территории вплоть до Дербента. Однако окончательно закрепить за собой эти области в V в. они не смогли.

Неудачные военные действия персов на восточной границе, пленение, а затем гибель Пероза в войне с эфталитами, внутренние противоречия и раздоры в Иране привели к тому, что Сасаниды потеряли на некоторое время контроль над проходом. В 483—484 гг. Закавказье охватило мощное антииранское восстание, восставшие иберы, армяне и албанцы привлекли к борьбе против иранцев кочевников Северного Кавказа, которые прорвались через Дербентские ворота.

Грузинские источники в связи с событиями этого периода сообщают, что в войне «пал царь дарубандский», пытавшийся, видимо, не пропустить кочевников на помощь восставшим. Несмотря на поражение восстания, персам пришлось пойти на большие уступки местной знати в

Закавказье, что явно указывало на слабость их позиций. Иран, раздираемый междоусобной борьбой братьев Перо-за Валарша и Зарера, теснимый на востоке эфталитами, а на западе гуннами, вынужден был смириться с потерей дербентских укреплений, которыми, по сообщениям византийских источников, овладел гуннский царь Амвазук.

Вернуть себе проход персы смогли лишь в правление Кавада I, когда внутреннее положение в стране и на ее границах несколько стабилизировалось. Прокопий Кесарийский утверждает, что Кавад овладел Каспийскими воротами после смерти Амвазука, «родом гунна». Амвазук хотел передать охрану ворот Византии, но Анастасий, не надеясь на свои силы или не желая войны с персами, отказался взять их под свою охрану, а Кавад прогнал детей Амвазука и захватил ворота.

Н. В. Пигулевская считает, что это произошло в 507—508 гг., так как Прокопий сообщает об этом до окончания постройки крепости Дары. Это сообщение подтверждают Ибн ал-Асир, а также Якуби, который пишет, что Кавад вел с кочевниками тяжелые войны, завоевал Баб ал-аб-ваб у хазар и передал его позднее Хосрову. Этот факт особенно важен при выяснении вопроса об этапах возведения Сасанидами «длинных стен» на Прикаспийском пути. Как видно из исторических событий этого периода и сообщений письменных источников, персы в первой половине V в., имевшие уже в районе Дербента крупный гарнизон (10 тыс. кавалерии) и даже резиденцию марзпана (марзпан Чора), в конце правления Перо-за вынуждены были уйти из Дербентского прохода, оставив свои укрепления гуннам, и возвратились туда в правление Кавада. Именно при Каваде иранцы, вновь отвоевывая эти области, захваченные кочевниками в конце V в. почти до Куры, возвели Беш-бармакскую и Ширванскую сырцовые «длинные стены» и, возможно, начали сооружение каменных стен Дербента, ставших венцом подобного фортификационного строительства. После появления в 515 г. в Закавказье родственных хазарам кочевников савиров Каваду пришлось предпринять ряд оборонительных мер против них.

Скудность археологических данных и значительные расхождения исследователей в интерпретации письменных источников не позволяют сейчас достаточно аргументированно датировать время возведения Беш-бармакских и Ширванских укреплений. Однако раскопки в Дербенте

внесли существенные изменения в толкование целого ряда письменных сообщений и позволяют высказать некоторые новые положения о времени строительства «длинных стен» к югу от Дербента.

Наиболее сложным в проблеме датировки «длинных стен» Восточного Кавказа представляется вопрос о времени возникновения самых южных укреплений этой системы — Беш-бармакских.

Относительно небольшие их размеры и более скромная роль в охране каспийских проходов послужили, вероятно, причиной значительно меньшего освещения их в письменных источниках, и это сильно затруднило выявление даты строительства Беш-бармакских укреплений, отождествляемых рядом исследователей со стеной или валом Хорсвэм (т. е. Хурсанская скала), упомянутой и в «Армянской географии». Попытка датировать их строительство временем Ездигерда II на основании данных Гевонда не имеет под собой исторической почвы. Гевонд прямо указывает, что халиф Сулейман (715—717 гг.) «на втором году своей власти собрал много войск, дал его под начальство полководца Маслама и послал к воротам Каспийским. Придя, они дали сражение войскам гуннов, которые [были] в городе Дарбанде, разбили их и прогнали; и, разорив, разрушили крепостные стены этой крепости [цитадели]. И когда разрушали стену крепости, то нашли в ее основании большой камень, на котором имелась надпись такого содержания: «Маркиан, самодержец, кесарь построил город...»³⁴. Причем здесь же Гевонд приводит и более раннее название города, именуя Дербент «пахаком Чора»: «А сам Маслама, взяв множество войск, прошел через пахак Чора, распространил набег по стране хонов»³⁵.

Таким образом, попытка датировать Беш-бармакские укрепления на основании данных Гевонда, будто бы ошибочно относившего находку надписи об основании города в середине V в. к Дербенту, опровергается четкими указаниями этого автора VIII в., современника описываемых событий (715—717 гг.), неоднократно подчеркивающего, что местом находки являлся Дербент. Это подтверждается и дальнейшими описаниями известного похода Масламы, основные события которого разворачивались в Дербенте и к северу от него, что нашло широкое освещение в многочисленных средневековых источниках. Основной же аргумент сторонников приложения этих данных к Беш-Бар-

маку — более позднее проникновение и закрепление Сасанидов в районе Дербента лишь в VI в. — опровергается данными археологии, полученными в результате раскопок последних лет.

Очень большое сходство планировки Беш-бармакских укреплений с каменными городскими стенами Дербента, отмеченное еще Е. А. Пахомовым, позволяет полагать, что они были своего рода моделью, прообразом каменных оборонительных сооружений последнего и возводились лишь немного раньше их в правление сдвнго сасанидского царя, т. е. в VI в.

Любопытно, что Беш-бармакские укрепления обнаруживают сходство и с Гильгинчайской (Ширванской) стеной в материале (комбинирование сырцового кирпича и камня, применение жженого кирпича) и конструктивных особенностях стен и значительно отличаются в этом плане от сырцовых сооружений Дербента.

Письменные источники довольно определенно связывают возведение Гильгинчайской стены со строительной деятельностью Кавада I. Так, Баладзори прямо указывает, что Кавад «построил преграду из нежженой глины [кирпича] между областью Ширваном и воротами Аллан, а вдоль глиняной стены он построил триста шестьдесят городов, пришедших в разрушение после постройки ал-Баб-у-ал-абуаба»³⁶.

Эти сообщения соответствуют данным Масуди, который среди «удивительных сооружений», воздвигнутых Кавадом, упоминает и «о стенах, которые он построил в Ширване, известных как Сур ат-тин («стена из глины»)»³⁷. Не оставляет сомнений, что об этой же стене идет речь в «Армянской географии», где сообщается «о длинной стене Апзут-Кават до болот Альминон (?) и до моря»³⁸, которую С. Т. Еремян справедливо отождествляет с Гильгинчайской. К. В. Тревер полагала, что здесь речь идет о Рубасской стене, построенной Кавадом «от моря в глубь страны до каких-то болот». Однако, учитывая все вышеизложенное относительно возможности существования Рубасской стены, вряд ли уместно подобное отождествление.

Все это позволяет связывать возведение Беш-бармакской и Гильгинчайской стен, а также начало каменного строительства Дербента с широкой строительной деятельностью Кавада на Восточном Кавказе в первые десятилетия VI в.

Это был новый подъем сасанидской экспансии на Восточном Кавказе, и именно в это время начался второй период сасанидского строительства в Дербенте, завершившийся сооружением огромного оборонительного комплекса из камня, в который входили северная и южная стены города, цитадель, Горная стена с системой фортов и полуфортов.

Основания для предположения об участии Кавада в строительстве каменных стен Дербента дают как определенные различия в их конструкции и планировке, свидетельствующие о одновременности возведения различных частей оборонительного комплекса, так и сообщения ряда средневековых авторов и местных исторических хроник. Сейчас на основании исследований последних лет (С. О. Хан-Магомедов, А. А. Кудрявцев) можно говорить о трех этапах строительства каменных оборонительных сооружений Дербента общей продолжительностью в несколько десятков лет, что исключает участие в нем лишь одного Хосрова I.

В «Дербент-наме» постройка Дербентской стены между персами и хазарами отмечается как очень важное событие в истории Ирана. Кавад направляет для строительства в Дербент всех архитекторов и лучших строителей Ирана и даже вступает в опасный для Сасанидской династии брак с хазарской принцессой.

Столь значительные приготовления с привлечением к работе лучших архитекторов и мастеров Ирана вряд ли могли сопровождать рядовое строительство, ведь даже сооружение Кавадом 30-километровой Ширванской стены не считалось средневековыми авторами столь выдающимся событием. Нам кажется, что подобная пышность и значимость проводимых работ могла быть связана не с возведением Дербентской сырцово-кирпичной стены длиной в 3,5 км, как считает К. В. Тревер, а с началом каменного строительства в Дербенте.

Особенно интересно в этом плане сообщение Табари, который называет строителями сасанидских укреплений в проходе трех правителей Ирана: Пероза, Кавада, Хосрова Ануширвана.

«Царь Фируз воздвиг [еще раньше] в области Сул и [в области] алан строение из скалы с целью оградить свою страну от проникновения тех народов, [а] царь Кобад сын Фируза воздвиг в этих местах после своего отца [также] много сооружений, а когда вступил на

престол Хосров, то по его приказу были построены города и укрепления в области Сул из камня (букв. «скалы»)»³⁹.

Такая последовательность в возведении фортификационных сооружений прохода, вероятно, отражала истинное положение вещей, так как укреплять его вынуждены были и предшественники Хосрова, но окончательно дербентский оборонительный комплекс оформлялся при нем.

И, видимо, не случайно албанский историк Мойсей Каганкатвацци говорил, что не царь, а «цари персидские извнурили страну нашу» для построения великого сооружения между морем и горами.

«Дивные стены»

Какая часть работ в возведении каменных оборонительных сооружений Дербента была произведена Кавадом, были ли окончены при нем работы по замене глиняных стен на каменные — пока судить трудно. Арабская и персидская мусульманская литература связывает возведение каменных стен города и огромной Горной стены, уходящей более чем на 40 км в горы, с именем самого могущественного царя династии Сасанидов — Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.).

Однако здесь надо учитывать существующую идеализацию и гипертрофизацию образа Хосрова, которому, подобно Александру Великому в античной и средневековой литературе, приписывают все великие деяния домусульманских царей Ирана. И, как справедливо отмечает Р. Фрай: «Если спросить перса, кто построил старинную мечеть или какое-нибудь другое мусульманское сооружение», то скажут, что строителем был «сефевидский властитель шах Аббас, если же памятник явно доисламский, то последует ответ: его построил Хосров Ануширван (Хосров с бессмертной душой)». «Имя Хосров, как и имя Цезарь, стало для арабов обозначением сасанидских царей и одновременно синонимом великолетия и славы»⁴⁰. Возможно, именно поэтому менее выдающиеся постройки отца остались в тени рядом с грандиозными сооружениями сына, закончившего, вероятно, возведение городских стен, соорудившего порт, Горную стену, отстроившего и укрепившего город. Почти все арабские историки и географы IX—X вв., оставившие наиболее ранние описания стен и ворот Дербента, архитектурных особенностей и

планировки города, а также ряд ценных данных по его истории, называют основателем каменной оборонительной системы Дербента Хосров I Ануширвана⁴¹, реже — его отца Кавада⁴².

Арабские авторы сообщают интересную легенду, связанную с историей постройки стен Дербента. Хосров Ануширван, желая построить стену, чтобы защитить свои владения от набегов хазар, предложил их хакану «дружбу, заключение мира и установление взаимного согласия», для чего просил отдать ему в жены дочь, а сам «пожелал быть его зятем». Обрадованный хакан, перед которым этот брак открывал виды на сасанидский престол, поспешно отправил хазарскую принцессу к сасанидскому царю, который встретил ее с необыкновенной пышностью, но женой не сделал, а начал поспешно возводить стену. «И построил ее, причем та часть ее, которая примыкала к морю, была сделана из скалы и свинца; шириной она была триста локтей, и она была проведена до вершин гор. Окончив постройку стены, Ануширван повесил у входа ее железные ворота»⁴³. Закончив строительство, персидский царь возвратил принцессу отцу. Разгневанный хакан попытался отомстить коварному Хосрову, но, натолкнувшись на мощную сасанидскую стену, был вынужден смириться и вернулся с позором.

Трудно сказать, насколько достоверна эта легенда, но она несомненно отражает особое место дербентских сооружений в системе «длинных стен» Кавказа, подчеркивает их огромную важность.

С правлением Хосрова I Ануширвана связывают возведение каменных стен Дербента большинство исследователей, занимавшихся изучением его пехлевийских надписей.

Особая заслуга в изучении пехлевийских надписей Дербента принадлежит Е. А. Пахомову, обследовавшему вместе с П. И. Спасским в 1928 г. стены города и обнаружившему еще 13 надписей, пополнивших список уже известных шести (три новых надписи были обнаружены автором в 1977 г. на южной стене раннесредневековой цитадели города). В 1929 г. он их издал, и надписи были прочитаны и датированы Г. С. Нибергом⁴⁴, однако Е. А. Пахомов с датировкой их не согласился и предложил свое чтение даты⁴⁵. Надпись с датой постройки северной стены, обнаруженная в 1928 г. академиком И. А. Орбели, имеет огромное значение для уточнения

времени основания каменных фортификационных сооружений города. Среди исследователей нет единого мнения о чтении этой даты. Так, Г. С. Ниберг, давший перевод надписям, разделенным им на четыре группы⁴⁶, предложил читать ее как «...700 год» по аршакидской эре, за начало летосчисления которой он условно принимает 247 г. до н. э.⁴⁷ Тогда сооружение стены относится ко времени правления Ездигерда II, т. е. к 453 г.

Е. А. Пахомов подверг сомнению правомерность подобной датировки, справедливо отмечая, что само существование летосчисления по аршакидской эре весьма проблематично и пока нигде не зафиксировано. Он предложил свой вариант чтения даты как «27» или скорее «37» год правления одного из персидских царей, допустив при этом обычную для монет перестановку слов⁴⁸. Достаточной для такой даты продолжительностью правления обладал, по его мнению, два царя: Хосров I (531—579 гг.) и Хосров II (590—628 гг.), однако в правление последнего Персия не могла возводить такие колоссальные постройки из-за тяжелого положения, а потому дата считается годом правления Хосрова Ануширвана, что соответствует 567 г.⁴⁹ Но здесь следует отметить, что столь же продолжительное правление имел и Кавад I (488—531 гг.), так что сам этот фактор не может служить достаточно веским основанием для датировки стен. В связи с этим большой интерес представляет новый перевод этой даты В. Г. Лукониным как «год 18» или «год 9», что еще больше ослабляет аргументацию Е. А. Пахомова, связывавшего ввиду указанного в ней срока правления эту дату лишь с царствованием Хосрова, и позволяет считать участие Кавада в строительстве каменного оборонительного комплекса Дербента весьма возможным.

Если допустить возможность участия Кавада в строительстве каменной фортификации города и связывать дату с его царствованием, то упоминаемый в ней 27-й или 37-й год (чтение Е. А. Пахомова) правления приходится на время появления и активизации в Закавказье савиров, что несомненно должно было вызвать новые шаги Сасанидов по укреплению прикаспийских проходов и важнейшего из них — Дербентского, а «18» год (чтение В. Г. Луконина) — на отвоевание Кавадом Дербентских укреплений у гунов и начало здесь широких строительных работ.

Нам кажется, что сооружение огромного оборонительного комплекса с общим объемом кладки около 2 млн. куб. м, значительная часть которого возведена из обработанного камня, доставляемого в Дербент, вероятно, за несколько километров по морю⁵⁰, не было осуществлено в той сложной исторической обстановке единовременно, а тем более в такие сжатые сроки, как предполагает М. И. Артамонов (562—571 гг.)⁵¹.

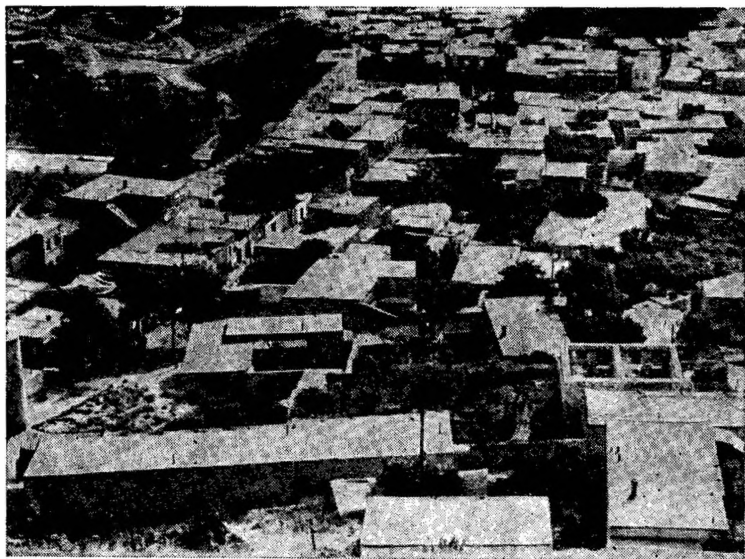
Представляется вероятным, что работы велись поэтапно, со значительными перерывами, неудивительными для того богатого военными событиями времени, а пехлевийские надписи отмечали определенные участки выполненных работ первого этапа. Так, все семь надписей с именем Дарпуша (Барзниша), который построил «это и отсюда вверх», находятся на высоте 1,5 м и, как справедливо отмечала К. В. Тревер, могут свидетельствовать о том, что нижние ряды кладки были построены до него. Возможно, о другом руководителе работ сообщают надписи IV группы: «сделано Атургушнаспом» («положено Атуреном»). Разночтения и некоторые трудности при дешифровке пехлевийских надписей Дербента не позволяют считать окончательно решенным вопрос о времени сооружения отдельных частей комплекса, хотя анализ политической обстановки, архитектурно-археологические исследования и многочисленные данные письменных источников убедительно свидетельствуют о том, что основная часть работ была произведена в правление Хосрова Ануширвана.

Мусульманская историческая традиция, единодушно называя основателем дербентского каменного комплекса Хосрова I Ануширвана, сообщает, что царь сам прибыл в Дербент и руководил строительством. При этом ряд авторов сообщает о сказочном видении персидскому царю, явившемся в образе морского чудовища, вылезшего на стену Дербента, где отдыхал в одиночестве Хосров. Чудовище сообщило царю, что оно видело, как уже семь раз здесь возводились стены и семь раз они были разрушены, но сооружение, построенное теперь, ждет счастливая судьба. Эта легенда, несмотря на мифическую основу, очень интересна в связи с существованием здесь досасанидской фортификации, сведения о которой сохранились в подобных сказочных преданиях. В. В. Бартольд считал сообщение о личном руководстве царя строительством стен столь же сомнительным, как и позднейшее мусульман-

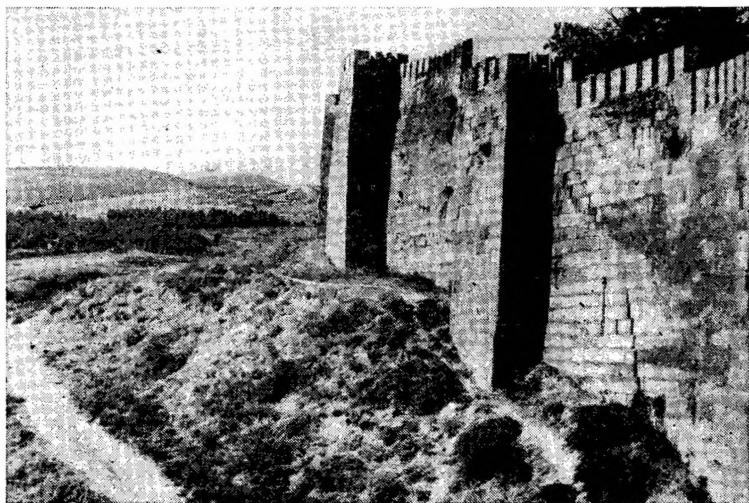
ское предание, заставляющее халифа Харуна ар-Рашида отправиться в Дербент и провести там 7 лет (180—187/796—803 гг.). В арабоязычной литературе сохранился рассказ, согласно которому город и стену строил не сам царь, а по его приказу наместник Нарсе бен Джамасп, предок ширваншахов⁵².

Однако, по данным Зегир-эд-дина, уже сын этого правителя Фируз «наследует отцу своему в управлении Дербентом, Арменией и т. д. — около начала шестого столетия по Р. Х.»⁵³, т. е. значительно раньше начала правления Хосрова Ануширвана, что служит еще одним подтверждением более раннего начала каменного строительства. По данным грузинской средневековой хроники «Картлис Цховреба», сообщаемым Леонтием Мровели, Дербент был основан эриставом Аффридона Ардамом, который «построил город Морских ворот (эгвискари) и дал ему имя Дарубанди (Дербент), что означает «запер дверь»⁵⁴.

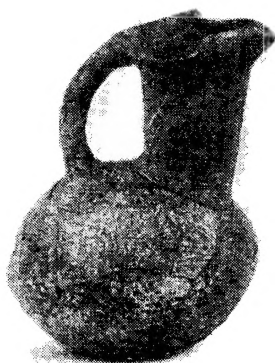
Несмотря на определенную легендарность сведений, сообщаемых арабскими авторами VIII—X вв. (Баладзоори, Якуби, ат-Табари, Ибн ал-Факих, ал-Истахри, Кудамма, Масуди, Ибн Хаукал, ал-Мукаддаси, Хилаль ас-Саби и др.), они представляют особую ценность, так как дают описание стен города и Горной стены, приемов их сооружения, сообщают о наличии у сасанидского города порта, жилых и общественных построек, существовании водопровода и многие другие важные данные о Дербенте. По их сведениям, Хосров I Ануширван построил г. Баб ал-абваб, «который называется Абваб (воротами) потому, что он был построен вдоль дороги на горе»⁵⁵, и стену между собой и хазарами из камня, достигающую 300 локтей в ширину, которая укрепляла границу Ирана и охраняла от хазар. Ширина стены в 300 локтей явно не соответствует действительности. Здесь, вероятно, надо относить эти данные к расстоянию между стенами. Арабские авторы сообщают, что стена была из каменных глыб и свинца, но как сочетались эти материалы, рассказывает лишь ал-Мукаддаси: свинец употребляли в качестве раствора. Более подробно объясняет способ крепления Дербентских стен Хилаль ас-Саби, который пишет, что блоки стен имели по два отверстия каждый, в которые вставлялись железные стержни и заливались свинцом. С этим же методом познакомил в Куфе арабов, по сообщению ат-Табари, прежний архитектор царя Хосрова Парвиза⁵⁶.

Общий вид города с дербентского холма

Вид на юго-западную часть древнего поселения и раннесредневековую цитадель Дербента

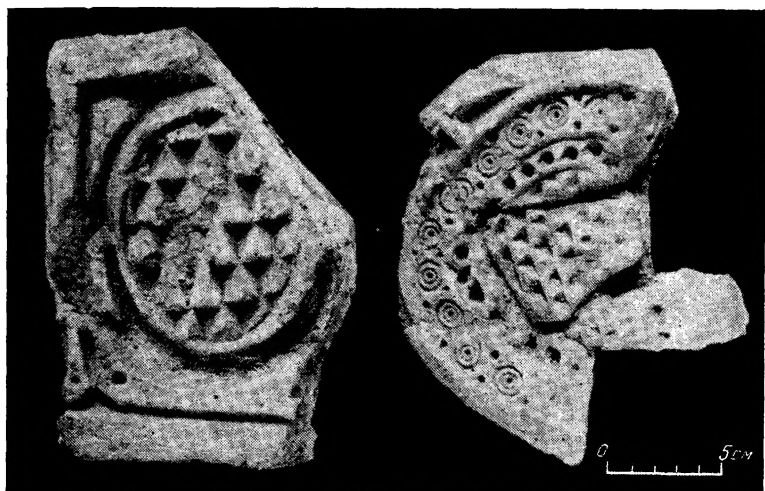

Сосуды албано-сарматского времени

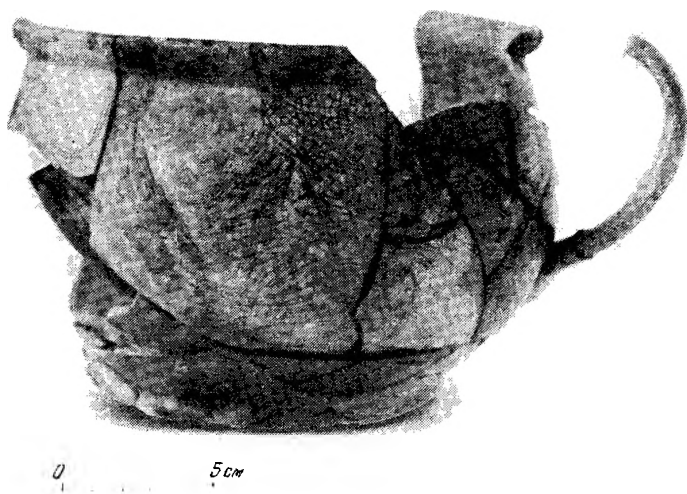

0 5cm

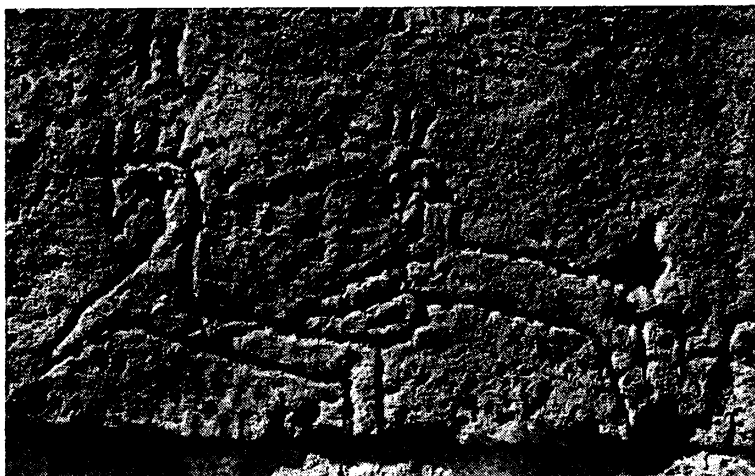
Красноглиняный раннесредневековый сосуд

Резной штук X—XI вв. из богатого средневекового здания в верхней части шахристана Дербента

Белофаянсовый импортный сосуд IX—X вв. (орнаментированный способом «цска» или «краклэ»)

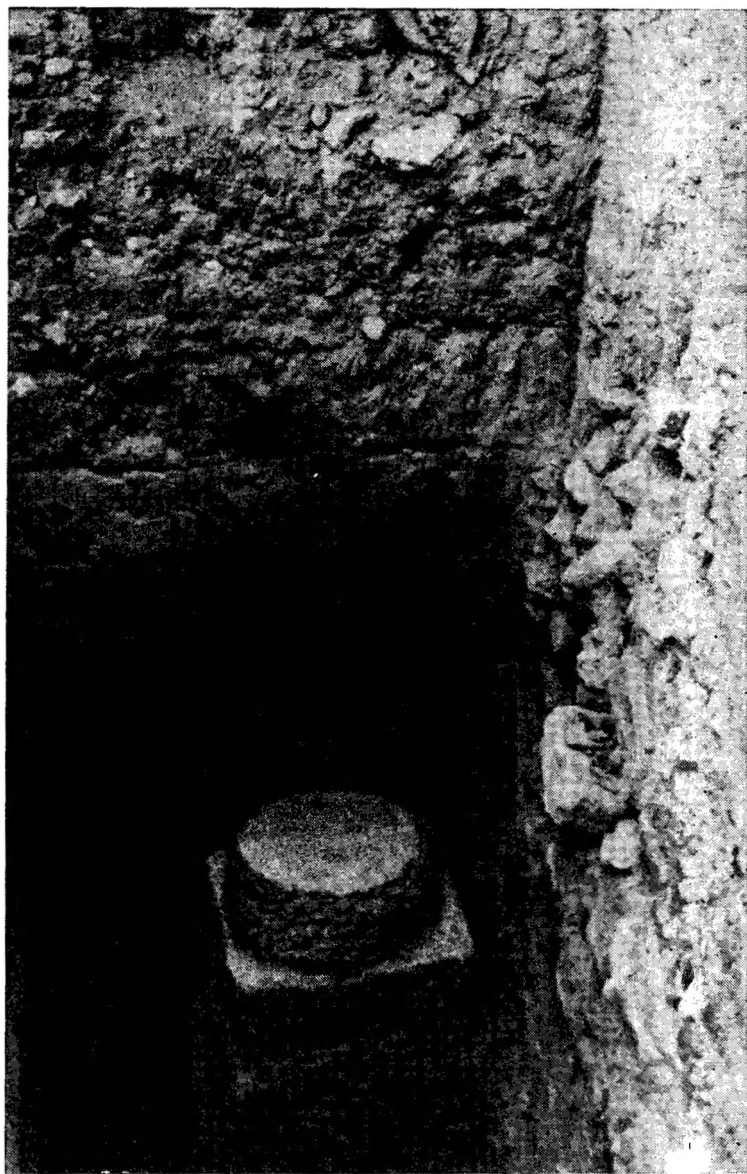
Изображения лошадей на южной стене города. VII в.

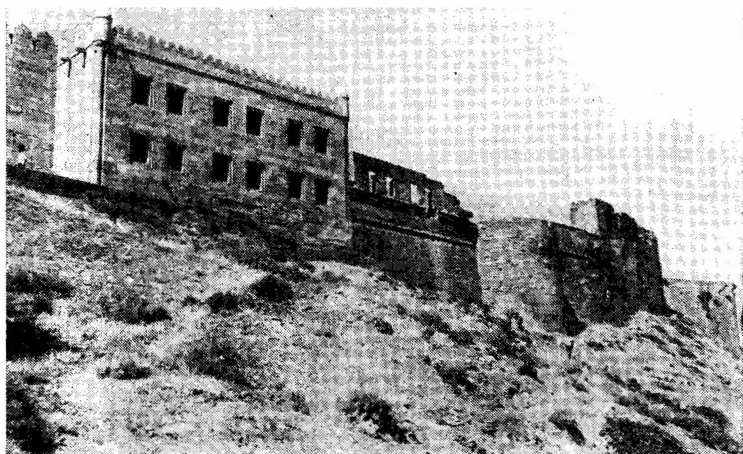
Вымостка пола из каменных плит в помещении ханского дворца

Раскопанные помещения средневекового ханского дворца в северо-западной части цитадели

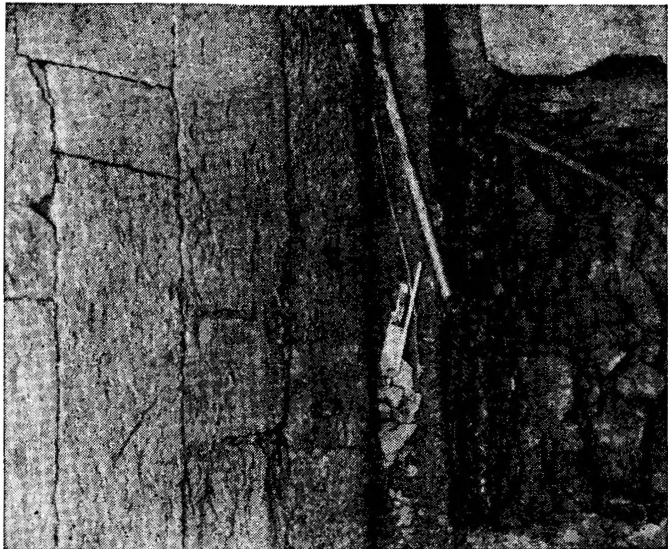
Каменная база колонны из дворца саснидского правителя города.
VI—VII вв.

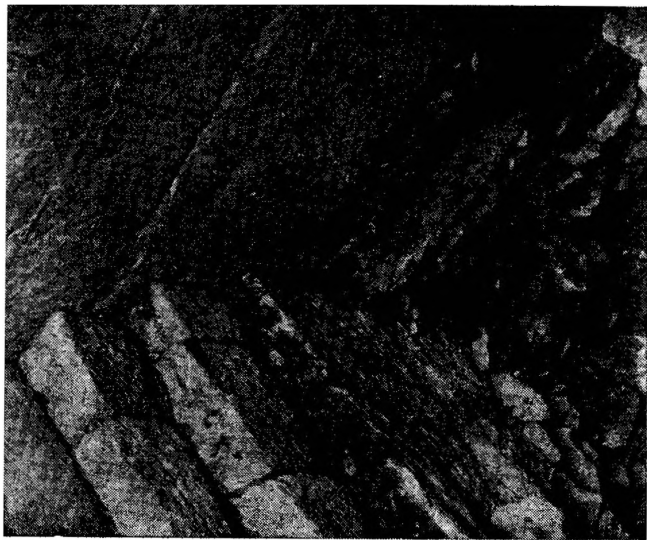
Восточная стена цитадели с развалинами ханского дворца

**Конструкция раннесредневековой городской (южной)
стены Дербента**

Стены древней (нижние) и раннесредневековой (верхние) крепости в северо-западной части холма

Примыкание южной стены города к цитадели, подтверждающее их разновременность. Внизу стена древней крепости

По данным Якуби и Ибн ал-Факиха, стена Хосрова Ануширвана, построенная из камня, скреплялась железными болтами. Однако обследования дербентских стен⁵⁷ показали, что эти сведения не совсем верны, здесь не было обнаружено ни следов отверстий, ни свинца, ни железных стержней. Возможно, эти данные следует относить к морским стенам города.

Все арабские авторы единодушно говорят, что стена Хосрова одним концом уходила в море, а другим в горы, продолжалась до неприступных вершин. Отметим попутно, что ни один автор не связывает эту стену с именем какого-нибудь другого правителя Ирана, и в то же время сама Горная стена везде выступает в роли главного творения Хосрова, а о сооружении города упоминается вскользь или вообще не говорится. Данный факт может служить подтверждением высказанных выше предположений об огромном впечатлении, которое оказывали эти постройки на арабов, сменивших здесь персов, поэтому значительно более скромное участие в строительстве Кавада могло быть предано забвению.

Протяженность стены в горах и в море оценивается различными арабскими писателями по-разному. Наиболее вероятную протяженность стены в горы сообщают Ибн ал-Факих и Якуби, которые говорят, что она «тянется на 7 фарсах»⁵⁸ до лесистой местности и обрывистой горы, через которую не пройдешь»⁵⁹. В настоящее время протяженность стены, по данным обследований 30—70-х годов XX в. (Е. А. Пахомов, С. О. Хан-Магомедов, А. А. Кудрявцев), имеет протяженность более 40 км, что соответствует этим данным. Масуди сообщает, что стена тянулась до «укреплений по имени Табарсеран»⁶⁰ и длина ее составляла 40 фарсахов. По Ибн ал-Факиху, в стене имелось «7 проходов, у каждого из которых город и живут в них персидские воины»⁶¹; по Масуди, ворота через каждые «три мили, а то и больше или меньше, сообразно с дорогами, соответственно которым он поставил ворота, он [Хосров] сделал железные ворота и населил там с внутренней части каждой ворот народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены»⁶².

О персидских воинах, сидящих в крепостях, построенных вдоль стены, сообщают Баладзори и Ибн ал-Факих. По данным Ибн Хордадбега, во времена арабов таких крепостей было 13, не считая Дербента, а Истахри говорит о 14 крепостях. «Цари персидские придавали городу

особое значение и усиленно его охраняли»⁶³. Насколько велико было значение дербентского оборонительного комплекса, говорят данные арабских авторов, хотя и несколько фантастические, которые пишут, что если раньше для охраны этой местности требовалось 50 тыс. воинов, то после возведения укреплений достаточно было 100 человек⁶⁴.

При явном преувеличении этих данных, все же постройка стены несомненно сократила численность персидского гарнизона в Дербенте во много раз и позволила иранцам контролировать не только проход, но и все внутренние коммуникации этого района. Помимо обычных башен, в которых, по сообщению ал-Мукаддаси, были устроены мечети и сторожевые посты, стены Дербента (вероятнее всего, северная городская стена) имели «какую-то подвижную башню», которую «Ануширван устроил на этой стене»⁶⁵. К. В. Тревер считает, что она могла служить для наблюдения за противником, но нам кажется более вероятным, что башня была подвижным опорным пунктом, который перемещался в места штурма, помогая отражать атаку врага. Защитники стен оставались в ней недосыгаемыми для противника, что было особенно важно при нападении кочевников, славящихся стрельбой из луков. Возможно, из этой башни обливали горячей нефтью штурмующих и сжигали наваленные ими к стенам дрова и приставные лестницы.

В северной и южной стенах имелись ворота. По сообщению ал-Мукаддаси, в северной стене было двое основных ворот: «большие» (Баб ал-Кабир) и «малые» (Баб ал-Сагир), а также еще одни ворота около моря, которые обычно «бывают закрыты»⁶⁶. Ибн ал-Факих называет эти ворота в северной стене Баб ал-Джихад (ворота войны) и Баб ал-Имара⁶⁷, теперь они соответственно называются Кирхляр и Даш-Капы.

Ворота южной стены, не игравшие в судьбе Дербента такого значения, как северные, не названы, сообщается лишь, что в ней имеется «некоторое число ворот»⁶⁸. Значительное количество ворот в Дербенте указывает на рост города и развитие его топографии.

О длине стен, уходящих в море, у арабских авторов нет единства. Одни сообщают, что они достигали 3 миль⁶⁹, другие — одной мили⁷⁰, третьи говорят о полумиле⁷¹. Наиболее достоверные данные сообщает ал-Истахри, писавший о расстоянии в шесть башен⁷², и Хи-

лаль ас-Саби, у которого морские стены достигают 600 локтей⁷³. Сохранилось несколько рассказов о способах возведения стен в море, большая часть которых, в передаче Масуди, Кудамы, Захария Казвини, содержит весьма сомнительные сообщения о постройке стен с помощью бурдюков. Это, по мнению В. В. Бартольда, скорее является осмыслением строительства последующими поколениями. Более правдоподобно выглядит сообщение Баладзори: «И приказал он [Хосров] возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказались над водой, то он построил на них стену, продолжив ее в море на три мили»⁷⁴.

Между морскими стенами был сооружен порт⁷⁵, проход которого «тесен для судов, а вход сделан извилистым, и в устье порта протянута цепь, так что не может судно ни войти, ни выйти иначе, как с разрешения»⁷⁶. Баладзори и Ибн Хаукал говорят о специальном «коменданте» порта, который давал разрешение на вход и выход из него. Несколько иначе описывается порт в изданном д'Оссоном «Путешествии Абу аль-Касима», будто бы побывавшем в X в. на Кавказе. Абу аль-Касим уточняет конфигурацию стен, образующих порт, которые, по его описанию, вдавались в море не параллельно, а полукругом, оставляя в центре узкий проход, закрываемый цепью. Возможно, здесь имеет место попытка переосмыслить сообщения других авторов, писавших, что проход между стенами, находившимися на расстоянии 400—500 м друг от друга, узок и извилист. Однако подводные исследования стен, проведенные Л. Н. Гумилевым⁷⁷, правда очень незначительные, как будто подтверждают эти сообщения. (Сравни данные Абу-Гасана эл-Джурджани (1476 г.), который пишет, что «стены тем ближе сходятся, чем дальше входят в море, так что проход между ними ничтожен».)

Археологические обследования побережья (Р. В. Николаевой) показали, что между двух городских стен вдоль берега моря, по современной полосе прибоя, тянется стена, полностью аналогичная по материалу и конструктивным особенностям кладке сасанидских памятников Дербента. Сохранился значительный участок стены, обращенной облицованной поверхностью к морю с небольшими (диаметром до 3,5 м) овальными выемками или разрывами в ней. Представляется вероятным, что данное сооружение является остатками пристани с своеобразны-

ми причалами для разгрузки кораблей или поперечной оборонительной стеной, защищавшей город со стороны моря.

Наличием у Дербента хорошо укрепленного закрывающегося порта В. В. Бартольд объясняет причину, по которой позднее, в X в., город не был затронут грабительскими походами русов.

Таким предстает перед нами Дербент по описаниям наиболее авторитетных арабских историков и географов VIII—X вв.

Своеобразная планировка Дербента, основу которой составляли две длинные городские стены (северная 3650 м, южная 3500 м), вытянувшиеся от гор к морю, была обусловлена прежде всего их оборонительным назначением и главной задачей — полностью закрыть узкую прибрежную полосу. Ширина Дербентского прохода здесь не превышает 3,5 км, что создало исключительно благоприятные условия для полного перекрытия его. Сасанидские архитекторы идеально использовали своеобразный рельеф дербентского холма, выступающего подобно мысу из Джалганского горного массива и огражденного с севера и юга глубокими ущельями с крутыми склонами.

Город, выстроенный по заранее продуманному, подчиненному главной цели единому плану, имеет весьма своеобразную планировку. Прекрасная сохранность стен, не утративших за 15 веков своего древнего облика, позволяет весьма точно судить о его топографии, структуре и конструкции фортификационных сооружений. Стены Дербента вытянуты, подобно каменной ленте, поперек узкого Дербентского прохода с запада на восток. Это действительно город-засов, упирающийся одним концом в горы, а другим — в море. Расстояние между стенами в районе цитадели около 350 м, а в более широкой нижней части города — 450 м, длина южной и северной городских стен 3500 м и 3650 м соответственно (по замерам П. И. Спасского). Северная стена сохранилась почти полностью, южная лишь частично, что связано, видимо, с ведущей ролью, которую играла первая в обороне города, в результате чего она возводилась более фундаментально. На западе стены замыкает цитадель, расположенная в северо-восточной части высокого холма (более 340 м над уровнем моря), на востоке стены доходили до воды. Цитадель имеет в плане форму неправильного многоугольника, достигающего в периметре более 700 м. Размеры ее с за-

пада на восток 200 м, с юга на север 220 м, площадь 4,5 га.

Северная и восточная стены цитадели идут по краю холма, склоны которого очень круты, что делает ее неприступной отсюда. Южные и западные склоны холма более уязвимы, поэтому здесь стены внушительнее. На расстоянии 250—300 м от цитадели с юга холм огибает ущелье, создавая прекрасные условия для обороны на подступах к ней. В древности обживалась вся территория холма, а в средневековый период — северо-восточная и западная его часть, у юго-восточного края стояла лишь башня⁷⁸, прикрывающая доступ к цитадели с юга.

От юго-западного угла цитадели отходила стена Дагбары (Горная стена), которая тянулась по краю ущелья и уходила в горы не менее чем на 40 км. Стена была укреплена системой фортов, расположенных в стратегически наиболее важных местах. Сейчас видны остатки десяти фортов, но, вероятно, их было больше⁷⁹. Форты имели прямоугольную или квадратную планировку с круглыми башнями по углам. Кроме фортов, в системе укреплений стены имелись полуфорты — выступы, обращенные на восток, в сторону, откуда ожидалось нападение врага⁸⁰. У четвертого форта в 2 км от Дербента сохранилось древнее мусульманское кладбище и остатки селения, называемого здесь Пир-Дамешки (старый Дамаск). Вероятно, это одно из поселений арабских переселенцев, охранявших после персов, по сообщениям ранне-средневековых авторов, проходы и перевалы вдоль Горной стены. Ибн ал-Азрак, сопровождавший в 549 г. х./1154 г. грузинского царя Дмитрия в поездке в Дербент, встретил там местных арабов, которые, сохранив свой язык и обычаи, жили в двух городках среди гор, по их словам, около 500 лет, пользуясь благосклонностью и покровительством дербентских эмиров⁸¹. Видимо, Ибн ал-Азрак встретил потомков арабских военных поселенцев, охранявших на протяжении столетий Горную стену. Многочисленные свидетельства длительного пребывания здесь арабов сохранились в топонимике этих районов. Горная стена с системой фортов и полуфортов составляла вместе с укреплениями Дербента единый оборонительный комплекс, позволявший Сасанидам, а позднее арабам не только надежно перекрывать Прикаспийский путь, но и закрывать все обходные дороги, контролируя при этом внутренние коммуникации Дагестана. Дербентские оборонительные

сооружения представляли собой мощную, практически неприступную преграду. Однако для полной безопасности на случай обхода укреплений по мелководью (подобные инциденты известны в многовековой истории Дербента), Сасанидам пришлось, видимо, основательно укрепить побережье.

Для большей прочности дербентские стены были укреплены мощными башнями, общее количество которых в северной и южной городских стенах и в цитадели достигает 73.

Северная стена города, на долю которой приходилась основная тяжесть защиты прохода от кочевников, имеет 46 башен, расположенных примерно на расстоянии 70 м друг от друга. Лишь в четырех случаях отдельный участок стены дополнительно усилен, и там расстояние между башнями сокращено до 35 м. В северной стене башни имеют полукруглую, квадратную, а иногда и трапециевидную в плане форму. Полукруглые башни преобладают над остальными и количество их достигает 22. Наружный радиус полукруглых башен в большинстве случаев 6,5 м, в некоторых случаях несколько меньше или больше. Башни сохранились в высоту на 8—12 м. Квадратные башни двух типов, большие и малые, имеют размеры в первом случае до 12×20 м, во втором — до $13 \times 7,5$ м. Трапециевидные башни имеют ширину 15—18 м при выносе 10—11 м. Толщина стен башен колеблется от 3 до 3,8 м.

В южной стене башни расположены значительно реже, что связано с ее второстепенным значением в обороне города в сасанидский период, когда главную опасность представляла быстро крепнущая Хазария. Южная стена в отличие от северной, следующей в верхней части города по рельефу местности, построена по прямой линии. Все башни здесь, за исключением первой от моря и последней у крепости, имеют квадратную форму. Две башни, выпадающие из общей схемы стены, судя по кладке и планировке, относятся к средневековому периоду.

Расстояние между квадратными башнями южной стены значительно больше, чем северной, и достигает в среднем 170—200 м. Ширина башен 13—16 м, вынос 6—7 м, высота 12—15 м. Толщина башен южной стены достигает 2,6—3 м, толщина южной стены города у башен 3,6—4 м. С внутренней стороны южной стены на одном из участков сохранилась пристроенная каменная лестница, служившая для выхода на стену.

Планировка северной и южной стен города дает основание для предположений о неодновременности возведения стен Дербента, что подтверждают и местные предания, по которым северная стена древнее южной. В плане стены довольно сильно отличаются друг от друга. Северная имеет часто расположенные прямоугольные и полукруглые башни, а южная только прямоугольные, отстоящие друг от друга на значительном расстоянии. Ворота северной стены в отличие от южных не имеют фланкирующих башенных выступов. Раскопки показали, что цитадель и северная стена города построены одновременно, а южная — несколько позднее. Было установлено, что северная стена города и стена цитадели сасанидского времени имеют между собой перевязку и блоки первой входят в кладку блоков последней, что свидетельствует об одновременности их строительства. Перевязка между южной стеной города и стеной цитадели отсутствует, и блоки первой лишь примыкают к последней.

На северной стене на некоторых участках сохранились остатки машикулей, представляющих собой каменные консоли с выносом 0,3—0,4 м и сечением 0,2×0,2 м. Консоли расположены попарно с расстоянием между ними от 0,5 до 1 м, между каждой парой консолей стена имеет скос. Эти машикули можно было признать древнейшим завершением дербентских стен, если бы в Горной стене, совсем не подвергавшейся перестройке, не были обнаружены другие завершения стен в виде ступенчатых зубцов. А. Бестужев-Марлинский еще в первой половине XIX в. застал неразрушенные участки стены со ступенчатыми зубцами. Е. А. Пахомов, обследовавший дербентские стены, писал, что каменные зубцы, «получившие такое широкое распространение в арабской и производных от последней ветвях архитектуры», были известны для сасанидских памятников «лишь в репродукциях..., но только в развалинах этой стены мы находим ее в реалиях»⁸². Несколько подобных уникальных зубцов, обнаруженных недавно в Горной стене, имеют ступенчатую четырехчастную конструкцию и являются, видимо, последними подлинными образцами таких деталей сасанидской архитектуры.

Сасанидская кладка хорошо прослеживается в городских стенах и цитадели Дербента, а также в Горной стене. Она представляет собой два ряда крупных каменных плит, образующих наружную и внутреннюю грань стены,

пространство между которыми заполнено забутовкой. Наружные облицовочные плиты очень хорошо подогнаны друг к другу и уложены без раствора, насухо, внутренняя забутовка скреплена известковым раствором очень высокого качества. Для прочного соединения плит облицовки с телом стены в кладке чередуются плиты, уложенные тычком и ложком. Размер плит довольно стандартен и обычно равен $90-105 \times 67-70 \times 25-30$ см. Нижняя часть стен, заглубленная в грунт на 2—2,5 м, в конструктивном отношении не отличается от верхней, но плиты здесь несколько большего размера и достигают в длину 125 см при толщине 40 см. Толщина стен города колеблется от 2,30 до 3,80 м, при сохранности в высоту до 10—12 м, а местами до 15—20 м. Наружная поверхность плит хорошо отесана, а внутренняя оставлена необработанной для лучшего сцепления их с забутовкой. Древнейшая кладка состоит из однотипных, но не строго стандартных по форме плит: форма не всегда геометрична, и отдельные плиты притесывались друг к другу уже в процессе строительства стены, на месте. Особенность кладки дербентских оборонительных сооружений, где крупные наружные облицовочные плиты уложены без раствора, что весьма напоминает древнейшие кладки Переднего Востока и Средиземноморья, создавали у людей, видевших их, впечатление глубокой древности, чему в немалой степени способствовали и легенды о постройке стены Александром Македонским. Подобная конструкция стен Дербента, помимо исключительной прочности, придавала им впечатляющую парадность и монументальную незыблемость, что, несомненно, имело целью воздействовать на психику кочевников, создавая представление о непреступности этих укреплений.

Особого внимания заслуживают ворота древнего Дербента, количество которых, включая ворота поперечных стен и цитадели, на чертежах 1720 г. достигает 14.

Однако в данной работе мы остановимся лишь на воротах, которые по характеру и технике кладки, форме и архитектурному оформлению можно признать древнейшими. К ним, видимо, надо отнести в северной стене ворота Кырхляр-капы (Ворота сорока) и Даш-капы (Каменные ворота), упомянутые в письменных источниках арабскими авторами IX—X вв. (соответственно Баб ал-Джихад и Баб ал-Имара), а в южной стене ворота Ортаканы (Средние ворота) и ворота Баят капы (Ворота пев-

пов, Ворот перед пустым местом или Ворота племени Баят). Оформление ворот сасанидскими блоками, перемычки над ними из огромных плит с клинчатым замком посредине (в воротах Орта-капы клинчатый замок и два камня по его сторонам имеют зубчатую форму, что, видимо, придает особую прочность замку) и кладка из сасанидских блоков над ними приводит к мысли, что это древнейшие ворота города, проемы которых были устроены еще при строительстве стены. Однако в воротах северной и южной стен есть существенная разница. Ворота Кырхляр-капы и Даш-капы не имеют башенных выступов и, таким образом, не играли существенной роли в общей обороне стены, ворота же Орта-капы, Баят-капы и не сохранившиеся ворота центральной части стены, фланкированные квадратными и круглыми башенными выступами, несли те же оборонительные функции, что и башни. Скульптурные изображения львов, расположенных по сторонам ворот Кырхляр-капы и на специальной каменной консоли над воротами Орта-капы, отмечены арабскими авторами еще в IX—X вв.⁸³

В сасанидский и последующие периоды главнейшими воротами в торговом и военном отношении, исходя из планировки и территории обживания города, расположения караван-сараев и рельефа местности, несомненно, следует признать ворота Кырхляр-капы и Орта-капы.

Великий город на Каспии

Среди множества нерешенных задач, связанных с изучением древней истории Дербента, особенно важной и сложной является проблема становления и развития его как города, проблема превращения Дербента из крупнейшего на Кавказе военно-стратегического пункта в большой торгово-ремесленный и политический центр. И если сейчас трудно сказать, был ли Дербент уже городом в античный период, хотя мощная фортификация, довольно высоко развитая архитектура и весьма значительная территория обживания дают веские аргументы сторонникам локализации здесь птолемеевской Гелды, то в сасанидское время он предстает не только как главный оплот иранцев на Кавказе, но и как значительный ранне-средневековый город.

Проблемы средневекового города, его возникновения и становления, динамики развития и внутренней структу-

ры весьма остро стоят сейчас в советской и зарубежной исторической науке. Особая роль города в развитии феодального общества и процесса его урбанизации привлекает к нему все больше внимания специалистов. В последние годы появился ряд работ, посвященных средневековому городу Переднего Востока и Средней Азии, однако феодальный город Кавказа пока еще очень слабо изучен, и в свете этих больших и сложных проблем значительный интерес представляют исследования средневекового Дербента, одного из крупнейших торгово-ремесленных и политических центров Кавказа. Ключевые позиции Дербента на одной из важнейших торговых трасс древнего мира и особое военно-политическое значение города при Сасанидах способствовали быстрому его развитию. Уже в VI в. Дербент предстает весьма значительным городом с четко выделенной внутренней структурой и топографией.

Своеобразие планировки Дербента, протянувшегося узкой лентой через весь проход, и отсутствие в раннесредневековых источниках каких-либо конкретных данных о самом городе, его структуре, динамике развития и исторической топографии способствовали тому, что Дербент вошел в историческую литературу как город с весьма своеобразной одночастной структурой. Вследствие подобной постановки вопроса появилось даже мнение, что Дербент до арабского завоевания вообще не был городом, а представлял собой лишь военную крепость с небольшим гарнизоном. Как ни скудны сведения источников о топографии Дербента этого периода, они все же рисуют его довольно значительным раннесредневековым городом с развитой городской планировкой и четкой исторически сложившейся структурой, что нашло полное подтверждение при археологических исследованиях.

Так, в «Армянской географии» Аваняна Ширакаци (VII в.), где впервые город именуется «Дербентом», он назван «городом Чорского прохода, великой твердыней, построенной среди моря»⁸⁴, а Моисей Каганкатвацци называет его «великим городом»⁸⁵. Сведения Моисея Каганкатвацци дают основание полагать, что подобный термин он применил к Дербенту не случайно. Этот автор оставил красочное и очень реалистичное описание взятия города тюркско-хазарским войском в 627 г., которое позволило отдельным исследователям думать, что оно написано очевидцем событий.

Описывая штурм города, Моисей Каганкатвацци гово-

рит о внутренней планировке города, включавшей систему улиц и площадей, на которых хазары убивали жителей города. «Как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них (жителей Дербента. — А. К.) и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города... Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие»⁸⁶.

О том, насколько был уже велик город ко времени арабского завоевания, свидетельствуют сообщения Бальдзори, ат-Табари и других арабских авторов, которые утверждают, что полководец Маслама сразу «переселил в город ал-Баб-у-ал-абуаб (Дербент) двадцать четыре тысячи [солдат] из Сирии»⁸⁷, а территорию его разделил на четыре (по данным «Дербенд-наме» — семь) квартала. «Одну часть он отдал жителям Дамаска, вторую — жителям Куфы, третью — обществу Джазир, четвертую — жителям Химса»⁸⁸.

При этом следует заметить, что уже при Хосрове Ануширване в Дербенте действовал водопровод, отремонтированный Масламой, а первые арабские наместники, по данным письменных источников, благоустраивали улицы города. Свидетельством уже значительного развития города является наличие в Дербенте монументальных памятников архитектуры и даже «восточного патриаршего дворца»⁸⁹, не тронутого Масламой при перестройке города.

Исторические условия, определившие появление раннесредневекового Дербента как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона.

Первоначально он являлся военно-политическим оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников — марзпанов, хранителей границ, значительным административным центром, местопребыванием большого гарнизона. Здесь оседал определенный процент местной знати, перешедшей на службу к персам, и землевладельцев округи, искавших защиту за крепкими стенами города. Значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних районов Ирана. Наличие здесь внушительного количества солдат, чиновников, служителей культа и военных колонистов несомненно привлекало в Дербент торговцев и ремесленников, которые должны были обеспечивать обитателей города всем необходимым. Последние рассчитывали на хорошие барыши и

постоянный сбыт продукции, сравнительно легко достигаемые в военном пограничном городе с бесчисленными стычками и походами, грабежами и захватом добычи.

Однако в это время торгово-экономическая деятельность не являлась главной причиной формирования и развития города, пока она носила второстепенный характер. Основой становления и роста Дербента оставались военно-политические факторы. Большую роль в превращении Дербента из чисто стратегического пункта в развитый раннесредневековый город сыграла широкая строительная деятельность Сасанидов.

Огромные масштабы фортификационного строительства, проводимого иранцами в Дербенте, потребовали длительного скопления здесь множества рабочих самых различных профессий. Особое развитие получают специализированные виды строительных работ и камнеобрабатывающий промысел. В этот период здесь появляются специализированные каменоломни, где добывался местный ракушечник, распиливаемый на стандартные блоки. Из каменоломен, располагавшихся в 4 км севернее города, камень в Дербент доставляли по морю, а затем отправляли по специально проложенным дорогам в районы строительства. Помимо рабочих, занятых добычей, распиловкой и доставкой камня, в строительном процессе участвовали каменотесы, мастера-камнеукладчики, приготовители специального раствора необычайной прочности.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли, значительному увеличению среди его населения числа ремесленников и торговцев. Наличие широкого рыночного спроса на ремесленную продукцию способствовало стандартизации и удешевлению изделий, рассчитанных на широкого потребителя, и дальнейшему развитию технологии производства, что в свою очередь стимулировало рост ремесла и торговли.

Подобные процессы протекали в Дербенте еще на первом этапе сасанидского строительства, при возведении глиняных стен, но особенно они усилились и получили развитие на втором этапе, когда сооружались «дивные стены» из камня, «для построения которых цари персидские изпуряли страну..., собирая архитекторов и изыскивая разные материалы»⁹⁰.

Результаты археологических исследований, проводимых в городе в последние годы, убедительно свидетельствуют, что в сасанидский период Дербент стал не только самым мощным опорным пунктом на Кавказе, но и значительным торгово-ремесленным центром.

Здесь были очень высоко развиты искусство обработки камня и многие строительные профессии, чему способствовали широкие фортификационные работы, проводимые в Дербенте, огромные запасы прекрасного строительного материала — местного ракушечника, достаточно прочного и легко поддающегося обработке (карьеры по его добыче действуют и сегодня, широко снабжая Приморский Дагестан пиленным камнем) и традиционный опыт горцев, веками строивших из камня.

Обследования Даг-бары показали (работы А. А. Кудрявцева в 1975—1980 гг.), что все оборонительные сооружения этой «длинной стены» выполнены с наружной облицовкой из тщательно обработанных каменных блоков, добытых и привезенных сюда из дербентских карьеров, тогда как забутовка сделана из местного камня.

Огромные масштабы строительных работ потребовали большого количества опытных мастеров-каменщиков. В этой области наметилась большая специализация и дифференциация производства. Одни рабочие дёбывали и отесывали камень, другие укладывали наружные ряды кладки из плит, третьи делали забутовку. Вероятно, существовали еще и специалисты по изготовлению известкового раствора, включавшего самые различные добавки, придававшие ему высокую прочность, чем и объясняется столь хорошая сохранность стен. Возможно, были специальные каллиграфы-резчики для нанесения строительных надписей на блоках стен, столь широко теперь известных научному миру. О высоком мастерстве каменотесов города свидетельствуют многочисленные резные архитектурные детали раскопанных и сохранившихся до наших дней строений и оформление древнейших ворот Дербента.

Дальнейшее развитие получило ткачество, существовавшее здесь, судя по археологическим данным, с древнейших времен. Сюда уходит корнями производство знаменитых дербентских «полотняных одежд» и «льняного полотна», прославивших в средневековый период город по всему Востоку. Получило развитие в это время, видимо, и ковроткачество, расцвет которого приходится на средневековье.

Присутствие в Дербенте большого гарнизона, постоянные военные стычки и сражения с кочевниками рождали большой спрос на предметы вооружения, что создавало широкое поле деятельности для мастеров-оружейников.

Находки в слоях Дербента сасанидского времени многочисленных предметов вооружения, поделок из металла, остатков горнов, металлических заготовок, наковальни, молотков, пробойников, криц и железнорудных шлаков красноречиво свидетельствуют о развитии здесь металлообработки.

В значительном количестве среди материалов, полученных при раскопках Дербента, встречаются стеклянные изделия. Многочисленность представленных в слоях Дербента этого периода предметов из стекла, их специфичность и значительное разнообразие, наличие здесь стеклянных шлаков и бракованных изделий позволяют говорить о существовании в городе стеклоделия и о довольно высоком уровне развития этой отрасли ремесла.

Но наибольшего развития в раннесредневековом Дербенте достиг керамический промысел. Огромное количество посуды самого различного назначения, большие тарные сосуды, многочисленные керамические трубы водоводов, жженный кирпич, черепица, развалы печей, приспособления для обжига посуды и керамические шлаки, обнаруженные в культурных напластованиях Дербента сасанидского периода, убедительно свидетельствуют о высоко развитом керамическом производстве города.

Керамика раннесредневекового периода в Дагестане и вообще на Кавказе пока еще довольно слабо изучена. В этом плане весьма интересным представляется керамический материал, добытый в Дербенте в период непосредственного пребывания там иранцев, укрепивших и интенсивно застраивавших этот город. Археологам представилась довольно редкая возможность получить керамику, связанную самым тесным образом с культурой сасанидского Ирана, и проследить ее влияние на местное керамическое производство, а также на развитие гончарного промысла других областей Кавказа и Прикаспия.

Керамика Дербента сасанидского периода многочисленна и разнообразна. Она резко отличается от посуды Дербента и всего Дагестана предшествующих и раннесредневековых периодов.

От местных весьма грубых изделий со своеобразным аягобным покрытием, довольно плохим тестом, зачастую

низкокачественным обжигом, в основной массе изготовленных на медленно вращающемся круге или вообще без него, керамика сасанидского Дербента отличается высококачественным тестом, хорошим обжигом, развитой ornamentацией, изготовлением на быстровращающемся круге. Почти вся она красноглиняная и даже с первого взгляда отличается от местной посуды.

По назначению всю керамику можно разделить на тарную, кухонную и столовую, а хронологически на две большие группы: раннюю (V—VI вв.) и позднюю (VI—VII вв.).

К тарной керамике относятся большие хозяйственные сосуды, служившие для хранения сыпучих материалов и продуктов, вина, а иногда и строительных материалов. Так, в Дербенте у южной стены города были обнаружены вкопанные в землю большие хозяйственные сосуды с известью, которую, вероятно, использовали при возведении или ремонте городской стены.

По назначению дербентские тарные сосуды аналогичны раннесредневековым среднеазиатским хумам, закавказским кюпам и карасам. Хозяйственная керамика обычно довольно долго сохраняет свои формы и приемы ornamentации и мало изменяется в пределах одного исторического периода, но хозяйственные сосуды Дербента сасанидского периода сильно отличаются от тарных изделий предшествующего времени, что связано с изменением технологии ее производства. Это объясняется тем, что сасанидские цари переселяли сюда большое количество семей из самого Ирана и из других областей Переднего Востока. В результате среди жителей Дербента были не только воины, которые не могли бы повлиять на местные керамические традиции, но и ремесленники, принеся с собой передовые приемы и технологию производства керамических изделий из высокоразвитых государств Передней Азии.

Кухонная посуда в керамике раннесредневекового Дербента представлена котлами, сковородами и грубыми горшками. Наиболее широко и разнообразно в кухонной керамике Дербента сасанидского периода представлены котлы. Судя по многочисленным находкам их в культурных слоях города, они являлись в то время основным видом кухонной посуды. Находки среди дербентских котлов экземпляров со сливом позволяют говорить, что в них готовилась и жидкая пища. Многообразие форм котлов и

их размеров указывает на весьма широкий диапазон и разносторонний характер их применения в быту населением города.

Характерной особенностью дербентских котлов является то, что они в отличие от большинства подобной керамики других областей сделаны, как правило, на гончарном круге. Это служит ярким показателем высокого уровня мастерства керамистов города.

Столовая посуда в керамике Дербента сасанидского периода составляет самую многочисленную и разнообразную группу. Из остальной массы керамических изделий города ее выделяет более высокое качество теста и обжига, изящество и разнообразие форм и более развитая орнаментация.

По назначению столовая посуда разделяется на пять видов: кувшины, чаши, горшки, кубки, тарелки. Каждый вид этой керамики в свою очередь делится на несколько типов, количество которых, например кувшинов, иногда достигает более десяти, и на варианты.

Показателем высокого уровня развития керамического производства в раннесредневековом Дербенте могут служить многочисленные находки самых разнообразных гончарных изделий: плоской и желобчатой черепицы, кирпичей, труб водоводов, грузиков и пряслиц, ядер к пращам, подставок, противней, светильников, стенок очагов.

Основным приемом орнаментации являлись глубокие врезные прямые или волнистые линии, насечки и вдавления. Подчеркивая, что иранцы, обосновавшись на дербентском холме, принесли с собой совершенно иные, стоящие на значительно более высокой ступени керамические традиции, следует отметить и влияние местной дагестанской керамики на формирование керамического производства раннесредневекового города, проявившееся в восприятии гончарами Дербента сасанидской поры некоторых форм и приемов покрытия посуды специфическим ярко-красным ангобом, широко использовавшимся в керамическом производстве Дагестана и Азербайджана в античное (албанское) и раннесредневековое время. Посуда с подобной орнаментацией встречается в цитадели в культурных напластованиях сасанидского времени очень редко, однако количество ее возрастает в аналогичных слоях нижней части города. Это позволяет полагать об этнической неоднородности населения Дербента, в состав которого наряду

с иранцами входили и местные жители, применявшие в быту традиционную привычную для них керамику.

Наряду с хорошей красноглиняной керамикой, составляющей основную массу посуды Дербента V—VII вв., встречаются керамические изделия, типичные для ранне-средневековых памятников кочевых племен Дагестана и Северного Кавказа, но такой посуды очень немного. Вероятно, население города пополнялось и за счет кочевых обитателей этих территорий, хотя не исключено, что нередко проникновение степняков в Дербент носило военный характер.

Однако цитадель, прилегающие к ней районы города и главные стратегические пункты Даг-бары были заняты иранцами, в основном солдатами, чиновниками, переселенцами, которые играли большую роль в социальной жизни города.

Метод закрепления завоеванных территорий путем заселения их колонистами был не нов и широко применялся правителями Переднего Востока с древнейших времен. Сасанидские шаханшахи правильно полагали, что, находясь в чужой по языку и духу культурной среде, окруженные враждебно настроенными к захватчикам племенами, персидские переселенцы будут самой надежной защитой этих важнейших ворот Иранского государства, отчетливо понимая, что их спасение внутри крепчайших стен города.

Подобным же образом охраняли «ворота» арабы, сменившие здесь персов и сразу же переселившие сюда большое количество колонистов из центра халифата.

Разнообразие и многочисленность керамической посуды и других предметов гончарного производства, изделий из стекла, металла и кости, обилие строительных остатков и наличие в слоях сасанидского времени развалов гончарных печей и горнов, керамических, стеклянных и рудных шлаков, металлических заготовок и криц, а также приспособлений для обжига посуды (например, полок для обжига чаш и штырей для обжига кувшинов) и различных орудий труда ремесленников убедительно свидетельствуют, что Дербент в этот период превратился из крупного сасанидского опорного пункта в значительный экономический центр с хорошо развитым ремесленным производством.

Ремесленники наряду с солдатами составляют в это время наиболее многочисленные группы населения города.

В раннесредневековый период в Дербенте успешно развивались все виды ремесленного производства, присущие крупному городу: стеклоделие, металлообработка, ткачество, гончарное и строительное дело. Два последних ремесла достигли особо высокого уровня.

С этого времени Дербент становится одним из крупнейших керамических центров на Кавказе. Он оказал огромное влияние на развитие керамического промысла всего средневекового Дагестана и других областей Кавказа.

Сохраняя передовые традиции керамистов Переднего Востока, древние гончары Дербента продолжали развивать и приумножать их, впитывая все лучшее, что имелось в местном керамическом ремесле. Исследования керамических комплексов Дербента показали, что изделия, представленные в слоях города сасанидского времени, находят себе широкие аналогии не только в посуде памятников Ближнего Востока и Закавказья, но и в раннесредневековой керамике Средней Азии. Это проливает новый свет на вопросы культурных связей и взаимовлияний Дагестана и Средней Азии в сасанидское время и открывает новую страницу в проблеме кавказско-среднеазиатских взаимоотношений. Наличие в керамике Дербента привозных изделий, среди которых встречаются сосуды, имеющие очень большое сходство с раннесредневековой посудой памятников низовий и среднего течения Сырдарьи, позволяет поставить вопрос о торговых связях Дербента в сасанидский период с областями Средней Азии, в процессе которых, возможно, использовались не только широко известные сухопутные торговые пути, но и морская дорога через Каспий.

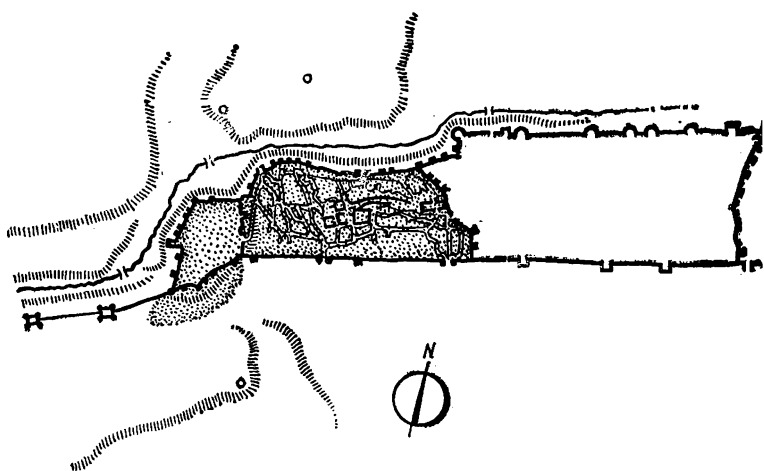
В связи с определенной стабилизацией положения в VI в. на северных границах Ирана, активизировалась торговая деятельность в бассейне Прикаспия и значительно возросла роль Прикаспийского пути. Дальнейшее развитие международной каспийской торговли благоприятно отразилось на росте раннесредневекового города, который в силу своего положения полностью ее контролировал. Дербент становится важным центром международной торговли, хотя он, вероятно, в этот период в большей степени выступает как крупнейший транзитный пункт на прикаспийской торговой трассе. Письменные источники не донесли до нас конкретных данных о торговой деятельности Дербента и большинства других

областей Кавказа в этот период. Однако, как ни скупы сообщения раннесредневековых авторов по этому вопросу, они позволяют говорить, что через «ворота» на север шли рабы — продукт ожесточенных сасанидско-византийских войн, зерно, вино, масла, предметы украшения, роскошные парчевые ткани и шелк, а на юг через Дербент — воск, кожи, мед, рыбий клей и другие продукты.

Археологические раскопки показали, что наряду с импортной посудой в культурных слоях раннесредневекового Дербента представлены сирийское и византийское стекло, привозные предметы украшения из сердолика, агата, халцедона, египетской пасты и другие изделия. В захоронениях представителей верхушки племенных объединений в Приморском Дагестане в большом количестве встречаются украшения, богатая посуда, оружие и одежда ближневосточного, закавказского, а порой и крымского происхождения, а также золотые византийские монеты. На широкое развитие торговли по караванной трассе через Дербент указывают находки сасанидских монет в самом городе, Приморском Дагестане, Северном Кавказе и севернее.

Развитие ремесла и торговли способствовало дальнейшему росту и заселению Дербента, который в этот период предстает, по данным археологических исследований, весьма большим раннесредневековым городом с четко выделенной внутренней структурой.

По площади городской территории, которая достигала у Дербента 150 га, он значительно превосходил многие крупнейшие раннесредневековые города Переднего Востока, Закавказья и Средней Азии. Однако археологические исследования показали, что в сасанидское время обживалась не вся территория города, а только его верхние районы, которые включали цитадель и территорию от ее подошвы до Джума-мечети. Не исключено, что обживалась и приморская часть Дербента, примыкавшая к порту, район которого пока еще слабо изучен. Общая площадь заселенной территории города, без учета приморского района, достигает, согласно археологическим данным, 26—27 га, что составляет всего около $\frac{1}{4}$ пространства обнесенного стенами города. Выявленная площадь застройки Дербента позволяет считать его значительным раннесредневековым городом. Для сравнения приведем опубликованные данные размеров крупнейших городищ Средней Азии, остатков наиболее известных раннесредневековых городов

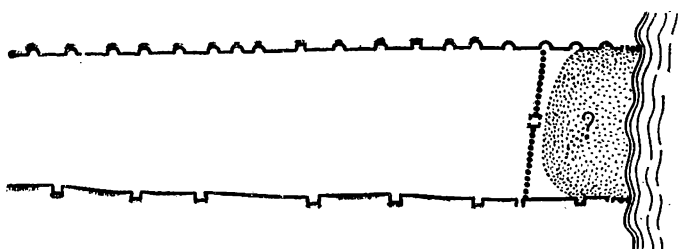

План Дербента с указанием территории обживания города в сасанидский период

этого региона: Бухара — 35 га, Термез — 20 га, Пенджикент — 13—14 га, Кяфир-кала — 16 га, Варахша — 19 га⁹¹ (при публикации данных о площади Варахши произошла, видимо, опечатка, площадь его — около 7,5 га). Уступал Дербент в сасанидский период по размерам лишь таким крупнейшим центрам, как Самарканд — 65 га и Мерв — 200 га.

До раскопок оставался не ясным вопрос о путях развития и становления Дербента как крупного феодального города — был ли это типичный раннесредневековый город с обычной для домусульманских городов внутренней структурой и топографией или он прошел особый путь развития, присущий лишь Дербенту.

Дербент вошел в историческую литературу⁹² как город с весьма своеобразной исторической топографией и планировкой, выпадающей из общей схемы двух- и трехчастного деления города, где обязательными компонентами выступают цитадель и собственно город, а иногда и пригород. Считалось, что Дербент стал соответствовать этой схеме лишь в период развитого средневековья, когда у него появились цитадель (кухендиз) и пригород (рабад).

В. В. Бартольд выдвинул предположение о том, что почти все домусульманские города Средней Азии состояли из двух четко отличных одна от другой частей — цитадели (кухендиза) и собственно города (шахристана), и археологические наблюдения подтвердили правильность данной схемы структуры городов для основных районов Средней Азии⁹³. Однако в отношении Дербента он считал подобную схему неприемлемой и полагал, что цитадель могла здесь появиться лишь после X в., а на холме, где она построена, до этого складывали штабелю дров для костра, который зажигали при появлении неприятеля, оповещая таким образом пограничные провинции. Подобная же точка зрения была высказана К. В. Тревер, которая, однако, чтобы согласовать свое предположение с тем фактом, что южная, западная и северная стены цитадели почти полностью (за исключением небольших перестроек и ремонтов) сложены из крупных сасанидских блоков, допускает возможность существования на холме небольшой сторожевой башни, после разрушения которой в XI—XII вв. блоки ее стен были использованы для постройки южной стены.

Археологические раскопки, проведенные в цитадели в 1972—1981 гг., позволили пересмотреть проблемы структуры раннесредневекового Дербента и четко выделить две составные части города: цитадель и собственно город.

В комплексе дербентских оборонительных сооружений цитадель, называемая в настоящее время Нарын-калой, занимала особое место — это резиденция правителя города, местопребывания его двора и гарнизона, административный, военно-политический и культурный центр. Расположенная на высоком труднодоступном холме, она

господствовала над узким проходом между морем и отрогами Джалганского хребта. Она как бы замыкает с запада пространство между городскими стенами и составляет одну из стен сильно вытянутого прямоугольника, противоположная сторона которого закрыта Каспийским морем. Мощные стены толщиной до 2,5—3,5 м, достигающие на отдельных участках высоты 20—25 м, делают ее неприступной крепостью, способной выдержать тяжелую и длительную осаду. С севера и северо-запада цитадель огибает глубокое ущелье, тянущееся далеко в горы, склоны его настолько круты, что и сейчас, когда они значительно оплыли, подняться здесь почти невозможно.

Южная сторона цитадели более уязвима, поэтому стены здесь значительно мощнее и выше. На некоторых участках стены имеют переделки более позднего времени. Особенно сильно перестраивались южная и восточная стены цитадели в X—XI вв., что, видимо, связано с усилением угрозы именно с юга, со стороны Ширвана, когда Дербент потерял свое главное значение форпоста сасанидского Ирана и Арабского халифата и превратился в самостоятельное княжество. Однако и в первоначальном своем виде южная стена, как более доступная, была укреплена значительно внушительнее. Башнеобразные квадратные выступы здесь более многочисленны и мощны, достигают ширины 4 м при выносе 3 м и более. В юго-западном углу цитадели находится квадратная в плане башня довольно значительных размеров — 6,5 × 6,5 м. Внутри нее имеется ход, по которому можно было подняться на стену. Вход устроен в стене, сложенной из каменных блоков, наиболее древних в кладке Дербента, причем проем несомненно был оставлен еще при постройке цитадели и служил, вероятно, для выхода на Горную стену, примыкавшую к цитадели в этом месте.

В настоящее время цитадель имеет двое ворот: одни в восточной стене, в сторону города, другие — в западной стене.

Западные ворота фланкированы мощными контрфорсами, сложенными из довольно мелкого обработанного камня явно более позднего времени, чем основная кладка цитадели. Мы полагаем, что первоначально цитадель имела одни восточные ворота, расположение которых сейчас установить невозможно, так как почти вся восточная стена неоднократно перестраивалась в более поздние периоды. Западные ворота, расположенные севернее

Даг-бары, а следовательно не попадающие под защиту Горной стены, были бы доступны неприятелю, находившемуся во время основания цитадели именно на севере. Видимо, они появились только после утраты Дербентом его основной роли — преграды от кочевников, и разрушения Горной стены, начавшегося после X в.

Анализ письменных источников согласуется с археологическими выводами о том, что у Дербента цитадель существовала и в раннесредневековый период. Нигде арабские авторы, сообщая о перестройках, ремонтах и благоустройствах, проводившихся в Дербенте Масламой, Мерваном и другими арабскими наместниками, не говорят о постройке цитадели. В то же время Баладзори, Якуби, Табари рассказывают, как Маслама, захватив Дербент, не стал терять время на штурм цитадели, где заперлись хазары, а двинулся дальше на север. Лишь после неудачи под Вараханом он вернулся в Дербент и занялся довольно безуспешной осадой цитадели, которую сумел взять только после того, как местный житель указал ему подземные водоводные трубы, куда арабы якобы спустили кровь 100 баранов, после чего вода в цистерне пропала и хазары бежали из крепости. В память об этом бегстве ближайшие к цитадели ворота северной стены, именуемые сейчас Джарчи-капы (Ворота гонцов), назывались «Воротами беглецов» (арабск. Баб ал-Мухаджир). Причем Табари в своем труде четко различает части города: цитадель — «кала» (перс. кухендиз) и собственно город — «медина» (перс. шахристан). Упоминается «кала», замок, и в дошедшем до наших дней во фрагментах сочинении «Тарих Баб ал-абваб»⁹⁴, где неоднократно сообщается, что «кала» — место пребывания дербентских эмиров.

Археологические раскопки, проведенные в 1972—1981 гг. в цитадели Дербента, выявили мощные слои сасанидского периода. Стратиграфическими исследованиями было установлено, что толщина культурных напластований в цитадели достигает 1—1,5 м. Удалось не только установить факт пребывания иранцев в районе цитадели уже в первой половине V в., но и выделить два этапа строительства ее. Особенно важными представляются данные о сырцовой фортификации цитадели, которые не только снимают вопрос о существовании цитадели как составной части раннесредневекового Дербента, но и на целое столетие удревняют ее возникнове-

ние. Керамический материал, полученный из самой кладки и слоев, связанных с ней, позволяет отнести возникновение сырцовых стен цитадели к середине V в. Эта дата подтверждается и хронологией керамики из засыпи между сырцовой и каменной стенами цитадели, появившейся в период сооружения последней и, соответственно, утраты фортификационного назначения первой. Вся она относится ко второй половине V — первой половине VI в.

Полная идентичность материала, из которого были сооружены сырцовые стены цитадели и северная стена города, вытянувшаяся от вершины холма до самого моря, мощные культурные напластования, обнаруженные как в цитадели, так и ниже ее в городе, позволяют считать, что уже в V в., на раннем этапе сасанидского строительства, Дербент имел двухчастную структуру (кухендиз-шахристан). Вывявленная при раскопках перевязка северной стены города с цитаделью подтверждает их одновременность.

Архитектурные обследования каменных стен цитадели и города, полностью аналогичных по характеру, конструкции и размерам камней кладки, а также наличие в цитадели и на территории города мощных культурных слоев VI—VII вв. позволяют утверждать, что и на втором этапе сасанидского строительства Дербент имел двухчастную структуру, прослеживаемую в топографии города до наших дней.

Раннесредневековый Дербент не имел, да и не мог иметь еще одной части городской структуры — пригорода (рабада), так как огромная огражденная стенами территория вполне давала возможность расти и развиваться городу на защищенном стенами пространстве.

Данная схема заключала в себе определенную социальную и административную характеристику города. В цитадели находился правитель города, назначавшийся самим иранским шаханшахом, а также целый штат правительственных чиновников. Наместник сасанидского царя в Дербенте носил в V в. титул «марзпана», что указывало на его очень высокое положение среди военной персидской знати. Следует отметить, что титул марзпана в сасанидском Иране носили обычно наместники крупных провинций и назначались они из представителей родовой персидской знати, очень редко из местных царских родов (так, Закавказьем управлял марзпан Армении,

а после упразднения в 461 г. царского трона в Кавказской Албании появился и марзпан Албании). Титул «марзпан и шахрдар (царь) Парса» носил Папак сын Сасана, один из основателей династии Сасанидов.

Наличие подобного титула у правителя небольшой области Дербентского прохода указывает на особое значение, придаваемое персами Дербенту. О высоком положении дербентского наместника в сасанидской военно-феодальной иерархии свидетельствует и очень внушительное количество войск, подчиненных ему, насчитывавших одной только конницы 10 тыс. Столь значительный гарнизон не имел ни один иранский наместник Кавказа, и поэтому не случайно во время антииранского восстания народов Закавказья в середине V в. дербентский марзпан не только сумел самостоятельно, без поддержки центрального правительства подавить восстание в Албании, но и отправился на усмирение Армении.

О высоком положении дербентских наместников свидетельствуют и археологические данные. Раскопками в цитадели Дербента (1980—1981 гг.) был выявлен огромный дворцовый комплекс сасанидского правителя города протяженностью более 100 м. О монументальности сооружения свидетельствуют его размеры, сложная планировка, находки каменных баз крупных колонн, диаметром до 1 м, мощные стены из камня и кирпича, кровля с плоской и желобчатой черепицей, полы с прекрасной алебастровой обмазкой, резные детали капителей колонн и карнизов.

Правительственные чиновники и представители дербентской городской администрации составляли высшее феодальное сословие города. В пехлевийских надписях упоминается титул одного из таких чиновников. «Это и от этого вверх сделал Дарпуш сын Атурпатака, хамаркар» («хамаркар» — счетчик — один из титулов налогового управления в Иране. Перевод В. Г. Луконина). Еще об одном представителе дербентской администрации сасанидской поры, «Атурене», сообщается в другой пехлевийской надписи (В. Г. Луконин читает имя этого чиновника как «Атургушнасп»). Большой вес в социальной структуре раннефеодального городского общества имели, вероятно, и начальники различных подразделений войск гарнизона, причем на первом месте здесь, согласно иранскому «Табелю о рангах», должен был стоять начальник кавалерии, а также служители культа.

Особое положение в структуре городского общества занимали воины, они как бы составляли промежуточную прослойку между господствующим классом городской аристократии и низшими слоями мелких торговцев и ремесленников. Как явствует из среднеперсидских надписей на остраках г. Дура-Европас, который подобно Дербенту имел значительный гарнизон, иранские солдаты получали «хлебное довольствие» из запасов шахраба города и, видимо, могли иметь какие-то пожалованные земли. Письменные источники сообщают, что сасанидские цари поселяли военных колонистов в Дербенте для охраны границы и наделяли их землей. В это время несмотря на дальнейшее отделение ремесла от сельского хозяйства, широкое развитие товарного производства и усиление процессов урбанизации раннефеодального общества население городов поддерживало тесные связи с сельскохозяйственными территориями и жителям Дербента принадлежали значительные окрестные земли.

Формирование раннесредневекового Дербента в период смены общественной формации и становления новых экономических отношений не могло не оказать влияния на социальную структуру города, роль которого в процессе феодализации дагестанского общества очень велика.

Развитие ремесла и торговли значительно изменило состав городского общества, и в Дербенте, как и в других раннесредневековых городах Ирана, ремесленники и мелкие торговцы составляют его основу. В раннесредневековом городе, который стал играть большую роль в становлении и развитии новой, феодальной формации, ремесленник — свободный производитель — являлся центральной фигурой. Однако это сословие занимало самое низшее положение в государстве и даже не имело своего священного огня (существовало три главных священных огня: огонь магов-жрецов, огонь воинов, к которым причислялся и царь, и огонь земледельцев). В отдельных документах, связанных с этим периодом, в Иране перечисляются четыре социальных сословия, среди которых упоминаются торговцы и ремесленники, относившиеся к самому низкому четвертому «прислуживающему» сословию⁹⁵. Подобное положение существовало, вероятно, и в дербентском раннесредневековом обществе, которое в сасанидское время имело весьма сложную социальную структуру и значительно выросло в количественном отношении.

В отличие от военной и административно-чиновничьей знати города, располагавшейся в цитадели, торгово-ремесленное население Дербента, как показали раскопки, обитало в шахристане и составляло его основу.

В результате археологических раскопок удалось проследить динамику роста раннесредневекового Дербента и выявить его древнее ядро, вокруг которого происходило сложение города.

Этим ядром являлась цитадель, полностью господствовавшая над городом, и районы, примыкавшие к ней. Цитадель была не только резиденцией правителя и его окружения, но и средоточием правительственных учреждений, административного аппарата, различных общественных и культовых институтов, местонахождением многочисленных солдат дербентского гарнизона, т. е. здесь находился административный, военно-политический и культурный центр города. Раскопки показали, что в сасанидский период это — место наиболее раннего заселения и интенсивного обживания Дербента.

Толщина раннесредневекового культурного слоя достигает здесь 1—1,5 м, и он по времени укладывается в хронологические рамки V—VII вв., тогда как в районе Джума-мечети слой не превышает 0,3—0,45 м, причем датируется он в этой части города VI—VII вв. Иранцы, проникнув в район Дербентского прохода, сразу обосновались на высоком труднодоступном холме, хорошо приспособленном для обживания и укрепленном с древнейших времен. Первоначально они использовали существовавшие здесь укрепления скифского и албанского времени, а затем возвели мощные фортификационные сооружения — на первом этапе из глины, на втором — из камня. Отсюда под защитой массивных стен, полностью перекрывших проход, город начал расти вниз по склону холма. Обживание этой территории, лежащей уже в самом проходе, стало возможно лишь под надежным прикрытием мощных стен города, однако в сасанидский период заселена была только верхняя часть города от цитадели до Джума-мечети.

Сплошная современная застройка не позволяет достаточно четко представить внутреннюю планировку Дербента, но археологические исследования и изучение позднесредневековых планов города дают возможность проследить ее в общих чертах.

Используя метод реконструкции планировки древних

городов, разработанный Ж. Саваже для Ближнего Востока и успешно примененный при изучении средневековой Бухары, удалось воссоздать планировку Дербента сасанидской поры, основу которой составляли длинные продольные улицы, разделенные перпендикулярными поперечными улицами на прямоугольные кварталы. Подобная правильная планировка типична для многих сасанидских городов, построенных одновременно, что отличает их от городов другого типа, складывавшихся постепенно и стихийно вокруг замка феодала как торгово-ремесленный посад. Регулярная планировка верхней части Дербента не оставляет сомнений, что город застраивался одновременно и планоно, согласно существовавшим в сасанидском Иране канонам градостроительства, несущим в своей основе многие черты античного города. В отличие от верхней части города, в районах Дербента, лежащих ниже Джума-мечети, не прослеживается четкой планировки, кварталы здесь не прямоугольные, а самых различных форм и размеров, порой очень значительных.

Три главные улицы Дербента тянулись сверху вниз от подошвы дербентского холма до района Джума-мечети, и их пересекало не менее восьми поперечных улиц. При этом следует отметить, что одна улица шла по центральной части города, северная улица — в непосредственной близости от северной стены, и с севера к ней примыкало незастроенное околостенное пространство, а южная — в 40—60 м от южной стены, к которой вплотную примыкали дома. Подобная планировка была продиктована конкретной исторической обстановкой, сложившейся в Прикаспийском Дагестане в V—VII вв., когда практически в обороне города участвовала лишь северная стена, так как военное давление оказывалось в основном с севера.

В V—VII вв. Дербент выступал как один из главных христианских центров на Восточном Кавказе. Здесь, по сообщению Моисея Каганкатваца, находился глава христианской церкви Албании, престол которого были вынуждены перенести в Партав в связи с усилившейся хазарской экспансией: «Во второй год Хозроя, царя царей, в начале армянского летосчисления, перенесли престол патриарший из города Чога в столицу Партав, по случаю хищнических набегов врагов креста Господня»⁹⁶.

Вопрос о нахождении в Дербенте престола главы албанской церкви остается пока в исторической науке спорным,

М. И. Артамонов считал, что несмотря на несомненное значение Дербента как одного из важнейших центров по распространению христианства на Восточном и Северном Кавказе престол патриарха вряд ли находился здесь. Он полагал, что в городе была епископальная кафедра, возникшая при Ваче II, а данные о существовании в Дербенте престола главы албанской церкви он объяснял народной молвой, возникшей в связи с обоснованием здесь после 461 г. албанского царя Ваче II и близостью Ватнианского поля, где мученически погиб от рук мазкутов просветитель Албании Григорис.

Однако при решении вопроса о нахождении в Дербенте резиденции главы христианской церкви Кавказской Албании надо учитывать, что письменные источники в связи с большими строительными работами, проводившимися в городе арабским полководцем Масламой в начале VIII в., сообщают, что он «не разрушил восточного патриаршего дворца, который еще и до сих пор существует в нем»⁹⁷.

В. В. Бартольд даже считал, что патриарх вернулся в Дербент после стабилизации положения при арабах. Распространение христианства в районе Дербента он относит ко временам сасанидского царя Ездигерда I (399—429 гг.) и византийского императора Феодосия (408—450 гг.).

По сведениям армянских раннесредневековых авторов епископ Григориос насаждал христианство в этих районах еще в первой половине IV в. и погиб от рук варваров на Ватнианской равнине недалеко от Дербента, привязанный к хвостам диких лошадей.

С широким распространением в Дербенте христианства надо связывать сообщения о существовании здесь христианского храма, основанного в Дербенте, по данным армянских средневековых авторов, Григорием, младшим внуком правителя Армении. М. И. Артамонов отождествляет с этим храмом здание Джума-мечети, приспособленной, по его мнению, арабами под мечеть лишь позднее, в первой половине VIII в.

Джума-мечеть, расположенная в древнейшей, верхней части города, является одним из самых интересных памятников Дербента и, пожалуй, самым крупным древним зданием его. В архитектурный ансамбль Джума-мечети входит главная соборная мечеть, медресе и жилые постройки для мусульманских священнослужителей. Древней-

шим и наиболее интересным сооружением комплекса является здание соборной мечети (медресе было основано позднее, в начале XV в.). Это внушительное прямоугольное в плане сооружение, имеющее размеры с запада на восток 68 м, с севера на юг 28 м, наибольшая высота от пола до купола около 17 м.

Здание мечети разделено на три нефа (один центральный шириной 6,3 м и два боковых по 4 м) с квадратными колоннами, завершающимися профилированными капителями и перекинутыми между ними стрельчатыми арками. Отдельные секции боковых нефов перекрыты полуциркульными арками, а среднего нефа — зеркальными сводами.

Несколько выпадает из общего плана мечети большой квадратный зал, пристроенный с южной продольной стороны и доходящий своей северной гранью до среднего нефа мечети, а южной значительно выступая за наружную грань ее южной стены. Этот зал перекрыт куполом диаметром около 9 м. В северной стене мечети имеются четыре входа. Основание и большая часть стен здания сложены из камня, аналогичного тому, который использован при сооружении сасанидских стен Дербента, а отдельные пристройки, своды над нефами, арки и купол устроены из квадратного жженого кирпича размером 27—29×27—29×4,5—5,5; 20—24×20—24×4,5 см.

Планировка мечети, весьма напоминающая христианские базилики (особенно сирийские), и наличие в ее стенах кладки, типичной для Дербента сасанидского времени, позволили М. И. Артамонову отождествлять это сооружение с христианским раннесредневековым храмом города. Однако исследовавший здание мечети С. О. Хан-Магомедов считал, что это сооружение было возведено арабами в первой половине VIII в. и сразу предназначалось под мечеть, а огромное сходство здания с христианскими базиликами объясняется подражанием ранних мусульманских мечетей на Востоке мечетям Сирии, перестраивавшимся на первом этапе распространения ислама из христианских храмов. «По своей объемно-пространственной композиции Джума-мечеть напоминает ранние христианские базилики, но, как это ни странно, не кавказские, а сирийские. Как это могло случиться?... В начальный период распространения ислама первые мечети перестраивались из христианских храмов, Джум-мечеть оказалась, вероятно, в их числе»⁹⁸.

Окончательный ответ на эту одну из интереснейших загадок древней истории города смогут, вероятно, дать только широкие раскопки на территории Джума-мечети и обследование наиболее древних подземных частей ее стен, но несомненно главное, что существование в Дербенте подобного культового памятника, не имеющего себе равных на Кавказе, убедительно характеризует его как крупнейший идеологический центр.

Не исключена возможность, что довольно странная планировка центральной части Джума-мечети с квадратным залом, несколько выпадающим из общей композиции здания, связана с существованием здесь более раннего квадратного храма, к которому потом было пристроено прямоугольное трехнефное сооружение. Это предположение открывает совершенно новые аспекты в истории Джума-мечети и всего раннесредневекового Дербента.

Не меньший интерес в связи с вопросами распространения христианства в Дербенте представляет еще один архитектурный памятник города, расположенный в цитадели. Это большое крестообразное сооружение, находящееся в северо-западной части цитадели на расстоянии около 15 м от ее стены.

В историческую литературу этот памятник вошел как «огромная цистерна, вырубленная в скале»⁹⁹. И действительно, в позднесредневековое время здесь хранили воду, но первоначальное назначение этого сооружения, по нашему мнению, было другое. В плане сооружение представляет собой правильный крест, стороны которого имеют внутрискрестную ширину 4,7 м. Внутренняя длина трех сторон креста 4,2 м (без учета центральной части сооружения), а четвертая, западная сторона имеет длину 5,6 м. Центральная часть сооружения перекрыта куполом диаметром 5,0 м, перестроенным, видимо, в позднесредневековый период, высота от пола до верха купола около 10 м.

Квадратное пространство в центральной части креста, перекрытое куполом, имеет стороны, равные 5 м (т. е. на 1 м больше, чем ширина торцовых сторон креста), и как бы врезано на 0,5 м с каждой стороны внутрь стен сооружения, что придает его центральной части усложненную конфигурацию.

Общая длина памятника с запада на восток 15 м, с севера на юг 13 м, причем следует отметить, что стороны креста ориентированы по странам света.

Обследования этой предполагаемой цистерны показав-

ли, что она не вырублена в скале, как считалось раньше, а сложена из крупных, хорошо отесанных камней на известковом растворе. Культурный слой здесь достигает 8—9 м, т. е. в раннесредневековый период почти все сооружение находилось на поверхности. Позднейшие перестройки и использование этого сооружения в позднесредневековое время в качестве водохранилища оказались решающими при рассмотрении вопроса о назначении памятника, однако из поля зрения исследователей выпали необычная его планировка, строгая ориентация и монументальность. Большую роль здесь, видимо, сыграл и тот факт, что в настоящее время почти все сооружение находится ниже уровня современной дневной поверхности. Но при исследовании планировки здания сразу бросается в глаза ее полное сходство с раннесредневековыми церквями Кавказа, Италии и ряда других областей. Так, церкви аналогичной планировки известны в V—VII вв. в Армении и Азербайджане. Полное сходство с планировкой данного крестообразного сооружения имеет мавзолей V в. в Равенне, а также целый ряд других раннехристианских церквей. Крестообразная планировка церквей вообще характерна для раннесредневекового Кавказа и особенно типична для VII в. Это позволяет по-новому взглянуть на назначение «крестообразной цистерны» цитадели. Планировка сооружения, его строгая ориентация, типичная для христианских культовых памятников, нахождение почти всего здания в раннесредневековое время на поверхности позволяет утверждать, что это, вероятно, раннесредневековая церковь Дербента. В пользу подобного мнения говорит и тот факт, что из пяти известных сейчас водохранилищ города ни одно не имеет столь необычной планировки. Не известны водохранилища подобной планировки и в других местах. Любопытно, что это сооружение еще не отмечено на планах начала XVIII в., но имеется на плане 1810 г., что позволяет предполагать использование его в качестве водохранилища лишь с XVIII в. М. И. Артамонов в свое время правильно определил это сооружение как древнейшее среди архитектурных памятников цитадели Дербента, хотя и ошибался в его назначении.

Христианство в Дербенте имело большое распространение с древнейших времен и до позднего средневековья, о чем свидетельствуют многочисленные сообщения письменных источников,

Представляется вероятным, что два описанных монументальных памятника, связанных, по нашему мнению, с христианскими древностями Дербента, являются ярким показателем широкого распространения здесь христианства и рисуют Дербент одним из крупнейших его центров, где, видимо, действительно мог находиться патриарх Кавказской Албании.

В. В. Бартольд отмечал в связи с распространением христианства в Дербенте, что оно одержало победу в пограничных областях Персии, и арабы, захватившие эти районы, «упоминают о христианстве как о религии местного населения, а о последователях зороастризма не упоминается»¹⁰⁰. К этому можно добавить, что персы, а позднее арабы широко привлекали христиан Закавказья для охраны Дербента и, по сообщению раннесредневекового армянского автора Егише, в первой половине V в. армянские князья вместе с персами «охраняли от гуннов северные врата Дербентские», а Гевонд в VIII в. писал, что арабы собрали дружины армянских нахараров «в стране албанской, у ворот Каспийских — у города, называемого Дербентом».

Арабское завоевание Дербента нанесло сильный удар по позициям христианства здесь, и со второй половины VIII в. город превращается в крупнейший центр распространения ислама на Кавказе, в оплот «борьбы за веру».

Арабы в VII в. застают Дербент не просто сильной военной крепостью, но и значительным раннесредневековым городом с развитым ремеслом и торговлей, с четким делением на две части, отражавшим административную и социальную структуру.

Глава IV

БАБ АЛ-АБВАБ

Арабское завоевание

В первой половине VII в. на Аравийском полуострове произошли события, оказавшие огромное влияние на исторические судьбы народов Переднего Востока, Средней Азии, Средиземноморья и Кавказа. Здесь завершился сложный процесс объединения отдельных скотоводческих

племен и мелких княжеств в единое государство с сильной централизованной властью и новой монотеистической религией.

Ислам, сплотивший вечно враждующие, воинственные племена арабов-кочевников, способствовал не только быстрому сложению единого централизованного государства, но и широкой военной экспансии его, начавшейся сразу вслед за объединением. Сплоченные новой религией, закаленные в боях, прекрасно вооруженные и полные религиозного фанатизма арабы под предводительством своих талантливых полководцев начали победоносные войны за господство на Переднем Востоке. В 636 г. арабы вторглись на иранские территории и нанесли ряд сокрушительных поражений огромной, но плохо организованной и управляемой сасанидской армии. Раздираемый внутренними противоречиями, ослабленный эпидемиями, разрухой, неудачными войнами с Византией, сасанидский Иран не смог оказать сопротивление арабам, и вскоре огромная держава пала (642 г.), а последний правитель могущественной династии Сасанидов без войска и телохранителей, в окружении придворных, жен, музыкантов и наложниц бежал на восток, где и был убит, по сообщению источников, в окрестностях Мерва, мельпиком, польстившимся на богатые одежды царя (651 г.). Началась эпоха арабских завоеваний на Кавказе и новый этап истории Дербента.

Первый поход арабов к Дербенту Баладзори, Якуби и «Дербент-наме» относят ко времени правления халифа Османа (644—656 гг.) и связывают его с именем Салмана ибн Раби'а, павшего затем «с четырьмя тысячами мусульман» в битве с хазарами у ворот Кирхляр. Однако ат-Табари сообщает о более раннем походе арабов к Дербенту в 22 г. х. (642/3 г.) при халифе Омаре под руководством Сурака ибн Амра. Вместе с ним в Дербент отправился Абд ар-Рахман (брат Салмана), который и погиб, по ат-Табари, у ворот Кирхляр, а сам Салман в 33 г. х. (654/5 г.) стал наместником Дербента.

Несмотря на разгром Сасанидской державы, арабы застают Дербент хорошо укрепленным городом, комендант которого по имени Шахрияр или Шахр-Бараз (он был родственник своего знаменитого тезки, завоевавшего в 614 г. Иерусалим и в течение нескольких месяцев занимавшего сасанидский престол), правивший от имени последнего сасанидского царя Ездигерда III, «заключил

с арабами мир, но джизию платить не хотел». Подчеркивая особое положение города и его стратегическое значение, он довольно независимо вел переговоры с арабами, сообщив им: «Я нахожусь между двух врагов. Одни из них хазары, другие русы... Кроме жителей этих местностей, нет других, кто [умел бы] воевать с ними. Вместо джизии мы будем воевать»¹.

Это сообщение, вероятно, отвечало действительности, и арабы, завоевывая Закавказье, сразу стали интересоваться проходами, придавая им огромное значение и освобождая жившее здесь население от налогов, налагывая на них обязательство охранять проходы от кочевников. Вероятно, первоначально арабы ограничились подобными мерами охраны Дербентского прохода, не сумев или посчитав нецелесообразным поставить в Дербенте свой гарнизон. Итоги подобной политики, видимо, оказались малоэффективны, и в 24 г. х. (644/5 г.) был принят новый поход к Дербенту. По сообщению ат-Табари, «в дни Муавия [оставались] неверующими [или отошли от религии] жители Арминийи, и Муавия приказал Хабибу ибн Маслама идти на ал-Баб»². Однако широкие военные действия против Византии и войны в Средней Азии и Северной Африке заставили арабов на время приостановить экспансию на Восточном Кавказе, и военачальники, возглавлявшие походы в Дербент, фигурируют в источниках во главе сирийских и куфийских отрядов в Византии. Несмотря на определенные трудности на Восточном Кавказе, арабы смогли в этот период сохранить за собой Дербент и с целью укрепления своих ослабевших здесь позиций отправили в 30 г. х. (650/1 г.) «в поход на ал-Баб в помощь Абд ар-Рахману ибн Раби'я» Хузейфа, освобожденного от похода на Рей, и Саид ибн ал-Асса, завоевателя Табаристана³.

А когда арабы в 32 г. х. (652/3 г.) двинулись в Хазарию, то правителем Дербента был все тот же Абд ар-Рахман ибн Раби'я и сам Баб ал-абваб воспринимался арабами как опорный пункт в их дальнейшей экспансии на север.

Во второй половине VII в. Дербент неоднократно переходит то к хазарам, то к арабам. Сведения письменных источников дают основания считать, что арабы потеряли Дербент после убийства Османа (656 г.), но смогли им овладеть в правление халифа Муавия (661—680 гг.). Наличием в Дербенте арабского гарнизона,

вероятно, объясняется маршрут епископа Исраиля к гуннскому правителю Алп-Илитверу в обход города, по значительно более длинному пути. Однако, как сообщает Мойсей Каганкатвацци, уже в 146 г. армянской эры (698 г.) брат халифа Мухаммед ибн Мерван «поспешно по стране агванцев вступил в Чога» (Дербент), т. е. арабы к этому времени уже не владели городом. Как долго здесь находился арабский гарнизон, источники не сообщают, но в начале VIII в. правители города меняются почти ежегодно. В 706/7 г. арабский полководец Маслама овладел Дербентом, а в 710/711 г. город вновь захватили хазары, затем в 713/4 г. он снова переходит в руки Масламы, но, не имея возможности защищать город, он разрушает стены и покидает его. Затем Дербент в 717/718 г. покоряет Амру ибн-Рабия, а в 721/2 г. его неожиданно без боя захватывает арабский отряд во главе с Джаррахом, проделавший за ночь путь от р. Рубас до Дербента.

Однако окончательно арабы укрепились в Дербенте при Масламе бен Абд ал-Мелике, который в 115 г. х. (733/4 г.) «вторично выстроил Дербент во имя таджиков» (арабов)⁴.

Арабские завоевания Дербента, включавшие в себя несколько этапов, появление здесь новой политической силы и нового этнического элемента не могли не оказать существенного влияния на жизнь города и его развитие. Хотя завоеватели-кочевники, сохранявшие еще в значительной степени родо-племенные отношения, не могли внести существенных изменений в уже сложившуюся социально-экономическую структуру раннефеодального города (менялся лишь состав отдельных слоев общества), но включение Дербента в торгово-экономическую и политическую сферу деятельности Арабского халифата, в состав которого входили столь высокоразвитые области Переднего Востока, как Иран, Сирия, Египет, Ирак, оказало огромное влияние на его развитие.

Несмотря на то что Дербент в течение длительного периода служил ареной ожесточенных арабо-хазарских войн, он избежал судьбы многих городов Кавказа и Средней Азии, подвергавшихся многократным разграблениям, пожарам, штурмам, разрушениям и массовому угону в рабство или истреблению их населения. Если для большинства раннесредневековых городов Прикаспийского Дагестана арабские завоевания, как показали археологические раскопки, имели катастрофические последствия и

жизнь на них больше не возрождалась, то для Дербента в результате этих завоеваний сложились другие условия. Арабы превратили его в крупнейший опорный пункт халифата на Кавказе, в свой важнейший политический и идеологический центр.

При Масламе здесь проводятся большие строительные работы. «И построил [Маслама] [в городе] амбар для провизии, амбар для ячменя и склад для оружия; он приказал вычистить цистерну [городскую], исправил разрушенные места в городе и украсил его»⁶.

По сообщению Баладзори, Маслама переселил в Дербент 24 тыс. солдат из Сирии, которые, согласно Балами, происходили из Дамаска, Химса, Куфы и ал-Джезиры; поэтому город был разделен на четыре части — кварталы (арабск. кисм) и в каждом из них была построена мечеть. Кроме того, была сооружена большая соборная мечеть. Переселение такого большого количества людей в Дербент сильно увеличило его население, тем более что у многих солдат имелись семьи. Мы не имеем конкретных данных о том, как расселились арабы в Дербенте, но в отличие от Бухары и Самарканда, где на первом этапе завоеватели, по сообщению Наршахи, расселились по всему шахрестану для контроля за жителями этих городов⁶, в Дербенте арабы сразу заняли отдельные кварталы, вероятно в верхней, наиболее обжитой и стратегически важной части города.

Здесь, видимо, имел значение тот фактор, что население Дербента, согласно ат-Табари, сразу же выступило союзником арабов против хазар, а большинство городов Средней Азии было взято арабами штурмом и отношения победителей и побежденных были весьма натянутыми.

Такое расселение арабов, из числа которых складывалась новая феодальная верхушка города, оказало позднее влияние на формирование внутренней структуры средневекового города.

На первом этапе после арабского завоевания, во второй половине VII — первой половине VIII в., Дербент предстает в основном как крупный военный центр арабов на Кавказе, важный пограничный город.

Сюда стекаются налоги и военная добыча со всего Дагестана (так, правитель Серира обязан был поставлять в хранилища Дербента ежегодно 100 тыс. мер зерна, Хамзина — 30 тыс., Лакза — 20 тыс. и т. д.), здесь подготавливаются новые походы в земли «неверных». Прави-

телями Дербента назначаются наиболее известные и прославленные полководцы Омайядского халифата. Фортификация города и Горная стена поддерживаются в образцовом порядке. Арабские халифы не жалеют на это средств, а в тех случаях, когда их в казне не хватало, изыскивали другими путями. Так, Якуби сообщает, что халиф Мансур (первый халиф из династии Аббасидов), наученный горьким опытом, собрал по тюрьмам 7 тыс. пленных и послал их укреплять Баб ал-абваб¹.

Кладка стен города арабского периода мало отличается от кладки сасанидского времени. Здесь в основном сохраняются те же стандартные размеры облицовочных блоков и прежние конструктивные приемы возведения стен, но в отличие от сасанидских оборонительных сооружений в кладках более поздних перестроек и ремонтов плиты имеют более строгую геометрическую форму и четкую горизонтальность рядов. Довольно часто в кладке стен встречаются сильно вытянутые узкие плиты типа бруска, которые перекрывают более высокие прямоугольные блоки. Однако коренных изменений в приемах возведения и конструктивных особенностях в фортификационном строительстве Дербента в этот период не отмечается.

Какое значение придавали арабы Дербенту, отчетливо видно из самого названия, данного ими городу — Баб ал-абваб, т. е. «Ворота ворот».

В огромном халифате, превосходившем по размерам Римскую империю, было много «ворот» (ал-Бабов), но важнейшими, главными воротами государства являлся Дербент, и не случайно правители этого далекого пограничного города порою отправлялись отсюда прямо на халифский престол.

Но обстановка в этот период здесь была очень сложной и Йакут так описывает жизнь защитников Дербента: «Пусть всякий, кто спросит известий обо мне, знает, что поистине я нахожусь в стране, откуда покой убежал... Мы отражаем их орды далеко от наших имений и мы истребляем их в последнюю ночь луны»². Однако, несмотря на столь тревожную обстановку население Дербента быстро растет. Сюда стекаются ремесленники, находящие широкий спрос своей продукции, торговцы, обогащающиеся в атмосфере пограничного города, где оседает большая часть огромной военной добычи, любители легкой наживы и авантюристы, стремящиеся обогатиться за счет грабежа в бесконечных походах «за веру».

Особенно быстро стал расти город со второй половины VIII в., когда между арабами и хазарами устанавливается определенное равновесие, лишь эпизодически нарушаемое военными столкновениями. В это время ни одна из противоборствующих сторон не ставила уже перед собой столь обширных планов завоеваний, как в первой половине VIII в., что создало условия для широкого развития международной торговли по Прикаспийскому пути, способствовавшей дальнейшему росту и процветанию Дербента и превращению его в крупнейший на Кавказе торгово-ремесленный центр, развитый феодальный город.

Торгово-ремесленный центр

В VI—VIII вв. наметился значительный прогресс в развитии прикаспийской торговли, и роль известной караванной трассы древнего мира, связывающей страны Переднего Востока с Юго-Восточной Европой, сильно возросла.

Со второй половины VIII в. начался расцвет «арабской» торговли в Прикаспии, куда сместились важнейшие трассы мировой торговли, и Прикаспийский путь стал в этот период столь же знаменит, как «шелковый».

В VIII—X вв. Дербент предстает как один из наиболее значительных торговых центров на Переднем Востоке. Сюда доставляются товары из всех областей Прикаспия и многих других мусульманских и немусульманских государств.

Все сырье и предметы экспорта Дагестана, Северного Кавказа и Прикаспия идут через Дербент. Город служит главным посредником в торговле между Востоком и Хазарией, Древней Русью, северными странами. Важнейшей статьей торговли являются знаменитые северные меха, идущие вниз по Волге, и рабы «из стран неверных». Сюда, по сведениям ат-Табари, прибывают купцы «из Джурджана, Табаристана, Дейлема» и Дербент служит своего рода складским местом для товаров из Хазарии, Серира, Зирихгерана, Амика, Хайзана, Руклана и других мест⁹.

Одним из важнейших показателей обширных торговых связей Дербента является описание торговой трассы от Бердаа до Баб ал-абваба и дальше на Семендер и Итиль, с точной фиксацией переходов в днях и фарсах, что служит ярким свидетельством регулярного и интенсивного движения по ней. Дербентские купцы, по данным

Масуди, имели налаженные связи с причерноморскими степями, где вели не только торговую деятельность, но и антивизантийскую пропаганду¹⁰.

Важнейшими статьями экспорта Дербента были льняное полотно, полотняные одежды, марена, шафран. Дербентское полотно славилось по всему средневековому Востоку, а марену вывозили вплоть до Индии. О том, что из Дербента в большом количестве «вывозят льняные одежды», писали ал-Истахри, Ибн Хаукал, Йакут и другие арабские авторы, но наиболее яркое представление о том, насколько обширны были эти торговые связи, дает сообщение автора X в. Балами, писавшего, что «на этих путях расположен город, самый крупный из аббабов, называемый Баб 'ал-аббабом... В этом городе производят ткани, называемые «масхури», которые вывозят в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан»¹¹.

В этот период Дербент был крупнейшим портом на Каспийском море. Он обладал прекрасной гаванью внушительных размеров, устроенной между вдававшимися в море стенами города. Размеры гавани, образованной морскими стенами Дербента, оценивались арабскими авторами весьма разноречиво. Но если даже принимать во внимание лишь самую минимальную длину морских стен города (ал-Истахри — 6 башен, т. е. около 450—500 м; Хилаль ас-Сабн — 600 локтей, т. е. около 400—450 м), то площадь гавани достигала 25 га. По сведениям же других арабских авторов, она была в несколько раз больше (Баладзори, Кудаман, Ибн Руста — около 300 га, Масуди — около 100 га; Хамдаллах Казвини — около 50 га).

Все арабские авторы, писавшие о Дербенте этого времени, отмечают, что гавань была хорошо укреплена и вход в нее строго контролировался. Ал-Истахри так описал дербентский порт: «Баб ал-аббаб — приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов. Между этой стоянкой и морем, по обе стороны моря, построены две стены, так что вход для судов узок и труден»...¹² Ибн Хаукал отмечал, что цепь, которой закрывались ворота гавани, была заперта на замок, ключ от которого находился у того, кто наблюдал за морем, и «судно входит (в гавань) только с разрешения владельца замка»¹³, т. е. эмира Дербента. В персидском же варианте текста ал-Истахри суда заходят в гавань по разрешению жителей города, что придает сообщению другой социальный оттенок,

Более поздним переосмыслением известных данных является, видимо, и сообщение Абу Гасана эл-Джурджани (1476 г.), который писал, что «стены тем ближе сходятся, чем дальше входят в море, так что проход между ними ничтожен»¹⁴. Сходные данные сообщает и Абу-л-Фида (ум. в 1334 г.), который говорит об уходящих в море насыпных земляных косах, двух плотинах и стене, охранявшей подход к ним.

Наличием надежных укреплений дербентской гавани объясняет В. В. Бартольд то обстоятельство, что Дербент не был затронут грабительскими походами русов в X в.

В этот период значение Дербента как крупнейшего порта на Каспии огромно и он является «окном» на Восток не только для местных дербентских купцов, но и для Хазария, Серира, Хайзана, Руклана, Зирихгерана, Амика. Ал-Истахри так описал значение Дербента как центра международной морской торговли: «Это — порт на Хазарском море [для] Серира и других стран неверных. Это также порт и для Джурджана, Табаристана и Дейлема»¹⁵. А Ибн Хаукал добавляет, что «в трех последних встречаются хлопчатобумажные одежды, которые вывозят через этот порт»¹⁶.

Не случайно арабские географы и историки IX—X вв. определяли ширину Каспийского моря по дням пути «от Табаристана до Баб ал-абваба», т. е. по наиболее известной в средние века морской торговой трассе.

Археологические исследования, проводимые в последние годы в Дербенте, не только позволили существенно дополнить сведения письменных источников, но и пролили свет на совершенно новые стороны торговых связей города в средневековое время. Многочисленная импортная посуда, тончайшие стеклянные чаши, флаконы, сосуды для благовоний, витые и гладкие, монохромные и полихромные стеклянные браслеты и кольца, многочисленные импортные предметы украшения из пасты, металла и кости, перстни, подвески и бусы из ценных камней, изделия из фаянса и фарфора, обнаруженные в культурных слоях Дербента VIII—X вв., служат прекрасной иллюстрацией его обширной торговой деятельности и роста роли города как крупнейшего торгового центра Кавказа.

Даже краткое перечисление раскопанных в Дербенте импортных изделий наглядно показывает, сколь широка была география его торговых и культурных контактов.

Здесь можно увидеть и прекрасные поливные чаши с пышной росписью из крупнейших ближневосточных центров, таких как Самарра, Рей, Багдад, и предметы украшения из египетской пасты, и ювелирные изделия из сердолика, агата, византийского стекла, и высокохудожественные поделки из слоновой кости. В большом количестве встречаются изделия из тончайшего сирийского стекла, прекрасная фаянсовая и фарфоровая китайская посуда. Особо выделяется белофаянсовый сосуд, покрытый очень высококачественной глазурью прекрасного золотисто-кремового тона, с мельчайшими трещинками, напоминающими то кожицу персика, то треснутый лед, то тончайшую паутину. Через эти трещинки в черепок проникли грязь и жировые составы, окрасившие изделие в рыжевато-бурые оттенки, придававшие сосуду выразительность и красочность, весьма похожую на натуральные разводы камня и древесины. Подобный способ орнаментации изделий, известный под названием «цека» или «краклэ», был разработан в средневековом Китае, и такая посуда необыкновенно теплых, прекрасных золотисто-рыжих тонов, с кажущейся патиной древности столь высоко ценилась на Востоке, что уже в средневековье побудила фальсификаторов подражать цеку. Дербентский сосуд, орнаментированный цеком, пока единственный известный нам экземпляр подобной посуды в музейных коллекциях нашей страны.

Однако несмотря на довольно значительное число находок импортных предметов они составляют лишь небольшой процент среди огромного количества керамической посуды, изделий из стекла и металла, украшений и других поделок, обнаруженных в слоях Дербента этого периода. Это служит ярким показателем того, что в VIII—X вв. Дербент являлся не только важнейшим торговым городом, но и крупным ремесленным центром. По данным письменных источников, в X в. Дербент выступает как один из наиболее значительных на Кавказе центров ткацкого производства, специализировавшийся на выпуске льняного полотна и полотняной одежды, высоко ценимых на Кавказе и Переднем Востоке. Ал-Истахри сообщал в это время, что на всем Кавказе лишь Дербент производил льняное полотно: «Из Баб ал-абваб вывозят полотняные одежды, и нет нигде таких одежд, кроме как здесь — ни в Арране, ни в Армении, ни в Азербайджане»¹⁷. О вывозе льняного полотна и полотняной одежды

из Дербента писали Ибн Хаукал и Идриси, а Йакут объяснял наличие специализированного производства льняных тканей в Дербенте тем, что лен произрастал только в окрестностях города и больше нигде на Кавказе. По данным Балами, «в этом городе производят ткани, называемые масхури», и «ткут паласы».

Раскопки показали, что наряду с ткачеством в Дербенте получили широкое развитие керамическое производство, стеклоделие, металлообработка, резьба по камню и кости, ювелирное дело.

По результатам археологических исследований, Дербент в VIII—X вв. предстает как крупный и своеобразный очаг керамического производства на Кавказе. В этот период в городе был налажен широкий выпуск самой разнообразной посуды кухонного, хозяйственного и столового назначения. Здесь производили большемерные, массивные тарные сосуды и миниатюрные котлы, изящные светильники и кровельную черепицу, затейливые детские игрушки и трубы водоводов, строительные кирпичи, тончайшую посуду и предметы украшения. Продолжала совершенствоваться технология изготовления посуды, повышалось ее качество, более разнообразными становились приемы орнаментации изделий, дальнейшее развитие получили и конструкции обжигательных печей.

Однако здесь не наблюдается того резкого скачка в керамическом производстве, которым был отмечен предшествовавший, сасанидский период. В основных чертах в этом виде ремесла сохраняются существовавшие традиции производства керамики, поднятые лишь на качественно более высокую ступень. Преемственность форм и отдельных видов орнаментации посуды отмечена в керамике самого различного назначения: в кухонной, тарной, столовой. Почти вся она, за исключением отдельных видов кухонной посуды, красноглиняная, сделана на быстро вращающемся круге и хорошо обожжена. Столовая посуда отличается особо высоким качеством теста и разнообразием форм. Наиболее заметна преемственность форм в кухонной посуде и светильниках, которые мало отличаются по внешнему виду от аналогичной керамики сасанидского времени, но имеют тесто несколько другого качества.

Однако в это время наряду с уже известной красноглиняной посудой в Дербенте получает развитие новый вид керамических изделий, качественно отличающийся от

изделий сасанидского периода. Это поливная керамика, которая благодаря своим замечательным художественным достоинствам и водонепроницаемости получает очень широкое развитие в Дербенте, как и на всем средневековом Востоке, и вскоре становится основным видом столовой посуды.

Со второй половины VIII в. город стал крупным центром производства поливной керамики, не выпускаемой в это время ни на Восточном, ни на Северном Кавказе, и одним из наиболее ранних очагов ее изготовления в нашей стране, оставаясь в то же время крайним пределом распространения производства глазурованной посуды в домонгольский период на север. Прекрасное качество поливы, разнообразные приемы орнаментации, изготовление полихромных изделий с богатой цветовой гаммой, широкое применение штампа и сплошной гравировки, высокое качество теста и обжига керамики служат ярким показателем высокого уровня развития керамического производства. Об уровне мастерства дербентских керамистов свидетельствуют и находки фрагментов скульптурных изображений, покрытых прекрасной глазурью.

В большом количестве в культурных наслоениях Дербента VIII—X вв. встречаются изделия из стекла. Это и тонкостенные чаши, флаконы, стаканы и массивные бутылки и сосуды. Особый вид стеклянных изделий представляют многочисленные украшения: бусы, кольца, перстни, браслеты. Другим видом стеклоделательного производства являлось оконное стекло, изготовлявшееся в виде дисков диаметром 24—32 см.

Обнаруженные в Дербенте стеклоделательные печи, многочисленные шлаки, бракованные изделия и массовые находки предметов из стекла в слоях средневекового Дербента не оставляют сомнений в высоком уровне развития в городе этого вида производства. Широкому развитию стеклоделательного промысла в Дербенте способствовало наличие в окрестностях города больших запасов песка, пригодного для изготовления стекла.

Многочисленны поделки из металла: предметы вооружения (фрагменты сабель и мечей, ножи, обрывки кольчуги, наконечники стрел и копий), разнообразный инвентарь (гвозди, скобы, замки, петли, крюки, ключи, подковы, кольца и т. д.) и орудия труда (серпы, ножи, молотки, топоры, долота, сошники, фрагменты мастерков и другие предметы). Находки металлических шлаков,

остатков горнов, керамических сопельных трубок, тиглей, литейных форм и криц дают основание говорить о широком развитии в городе металлообрабатывающего промысла.

Из орудий труда, связанных с металлообработкой, при раскопках в городе были найдены наковальня, фрагмент кузнечных щипцов, молотки, напильники, пробойники. Дербентские ремесленники владели всеми основными приемами обработки металла: литьем, ковкой, пайкой, клепкой, волочением, резкой и др.

Наличие в коллекциях музеев большого количества высокохудожественных образцов металлических изделий из Дагестана, относящихся к раннесредневековому, и средневековому периодам (коллекция дагестанских произведений торевтики — самая значительная в эрмитажном собрании художественного металла Востока), дает основание считать, что этот вид промысла в самом крупном и развитом феодальном городе Дагестана достиг высокого уровня.

Специализированным видом городского ремесла, вероятно, была резьба по алебастровой штукатурке. В Дербенте, впервые на Северном и Восточном Кавказе, резной штук (особый вид орнаментации поверхности стен помещения, когда резьба наносилась по еще не высохшей алебастровой или гипсовой штукатурке; этот прием орнаментации поверхности стен требует от исполнителя высокого мастерства и большого профессионализма) был обнаружен на бытовом памятнике. До этого он был известен лишь на нескольких мечетях Дагестана. Исследовавший штукую резьбу дагестанских мечетей (Калакорейш, Дербент, Каракюре) П. М. Дибиров пришел к выводу, что подобные высокохудожественные работы могли выполнять в горных районах Дагестана специальные бригады ремесленников-профессионалов, приглашенные местным феодальным правителем, вероятно, из Дербента. Богатство и разнообразие орнаментации дербентского штука, чистота исполнения и глубокая, четкая резьба говорят о высоком профессиональном мастерстве ремесленников Дербента, создавших замечательные памятники этого вида декоративно-прикладного искусства. Обнаружение в Дербенте высокохудожественных образцов штуковой резьбы, близких по орнаментальным мотивам и технике исполнения лучшим подобным произведениям искусства Азербайджана, Средней Азии и Ближнего Востока, прекрасно ил-

люстрирует высокий уровень развития ремесла в городе и степень его профессионализма.

Особый вид ремесла в Дербенте представляла обработка камня, достигшая в этот период очень высокого уровня. Фортификационные сооружения города, общественные и культовые здания, дома феодальной знати возводились в это время из тщательно отесанного камня. Резьба по камню широко применялась при оформлении фасадов домов, входных проемов, многочисленных ворот города. При раскопках обнаружено большое количество резных архитектурных деталей из камня и каменных поделок. Это многочисленные резные карнизы, консоли, замковые камни, разнообразные базы колонн, капители и выдолбленные ступы, емкости, корыта, пяточные камни, желоба и водосливы. Порой из камня целиком вытесывались опорные столбы и колонны. В большом количестве встречаются резные камни со строительными и благопожелательными надписями и полы из тщательно отесанных плит. Из камня делались желоба водоводов, соединяемые между собой при помощи шипов в торцах желобов.

Арабские историки и географы IX—X вв. отмечают замечательные скульптурные изображения, украшавшие различные общественные сооружения города. Так, Якуби, Ибн ал-Факих и Иакут сообщают о том, что на Воротах войны (Баб ал-Джихад, в настоящее время Кирхляр-капы) имелись высеченные из камня изображения льва, а ниже его — льва и львицы. Эти изображения львов, описанные еще автором IX в., существуют на воротах и сейчас. Помимо изображений львов на воротах, письменные источники сообщают о скульптуре человека с лисцей у ног, державшей в пасти кисть винограда, и о львах, украшавших лестницу водохранилища. Высокая техника резьбы по камню отчетливо прослеживается и в оформлении многочисленных сундукообразных надгробий на кладбищах города этой поры.

По мнению специалистов, резьба по камню в Дагестане находится «в глубокой связи с художественными традициями не только соседних областей Кавказа, но и Средиземноморья»¹⁸.

Значительное развитие получили в VIII—X вв. ювелирный промысел и обработка кости. В слоях Дербента этого времени в большом количестве встречаются подвески, кольца, перстни с ценными камнями, бляшки, па-

кладки, браслеты, пряжки и зеркала из серебра и бронзы.

Резные костяные изделия представлены в находках Дербента этого времени в основном богато орнаментированными рукоятками ножей и кинжалов, костяными пуговицами, бусинами, пластинами и рядом предметов непонятного назначения. Нередки находки оленьих рогов и клыков кабанов, использовавшихся в качестве лошл. Найдки заготовок оленьих рогов свидетельствуют, что среди ремесленников города были и косторезы, но был ли этот промысел специализированной отраслью ремесла, судить трудно.

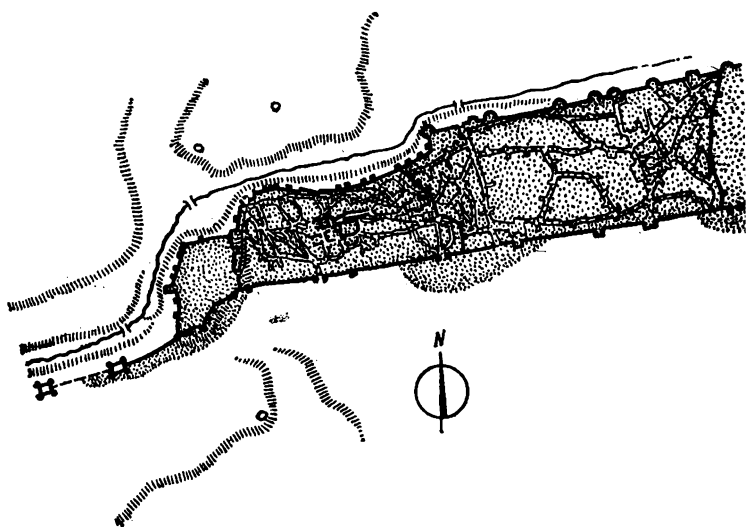
Таким образом, анализ письменных источников и данные археологических исследований красноречиво свидетельствуют, что в VIII—X вв. Дербент превратился в крупный ремесленный центр, в котором существовали и развивались все основные виды средневековых промыслов, присущие в это время развитым феодальным городам Переднего Востока, Средней Азии и Кавказа.

Крупнейший город Кавказа

Возросшее торговое значение Прикаспийского пути, небывалый расцвет морской торговли на Каспии и бурное развитие ремесленного производства оказали огромное влияние на рост и возвышение города. Дербент в VIII—X вв. — крупнейший экономический, административный и культурный центр Кавказа с высокоразвитым ремеслом и обширными торговыми связями.

Все это способствовало дальнейшему расцвету Дербента и превращению его в VIII—X вв. в крупный феодальный город. Ибн Хаукал писал, что в этот период «в Арране нет города, крупнее Барза'а, Ал-Баба и Тифлиса»¹⁹, а все остальные многочисленные города Кавказа уступают по величине Баб ал-абвабу, который «богаче Ардебиля своими возделываемыми землями»²⁰, и «больше Тифлиса»²¹. Таким образом, уже к X в. Дербент предстает как крупнейший город Кавказа, превосходящий такие известные центры, как Тифлис и Ардебиль — «самый крупный и превосходный город Азербайджана»²².

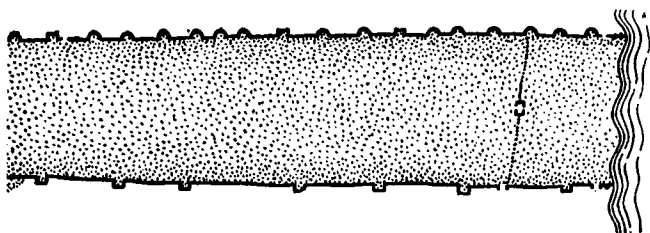
В VIII—X вв. происходил бурный рост города, сопровождавшийся в основном застройкой в пределах шахристана. В этот период полностью обживается вся внутренняя территория города площадью свыше 150 га.

План Дербента с указанием территории обживания города в средневековый период

Структура и историческая топография дагестанских городов пока еще слабо изучены, и исследования в Дербенте приобретают в этом свете особое значение. Археологические раскопки и данные письменных источников дают возможность проследить динамику развития феодального города и становление его облика, выявить структуру и характерные особенности средневекового Дербента. Академик В. В. Бартольд, исходя из сообщений арабского историка X в. ал-Истахри о том, что город в это время был больше Ардебилля и Тифлиса, полагал, что домонгольский Дербент имел очень большой рабад (пригород). По его мнению, в этот период каменные стены ограждали территорию шахристана, а другая часть города, лежащая вне этих стен (рабад), была окружена стенами «из обожженного кирпича и глины». Этот пригород, располагавшийся с южной стороны Дербента, «имел в длину и ширину две мили»²³ (арабская миля достигала 2 км).

Однако археологические исследования не подтвердили этих предположений В. В. Бартольда. Огромная пло-

щадь шахристана Дербента, позволявшая расти и развиваться городу внутри стен в течение длительного периода — с VIII по X в., обусловила своеобразие динамики формирования средневекового города. Дербент, имевший в ранпесредневековый период, как уже отмечалось выше, двухчастную структуру, сохранил ее внешне и на данном этапе своего развития несмотря на стремительный расцвет и возвышение. Отдельные участки обживаемой территории были отмечены на вершине дербентского холма с южной стороны Горной стены, т. е. под ее прикрытием. Они тянулись вверх по склону отрога Джалганского хребта, в направлении ближайшего поселения арабских переселенцев, охранявших здесь форты Горной стены. Но ни по своему положению, ни по площади и структуре эти обживаемые участки не являлись рабадом Дербента. Город занимал только межстенную территорию.

Плотность застройки шахристана Дербента в это время была очень велика и следы интенсивного обживания отмечены при раскопках даже на поверхности сырцовый оборонительной стены города сасанидского периода. Общее направление последовательного роста города в VIII—X вв. оставалось таким же, как и при Сасанидах. Он застраивался в основном сверху вниз — от цитадели к морю, однако наряду с верхней частью города со второй половины VIII в. начали интенсивно обживаться и приморские районы, что было связано с превращением Дербента в крупнейший центр морской торговли, самый значительный порт на Каспийском море. Таким образом, развитие застройки происходило не только от цитадели к морю, но и от порта вверх.

Результаты археологических исследований, рисующие Дербент VIII—X вв. как очень крупный, плотно застроенный, развитый город, внешне сохранявший, однако, в отличие от многих средневековых городов Переднего Востока и Средней Азии двухчастную структуру, находят подтверждение и письменных источников. Большинство арабских историков и географов IX—X вв. при описании Дербента в основном говорят о его внушительных размерах, об огромном торгово-экономическом и политическом значении города, но не приводят его параметров. Лишь в отдельных случаях сообщается о протяжении Дербента на две арабские мили, что соответствует длине его стен от цитадели до моря. Это и привело В. В. Бартольда к ошибочному мнению о существовании большого рабада, огражденного кирпичными стенами, иначе трудно было понять данные о том, что Баб ал-абваб — самый крупный город Кавказа. Но сведения отдельных арабских и европейских путешественников, побывавших в Дербенте в XI—XIII вв., т. е. в период наибольшего расцвета города, указывают на отсутствие у него сколько-нибудь значительного пригорода.

Так, испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Дербент в 1131 г., писал о размерах города: «Он длинный — от горы до моря расстояние трех фарсахов, а ширина его — полет стрелы, и есть у него железные ворота»²⁴. Протяженность города в три фарсаха (фарсах — 6 км), видимо, приведена вместе с Горной стеной, воспринимавшейся арабскими авторами как одно целое с городскими стенами, но нам здесь важна ширина города — «полет стрелы», т. е. расстояние между каменными степами Дербента. В дальнейшем многие путешественники отмечали диспропорцию между длиной и шириной города, но сведения ал-Гарнати особенно важны, так как относятся к Дербенту до монгольского нашествия, к периоду его расцвета. Не сообщает о пригороде и Ибн ал-Азрак, посетивший Дербент в 1154 г. с грузинским царем Дмитрием, состоявшим в родстве с дербентским эмиром Абу-л-Музаффаром. А посол французского короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу монах Вильгельм Рубрук, посетивший Дербент в 1254 г., т. е. вскоре после взятия его монголами (1239 г.), писал, что «он имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня»²⁵. Представляется вероятным, что если

бы даже монголы при штурме Дербента разрушили пригород Дербента (о чем нет ни археологических, ни письменных данных), Рубрук отметил бы это обстоятельство, так как за 15 лет, прошедших после захвата монголами города, каменные строения рабада не могли исчезнуть. Ведь в более позднее время венецианский дипломат Амброзио Контарини, посетивший Дербент в 1475—1476 гг., сразу отметил, что в не обживаемой приморской части города «со стороны моря все почти здания разрушены». Данные, аналогичные сведениям ал-Гарнати и Рубрука, приводит арабский автор Закария Казвини, сообщая, что город имел в длину $\frac{2}{3}$ фарсаха, а в ширину простирался только на полет стрелы.

Таким образом, археологические исследования и анализ письменных источников рисуют нам средневековый Дербент как большой, развитой город. Но, сохраняя внешне двухчастную структуру, сложившуюся в V—VII вв., он фактически имел уже три части. Однако его третья часть — рабад — формировалась не за стенами, а на огромной межстенной территории в нижнем городе.

Многочисленные данные арабских историков и географов, рисующих Дербент крупнейшим на Кавказе городом, полностью отвечают действительности, несмотря на то что у него отсутствовал пригород, значительно увеличивавший площадь средневековых городов. Для сравнения можно отметить, что такой крупный средневековый город Азербайджана как Байлакан, являвшийся одним из наиболее значительных торгово-экономических центров Кавказа, состоял, согласно археологическим данным, из «Большого города» площадью 36 га и «Малого города» площадью 14 га. Даже такие знаменитые средневековые города Ближнего Востока и Западной Европы, как Дамаск (105 га), Иерусалим (100 га), Халеб (112 га), Пиза (114 га), Флоренция (105 га), Гент (80 га), Брюгге (80 га) были в этот период меньше Дербента. И если он несколько уступал по площади крупнейшим городам Средней Азии, столицам самых значительных феодальных государств, сложение структуры и планировки которых шло другим путем, то при этом надо учитывать, что Дербент значительно превосходил их по плотности застройки, основу которой составляли каменные двух- и трехэтажные каменные дома.

Подобная плотность застройки и особенности специфики структуры города создавали определенное своеоб-

разие его внутригородской топографии, сложившейся в основном в VIII—X вв. Именно в этот период происходит становление Дербента как средневекового города. Этот сложный процесс сопровождался бурной застройкой шахристана, формированием городской планировки, сложением нового торгово-экономического и культурного центра города, появлением межстенного рабада.

Сплошная современная застройка не позволяет составить четкое представление о планировке Дербента, исследовать в полной мере его историческую топографию. Стремительный рост города в VIII—X вв. с типичной для средневекового времени бессистемной застройкой сильно изменил планировку Дербента, и, вероятно, она приобрела основные очертания, зафиксированные на позднесредневековых планах города. Три главные продольные улицы, идущие от подошвы холма к морю, сохранились, но появились многочисленные кривые поперечные улочки, узкие тупики, обширные базарные площади, теснота и скученность. Ширина улиц незначительна и обычно не превышает 3—4 м. Помимо продольных улиц, прослеживаются еще не менее 12 поперечных, пять из которых связаны с воротами. В верхней части города, между цитаделью и Джума-мечетью, сохранилась довольно правильная планировка, где расположенные на примерно равном расстоянии поперечные улицы очерчивают прямоугольные кварталы. Здесь, видимо, уцелела в основных чертах, хотя и не столь симметричная, планировка сасанидского города. Ниже Джума-мечети подобная регулярная застройка отсутствует, кварталы достигают порой очень значительных размеров и изрезаны многочисленными тупиками, которых особенно много у южной стены. Наибольших размеров кварталы достигают в центральной части города между продольными улицами, проходящими по центру и у южной стены.

В исторической топографии города отчетливо прослеживаются черты его социально-экономического развития. Цитадель остается административным центром города, резиденцией его правителя и местопребыванием двора. Здесь сосредоточены административные учреждения, дворец правителя и казармы солдат.

Археологические исследования в цитадели показали, что в VIII—IX вв. дворец правителя располагался в восточной части цитадели, примыкая к ее стене. Он представлял собой впускательную многокомнатную постройку

площадью не менее 600 кв. м, с массивными каменными стенами толщиной от 1 до 1,5 м, сложенными из больших хорошо отесанных каменных плит, скрепленных известковым раствором. Комплекс включал несколько смежных жилых комнат и подсобные помещения. Смежные комнаты дворца имели относительно небольшие размеры: 4×4 м, $7,5 \times 5,8$, 7×7 м.

В конце X — начале XI в. дворец эмира был перенесен из восточной части цитадели в северо-западную. Его построили также из массивных хорошо обработанных плит, скрепленных известковым раствором. Жилые постройки, вытянутые с севера на юг, примыкали вплотную западной стеной к цитадели. В плане дворец представлял сильно вытянутый прямоугольник, с массивными контурными стенами, разделенный на смежные помещения поперечными стенами. Размер этих помещений достигал $5,5 \times 6$ м, $5,8 \times 6,5$ м, 6×6 м.

Изменение месторасположения дворца в конце X — начале XI в. было связано, видимо, с военно-политической обстановкой. В конце X в. в связи с разгромом Хазарского каганата исчезла постоянная военная угроза с севера, что сделало эту часть цитадели безопасной для обживания. В то же время обострение ширванско-дербентских отношений, значительно повысившее опасность с юга, а также бесконечные столкновения эмира с феодальной верхушкой города сделали южную и восточную части крепости более опасными, и они в X—XI вв. дополнительно укрепляются мощными полукруглыми башнями.

В связи с этим, цитадель — резиденция эмира — еще больше обособляется от остальной части Дербента. Она становится теперь совершенно самостоятельной частью фортификационных сооружений города, способной выдерживать длительную осаду со стороны не только внешних, но и внутренних врагов.

Второй составной частью средневекового города являлись верхние районы Дербента, включавшие территорию от подножия холма, на вершине которого была сооружена цитадель, до Джума-мечети. Эта четко выделенная часть исторической топографии Дербента была ограничена поперечными стенами, отделявшими ее от цитадели и остального города. Она включала в себя наиболее древние районы города, планировка которых сложилась еще в раннесредневековый период. Поэтому они сохраняли ос-

цовные черты кварталов Дербента сасанидского времени.

Эти районы в начале VIII в. были заселены первыми арабскими переселенцами, составлявшими наиболее привилегированную часть населения средневекового Дербента, представители родо-племенной верхушки которых превратились в IX—X вв. в крупных городских аристократов-райсов (ру'аса — «начальники» — наиболее влиятельные представители знати в феодальных городах Востока), игравших основную роль в торгово-экономической и политической жизни города.

Здесь формируется ядро дербентского шахристана, и влияние его на развитие города этой поры становится преобладающим.

Вся общественно-политическая жизнь города перемещается в шахристан, где происходит сложение торгово-экономического и культурного центра Дербента. Во многих городах Средней Азии и Ближнего Востока в IX—X вв. шахристаны в значительной мере теряли свое значение и центр городской жизни смещался в рабады, которые обносили стенами и превращали во внешний город. В Дербенте эти процессы происходили внутри шахристана. Здесь складывались торговые и ремесленные части города, формировались его жилые кварталы, появлялись площади и базары. Происходит четкое разделение шахристана на две части: одна продолжает играть роль шахристана, а другая превращается в ремесленную часть города — своеобразный рабад. Центрами общественной жизни становятся базарные площади, вокруг которых группируются торговые ряды, караван-сарай, мечети, общественные здания и дома городской знати. Археологические раскопки, данные письменных источников и изучение исторической топографии позднесредневекового города дают основание полагать, что подобным торгово-экономическим и культурным ядром средневекового Дербента были базарные площади в районе Джума-мечети и Кильса-мечети. Так, автор X в. ал-Мукаддаси сообщает, что главная мечеть «стояла в середине базарных площадей», а рядом с ней находился фонтан²⁶.

В какой-то мере этот район становится и административным центром, и здесь появляются общественно-административные сооружения. В «Тарих Баб ал-абваб» говорится о «правительственном здании» в городе, куда был заключен уведенный из цитадели 16-летний эмир Маймун. Возможно, что появление подобного административного

здания в самом городе служит показателем сильно возросшего политического влияния крупной дербентской знати — раисов.

В этом районе вплоть до сегодняшнего дня сохранились большие средневековые бани, развалины караван-сарая, какое-то длинное общественное здание с массивными каменными стенами, скорее всего складское помещение, огромное водохранилище и другие монументальные сооружения. Здесь же располагались дома феодальной верхушки города, представление о которых дает раскопанное богатое большое здание из жженого кирпича. Среди найденных в нем вещей преобладала прекрасная посуда, изделия из тонкого стекла и слоновой кости, предметы роскоши, дорогостоящий импортный фаянс и фарфор. Внушительные размеры здания, строительный материал, столь редкий в каменной архитектуре города, и богатство обнаруженных изделий не оставляет сомнения в высоком социальном положении его обитателей. По местным преданиям, здесь в древности жил «эмир», но не всего Дербента, а только данного квартала; вероятно, речь идет о крупном представителе средневековой феодальной верхушки города.

Изучение позднесредневековых планов Дербента показало, что и в XVII — начале XVIII в. торгово-экономический и общественный центр города, сформировавшийся еще в VIII—X вв., располагался на этом же месте, хотя торговая часть его (лавки, два караван-сарая и базарная площадь) несколько сместилась в район Кильса-мечети, а площадь у Джума-мечети в значительной мере застроилась.

Археологические исследования показали, что вся верхняя территория города от Джума-мечети до подошвы холма, на котором расположена цитадель, в VIII—X вв. была наиболее привилегированной частью Дербента. Здесь в основном располагались выстроенные из тесаного камня или жженого кирпича большие дома зажиточных горожан и представителей старой арабской знати (жилая площадь таких построек достигала 200—300 кв. м), торговые и административные сооружения, «правительственные здания», культовые и общественные постройки.

Крутой восточный склон дербентского холма от подножия до цитадели в домонгольское время, как показали раскопки, не обживался. Здесь уже в IX—X вв. существовала каменная поперечная стена, отделявшая город от цитадели.

Постройки в верхней части города, в основном весьма значительных размеров, возводились из обработанного камня, а порой и жженого кирпича на известковом растворе. В них в большом количестве встречается парадная поливная посуда, предметы украшения, изделия из стекла, кости, дорогостоящие импортные изделия. Стены домов нередко покрывались штукатуркой с росписью или резным шtukом (алебастр). Среди находок порой встречаются глазурованные керамические плитки и кирпичики, служившие, видимо, облицовочным материалом. Изучение архитектуры и археологических находок из верхней части города позволяет говорить, что обитатели этого района средневекового Дербента занимали весьма высокое положение в городском обществе.

Территория от района Джума-мечети и до моря была застроена очень плотно, дома здесь в основном возводились из бутового камня на глиняном растворе. Большинство домов представляют собой небольшие однокамерные или двухкамерные строения площадью до 30—40 кв. м. Многочисленные находки шлаков, орудий труда, бракованных изделий, развалов печей свидетельствуют о концентрации здесь ремесленного производства Дербента и жилищ городского люда. Обнаруженный в них материал значительно беднее, чем в верхней части города, поливной посуды относительно немного, парадная керамика редка, предметы украшения и дорогостоящие импортные изделия в большинстве случаев вообще отсутствуют. В этих районах шахристана отмечена четкая территориальная концентрация ремесленного производства. Здесь, в центральной части города, недалеко от южной степы были обнаружены остатки керамических мастерских, фундамент одной из которых вплотную примыкал к городской стене. Следы ремесленного производства, многочисленные шлаки, остатки обжигательных печей, бракованные изделия, предметы печного припаса и орудия труда ремесленников обнаружены и в других районах южной части Дербента.

Нижняя часть города была, видимо, отделена от верхней поперечной стеной еще до начала социально-экономического разделения шахристана. На планах Дербента начала XVIII в. показана мощная поперечная стена, проходящая точно по границе обживаемой территории ранне-средневекового города. Она примыкает к восточному торцу Джума-мечети, а потом спускается несколько ниже

ворот Орта-капы. Вероятно, данная стена существовала и в раннесредневековое время, защищая город с востока, со стороны моря. В период VIII—X вв., когда город стал бурно развиваться, арабская феодальная знать, заселившая в первой половине VIII в. верхнюю, наиболее обжитую (в сасанидскую эпоху) и безопасную часть Дербента, отделилась от рядовых горожан этой стеной.

Поперечная стена была возведена не строго перпендикулярно к городским стенам, а под углом с изломом у торца Джума-мечети, что позволяло полностью контролировать проход через Дербент и дополнительно укрепить верхнюю часть города. Это достигнуто весьма просто: наиболее опасные в военном отношении ворота северной стены Баб ал-Джихад (сейчас Кырхляр-капы) не были включены в верхнюю часть, и противник в случае удачного их штурма вынужден был бы штурмовать еще и ворота поперечной стены, а южные ворота, совершенно безопасные в VI—X вв., оказались на территории верхней части города и позволяли одновременно контролировать проход через Дербент, т. е. всю его торговую деятельность, и иметь безопасный выход на юг.

Поперечные стены Дербента неоднократно упоминаются в связи с историческими событиями X—XI вв. в «Тарих Баб ал-абваб». Особенно интересно сообщение о стене, которую разрушил в 464 г. х. (1072 г.) наместник сельджукского султана Али-Арслана Йагма. «Йагма разрушил среднюю (поперечную) стену у базара дербендцев»²⁷. В. Ф. Минорский, издавший этот источник, был озадачен подобным расположением стены в важнейшей части города, где находился его торгово-экономический и культурный центр, и даже пытался предложить другое чтение. Однако «арабисты, с которыми советовался» он, «настаивают на таком понимании текста. Из него выходило бы, что стена, столько раз упоминаемая в нашем тексте, стояла около рыночной площади»²⁸. Как видно из приведенных данных, текст переведен совершенно правильно и в источнике идет речь об описанной нами поперечной стене «у базара дербендцев» в районе Джума-мечети, которая, по сообщению ал-Мукаддаси, «стояла в середине базарных площадей». «Тарих Баб ал-абваб» неоднократно упоминает о разрушении средней стены города, и В. Ф. Минорский справедливо отмечал, что здесь говорится «о средней (поперечной) стене, которую эмиры строили, очевидно, с целью присоединить часть

города к цитадели. Каждый раз, однако, хозяевам (раисам.— А. К.) города удавалось разрушить это сооружение»²⁹ (с этой стеной В. Ф. Минорский ошибочно отождествлял стену, упоминаемую П. И. Спасским, в нижней части города у русского собора, разрушенную в 1824 г. генералом Ермоловым при благоустройстве города). Но только подобное толкование сообщений источника не объясняет того факта, что в нем говорится и о разрушении средней стены самими правителями города. «Эмир Маймун снова захватил город ал-Баб и разрушил серединную (поперечную) стену (ас-сур ал-вастан), построенную только за год и пять месяцев перед тем»³⁰.

Еще раз Маймун «разрушил среднюю стену» в 993 г., а перед этим он «сжег Дамасские ворота и занял город»³¹. Во всех сообщениях источника разрушение поперечной стены было результатом смены власти в городе и захвата управления над ним одной из противоборствующих сторон. В одних случаях, как видно из приведенных цитат, это были победы эмира над раисами, в другом успехи последних в борьбе с первыми, когда эмира заключили «в правительственное здание», а жители начали разрушать среднюю (поперечную) стену [города]»³². Однако при исследовании этого вопроса возникает неясность, почему две различные противоборствующие политические группировки Дербента, интересы которых не совпадали, отмечали свои политические победы одним и тем же актом — разрушением средней стены. Ответ на это дают археологические раскопки, в результате которых была вскрыта еще одна поперечная стена, расположенная несколько ниже цитадели (около 70 м) у подошвы крутого восточного склона холма. Стена была сложена из крупного бутового камня и достигала толщины 1,2—1,5 м при сохранившейся высоте до 2—2,5 м. Она надежно прикрывала дальние подступы к цитадели и создавала дополнительный оборонительный рубеж. Крутой склон холма между этой стеной и стеной цитадели создавал значительные трудности при штурме крепости и, как показали раскопки, вплоть до XVII в. не был застроен. Таким образом, правители Дербента были отделены от города еще одной внушительной стеной и значительным междустенным незастроенным пространством. Стена перекрывала культурные слои V—первой половины VIII в. и, судя по обнаруженному здесь материалу, была возведена в IX—X вв. Вероятно, именно эту стену

уничтожали мятежные райсы, а эмиры разрушали расположенную ниже стену, проходившую у Джума-мечети и отделявшую верхние привилегированные районы Дербента от остальной части города. При внимательном изучении сообщений «Тарих Баб ал-абваб» о поперечных стенах города можно заметить, что в одном случае источник говорит о разрушении «средней [поперечной] стены у базаров дербендцев», а в другом — о стене у цитадели. «В 432/1040 году хайдакцы взяли цитадель ал-Баба и захватили эмира Абд ал-Малика и его жену Шамкуйе. Они разрушили среднюю стену у цитадели»³³.

Таким образом, сопоставление археологических исследований и сведений письменных источников дает основание утверждать, что в этот период в Дербенте имелись две поперечные стены, которые четко разделяли отдельные исторически сложившиеся части города и отражали определенную внутреннюю социально-экономическую его структуру.

Стараясь уничтожить эти стены, каждая из враждующих группировок преследовала свои политические цели. Помимо ликвидации обособленности этих социальных групп города, в случае разрушения верхней или нижней стены достигались и военные преимущества одной из сторон. Так, при разрушении нижней стены уменьшался контроль райсов над северными и южными воротами и район, лежащий выше Джума-мечети, терял свою защиту от угрозы с севера и бесконтрольное общение с югом, т. е. становился более доступным для войск, обычно союзных эмирам Серира, Хайдака, Гумика и менее связанным с Шиваном. Уничтожение верхней поперечной стены в районе цитадели лишало эмиров контактов с севером через ворота Джарчи-капы и способствовало полной изоляции крепости.

Социальная структура феодального Дербента

Торгово-экономическое и политическое развитие Дербента способствовало дальнейшему процессу феодализации и социальной дифференциации его общества. Анализ письменных источников и данные археологических исследований рисуют сложную структуру городского общества Дербента этой поры.

На высшей ступени социальной лестницы стояли эмиры — феодальные правители Дербента. При Омайядах и первых Абассидах правитель города назначался непосредственно халифом и являлся прямым представителем центрального правительства. Однако отношения Дербента с центральной властью были весьма сложными и несколько необычными. Баладзори писал, что ни один наместник халифа не допускался в город до тех пор, пока не раздавал жителям деньги и подарки. А по версии местной исторической хроники «Дербенд-наме», халиф Харун ар-Рашид разрешил жителям города изгонять правителей, злоупотреблявших властью.

Назначив в 180 г. х. (796 г.) Хафса бен Омара правителем Дербента, он сказал ему: «Бойся Бога и ходи [в мечеть] совершать пятничные молитвы. Ничего не предпринимай, не посоветовавшись. Все дела Дербента в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя»³⁴. Право управлять городом в случае смерти или смещения наместника халифа было предоставлено Аглабу ас-Сулами, а в дальнейшем его потомкам: «Если бы правитель Дербенда умер или оказался бы тираном, Аглаб Сулейми (Сулами) должен был стать заместителем до прибытия нового правителя»³⁵. Сообщения «Дербенд-наме» и данные отдельных арабских авторов, возможно, несколько преувеличивают роль местной арабской знати в управлении городом, но В. В. Бартольд справедливо отмечал, что «история действительно знает большое число князей и наместников Аррана и Дербента из племени Сулейм от Усейда б. Зафира, современника халифа Хишама, до Сейф ал-дина Мухаммеда б. Халифы, упоминаемого в VI/XII в. путешественником Абу Хамидом Андалуси»³⁶.

Вероятно, уже при наместниках халифа влияние дербентской феодальной знати на политическую жизнь города было велико и роль ее в управлении Дербентом в дальнейшем все возрастала, чему способствовал целый ряд причин политического и экономического характера.

После прихода к власти Аббасидов зависимость северных провинций халифата от центрального правительства стала постепенно ослабевать. Начиная со времени ал-Мутаваккила (847—861 гг.) власть халифов на кавказской границе становится все более номинальной. Особое положение Дербента, охранявшего от кочевников наиболее

опасную границу халифата, его стратегическое и политическое значение создавали здесь специфические, отличные от других областей государства условия.

Негибкая политика центрального правительства по отношению к Дербенту порой вела к прямой измене халифу и, согласно данным «Истории» Якуби, при Харун ар-Рашиде жители Дербента оказали сопротивление наместнику Армении, убив его сборщика налогов, за что был казнен «владелец ал-Баба» Наджм бен Хашим. В отместку сын последнего открыто восстал и призвал на помощь хазар, которые разграбили закавказские провинции халифата вплоть до Аракса и «причинили значительный ущерб мусульманам». Харун ар-Рашид не одобрил действия своего наместника в отношении Дербента и сместил его.

Долгое время Дербентом управляли известные арабские военачальники, назначавшиеся сюда самим халифом. Подобная практика специальных назначений существовала при Омайядах и первых Аббасидах вплоть до правления Мутаваккила, который пожаловал Дербент и зависимые от него территории основателю ширванской династии Йазидидов Мухаммеду бен Халиду. Сколь почетно было это назначение, можно судить по тому, что Мухаммед бен Халид ради него отказался от поста губернатора Азербайджана и Армении. После смерти этого фактически уже самостоятельного феодального правителя города к власти пришла местная династия Хашимитов, причисляемая к известнейшему арабскому племени Сулайм. По сведениям «Тарих ал-Баб», это событие произошло в 225 г. х./869 г., и источник прямо указывает, что Хашим бен Сурака (первый представитель династии) пришел к власти «по выбору своих сотоварищей, а не по назначению из Багдада»³⁷. Правивший в это время халиф Мухтади был поглощен войной с мятежными тюркскими эмирами, в борьбе с которыми и погиб в 870 г., что позволило Хашиму, пользуясь удобным моментом и особым положением Дербента, укрепить свою власть и сделать ее наследственной. Однако такой самовольный захват власти в Дербенте Хашимитами послужил в дальнейшем поводом для ширваншахов претендовать на Дербент, пожалованный в свое время халифом их предку.

Приход к власти Хашимитов благодаря поддержке и согласию феодальной верхушки города ставил дербентских эмиров в несколько особое положение. В отличие от

других феодальных правителей Кавказа, они были только «первыми среди равных», чему в значительной мере способствовали характер социально-экономического развития Дербента, сложная обстановка пограничного города и те значительные привилегии, которыми традиционно обладало его население (покровительство халифов, освобождение от налогов, приоритет в джихаде — «священной войне», определенное самоуправление). Источники рисуют глубокие противоречия, существовавшие в этот период в высших слоях феодального общества Дербента. По очень образному выражению В. Ф. Минорского, в Дербенте «эмиры не имели престижа Ширваншахов и были как бы наследственными президентами средневекового города-государства»³⁸, которое, по его мнению, многими чертами своей структуры напоминало строй Новгорода Великого. Подобное положение сохранялось в Дербенте и в последующий период, и дальнейший процесс его феодального развития характеризовался острой политической борьбой дербентских эмиров с крупной торгово-ремесленной и землевладельческой знатью, основу могущества которой составляли огромные доходы от обширной международной торговли, ремесленного производства, ростовщичества и военной добычи, включавшей и живой товар — «рабов из стран неверных».

Эти представители дербентской феодальной верхушки, именуемые в источниках райсами, были одной из самых значительных социальных групп городского общества и главными политическими противниками эмиров, вышедших в свое время из среды райсов. В странах мусульманского мира райсы обычно являются выборными представителями местного населения из наиболее уважаемых семей и выступают как бы связующим звеном «между администрацией и населением, передавая правительственные распоряжения и делая представления от имени жителей города. Мы слышим о райсах и в Арране, и в Ширване, и некоторые из них, несомненно, были главами городских гильдий»³⁹. Влияние райсов на жизнь Дербента огромно, фактически они являлись хозяевами города, и уже в X в. эмиры порой полностью зависели от райсов. Цитированный уже нами источник «Тарих Баб ал-абваб» сообщает, что «в 333/944 году люди ал-Баба восстали против своего эмира Ахмеда, сына Абу ал-Малика ал-Хашима, и изгнали его из города»⁴⁰.

Наследовавший в 366 г. х. (976 г.) власть его сын

Маймун бен Ахмед был уведен из цитадели, «где обычно жил его отец», и «заключен в «правительственном здании»... Эмир Маймун оставался в правительственном здании как пленник, а вся власть была в руках раисов»⁴¹. Спустя 15 лет эмир Маймун лишился власти, изгнанный восставшими жителями ал-Баба⁴².

Приведенные сообщения отчетливо показывают, как велика была власть раисов в Дербенте и какую значительную роль они играли в жизни города.

Высокое положение раисов в дербентском обществе было традиционным, они имели значительное влияние и в более раннее время, при наместниках халифа. По версии «Дербенд-наме», Харун ар-Рашид в определенной мере подчинял местным раисам своего наместника, которому он говорит: «Я поручил 'Абду-л-Малику б. Аглабу быть надзирателем (назир) над тобой. Я назначил его командующим войском (сар-лашкар) и даруга, так как он наш верный человек»⁴³.

Представителю дербентских раисов «Аглабу Сулайми (Сулами)», а не своему наместнику Асаду бен Зафиру, приказал халиф Хашим (736 г.) хранить «ключи от Гававатских ворот»⁴⁴ (ворота Баб ал-Джихад).

Анализ письменных источников рисует сложный процесс развития дербентского общества в это время, происходивший в непрерывной борьбе внутри господствующего класса феодального города. Раисы, выступавшие основной оппозиционной силой власти феодального правителя Дербента, порой превосходили эмира во влиянии на жизнь средневекового города, в политическом и экономическом отношении. Археологические исследования средневекового Дербента полностью подтверждают сведения письменных источников. По богатству предметов быта, украшений и оформлению дома дербентской знати, вскрытые в верхней части города, мало в чем уступают комплексам дворцов, раскопанных в цитадели.

Особым вопросом при изучении структуры городского общества средневекового Дербента является исследование тех социальных слоев населения города, на которых опирались в своей борьбе друг с другом эмиры и раисы.

Анализ письменных источников, и особенно «Тарих Баб ал-абваб», отчетливо свидетельствует, что к X в. основной опорой и главной военной силой эмиров Дербента были гуламы. В. Ф. Минорский справедливо отмечал, что «перевод этого термина как «рабы» оказался бы

неточным» и предложил интерпретацию его как «стража или телохранители»⁴⁵. Действительно, хотя среди гуламов имелись рабы, но, по сообщению источников, среди них были и отряды русов. Причем правители города так дорожили ими, что в 377 г. х. (987 г.) эмир Маймун предпочел отказаться от престола, но не выдал своих гуламов-русов на расправу восставшим мусульманам Дербента. Когда глава восставших проповедник Муса ат-Тузи «потребовал у эмира выдать ему его телохранителей-русов (гуламов), чтобы им был предложен ислам или смерть..., эмир ответил отказом» и «укрепился в цитадели против проповедника»⁴⁶. После продолжительной осады ему все же пришлось признать себя побежденным и было заключено перемирие с условием, «что он сдаст цитадель, а сам со своими гуламами уйдет в Табасаран»⁴⁷.

Но, не имея возможности содержать большие наемные отряды, что было связано и со значительными финансовыми затратами и, видимо, с отсутствием в определенные периоды надежных наемников, дербентские эмиры часто обращались за помощью к феодальным правителям отдельных владений Дагестана и Восточного Кавказа. Правда, как видно из источников, правители Дербента обычно искали поддержку у владетелей Табасарана, Хайдака, Серира, Гумика и в очень редких случаях обращались к Ширвану. Такая ориентировка дербентских эмиров была закономерна, так как ширваншахи постоянно претендовали на дербентский престол и были главными противниками правителей Дербента. Особо тесные отношения эмиры поддерживали с Табасараном, служившим им надежным убежищем при различных осложнениях в городе (так, например, эмир Маймун был трижды провозглашен правителем Дербента и трижды изгонялся его жителями). Тот факт, что правители Дербента чаще всего опирались на «неверных» войска правителей Дагестана, хотя союзы эти были опасны и для самого Дербента и приходилось при этом быть осторожными, объясняется не только оппозицией эмиров к Ширвану, но и особой ролью города как форпоста мусульманского мира, среди населения которого было много «борцов за веру», прославившихся своей жестокостью в «джихаде». Они составляли главную военную силу города и, видимо, в значительной мере определяли его политику. Среди участников различных военных походов против «неверных» «Тарих Баб ал-абваб» называет несколько групп жителей Дер-

бента. Так, в ней упоминаются «борцы за веру» (гази), «добровольцы» (муттави), «чтецы Корана» (курра) и «пришлые» (гураба)⁴⁶. Видимо, на ранних этапах эти социальные группы, являвшиеся главной силой в попытках распространения ислама на север, были опорой правителей Дербента. Когда город был пожалован халифом Мутаваккилом в 237 г.х. (851 г.) Мухаммеду бен Халиду, то последний нашел полную поддержку у газиев Дербента. «С помощью газиев ал-Баба Мухаммад б. Халид также ходил на неверных, живущих по соседству с ал-Бабом и Дербендом»⁴⁷.

При халифе Мансуре (754—775 гг.) правитель Дербента Йазид ас-Сулами обложил нефтяные и солеваренные промыслы Ширвана налогами, собираемыми в пользу жителей Дербента (имелись в виду прежде всего «борцы за веру») специальным чиновником. От имени халифа подати в пользу защитников северных границ собирались в Южном Дагестане и Ширване. В 808 г. Дербент получил от Харун ар-Рашида фирман на право собирать ежегодно доходы нефтяных источников и соляных промыслов, которые шли на содержание военных сил города. Центральные власти снабжали газиев хлебом, доставлявшимся из Ширвана (аналогичную политику вели русские цари, снабжая хлебом казаков, охранявших южнорусские границы). Известно, что при правителе Ширвана Хайсаме бен Мухаммаде «весь урожай свозился в амбары..., после чего он правильно распределялся среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев»⁴⁸. Но уменьшение зависимости Дербента от Багдада и дальнейшая его самостоятельность лишили газиев этого источника существования, а дербентские эмиры не имели возможности прокормить их. Вероятно, с этого времени их основным источником существования становится военная добыча и охота за людьми в бесчисленных походах «за веру». Так из союзников эмиров, которые все чаще опираются на войска «неверных» или на гуламов-русов, газии становятся их противниками. Немалую роль в этом играло и то обстоятельство, что еще при наместниках халифа «джихад» возглавляли дербентские раисы, у которых даже находились ключи от «Газаватских ворот», они же, видимо, скупали награбленное имущество и рабов.

В такой обстановке положение правителей Дербента было очень сложным. Им приходилось балансировать

между Ширваном, стремившимся подчинить себе город, и дагестанскими феодальными владетелями, зачастую пытавшимися поживиться за счет Дербента. И, по сообщениям источников, серирцы и хайдаки, выступая с эмирами против Ширвана, нередко грабили и сам Дербент. Уверенными эмиры могли быть только в своих гуламах, которые использовались для самых опасных поручений и порой не останавливались перед убийством соперников или неугодных людей.

Раисы же в своей борьбе с эмирами опирались на население города, которое в своем большинстве, видимо, экономически зависело от них, и на Ширваншахов, преследовавших свои цели. В отдельных случаях, когда эмирам удавалось отколоть жителей города от раисов, последние не брезговали помощью «неверных» и, опираясь на своих гуламов, жестоко расправлялись с непокорными жителями. Так, «Тарих Баб ал-абваб» сообщает о случае, когда раисы Дербента, не получив поддержки населения города, были разбиты эмиром и бежали, но в дальнейшем, одержав победу хитростью, «велели гуламам разграбить город (балад). И в ту же ночь в городе произошло великое бесчинство, о подобном которому никто в этих краях не слыхивал»⁵¹.

Вопрос об отношениях Дербента с Ширваном весьма сложен. Хотя у Йакута, Ибн ал-Асира и в некоторых поздних источниках город иногда упоминается как «Дербент Ширвана», зависимость его от Ширваншахов была весьма призрачная. К середине X в. обостряется борьба дербентских эмиров с раисами, которые приобретали все большее влияние, и в этот период все больше выявляются сепаратистские тенденции местной феодальной знати. Воспользовавшись малолетством эмира Ахмада бен Абд ал-Малика (939—976 гг.), раисы организовали беспорядки в Дербенте и пригласили правителя из Ширвана (327 г.х./939 г.). С этого времени раисы неоднократно использовали этот прием в борьбе против дербентских эмиров, но заменяя одного правителя другим, они стремились сохранять всю полноту власти в своих руках, а представители Ширвана столь же быстро изгонялись, как и приглашались на дербентский престол. И хотя вмешательство Ширвана в дела Дербента в X в. постоянно, реальной власти здесь Ширваншахи не имели, лишь на очень короткие периоды получая власть из рук преследовавших свои корыстные цели раисов. Подобный прави-

тель города, приглашенный из Ширвана, Табасарана или Лакза, был лишь марионеткой в руках райсов, которые в X в. являлись фактически полными хозяевами города.

Последующее развитие Дербента, в XI — первой половине XIII в., относится уже к новому периоду его истории, характеризовавшемуся целым рядом признаков экономического и политического характера, качественно новым этапом развития ремесла и торговли, дальнейшим углублением процесса феодализации и дифференциации городского общества, обострением классовой борьбы.

С этого времени Дербент в значительной степени утрачивает свое значение форпоста земледельческого мира в борьбе с могущественными объединениями кочевников, он больше не является главным оплотом крупнейших ближневосточных государств на северных границах, а превращается в одно из наиболее известных самостоятельных феодальных государств Восточного и Северного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, 1938, с. 206.

Глава I. Древнейший Дербент

- ² Арабские источники IX—X вв. сообщают о наличии в Дербенте четырех кварталов, на которые разделил город арабский полководец Маслама; в местной исторической хронике «Дербенд-наме» названы восемь кварталов.
- ³ Марлинский (Бестужев) А. А. Письма из Дагестана.— Полн. собр. соч. СПб., 1834, т. 2.
- ⁴ Бартольд В. В. Дербент.— Соч. М., 1965, т. III, с. 427.
- ⁵ Хамдаллах Казвини. Наслаждения сердец. Цит. по кн.: Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 41.
- ⁶ Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана. М., 1961, с. 60.
- ⁷ См.: Афинэй. Обед софистов. XII, 36; Дьяконов М. М. Очерки..., с. 60.
- ⁸ Тарихи Дербенд-наме. Пер. и коммент. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 40.
- ⁹ Козубский Е. И. История..., с. 5; Гаджиев В. Г. «Дербент-наме» Мирза Хайдар Визирова.— Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975, II, с. 236.
- ¹⁰ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Пер. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979, с. 26.
- ¹¹ Там же, с. 56.
- ¹² Цит. по кн.: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1904, т. II, с. 61.
- ¹³ Там же, с. 273.
- ¹⁴ Там же, с. 351.
- ¹⁵ Там же, с. 363—369.
- ¹⁶ Низами Ганджинский. Искандер-наме. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам.— Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926, вып. 4, с. 26—27.
- ¹⁷ Козубский Е. И. История..., с. 1.
- ¹⁸ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 28.
- ¹⁹ Цит. по кн.: Козубский Е. И. История..., с. 4.
- ²⁰ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам, с. 28.
- ²¹ Тарихи Дербенд-наме, с. 157—157.
- ²² Дженкинсон А. Путешественники об Азербайджане. Сост. З. И. Ямпольский. Баку, 1961, с. 108.
- ²³ Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969, с. 17—18.
- ²⁴ Позднескифские городища на нижнем Днепре.— МИА. М., 1958, № 64, с. 234; Яценко И. В. Скифия VII—V веков до нашей эры. М., 1959, с. 21.
- ²⁵ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944, с. 296. Он же. Ванское царство. М., 1959, с. 232; Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 1951, № 2/3, № 50; Он же. История Мидии. М.; Л., 1956, с. 235—236.
- ²⁶ Дьяконов И. М. Ассиро-вавилонские источники..., № 65.

- ²⁶ Геродот. История, кн. I, гл. 105.
- ²⁷ Там же, кн. I, гл. 106.
- ²⁸ Там же, кн. III, гл. 97.
- ²⁹ Афинэй. Обед софистов, XII, 36.
- ³⁰ Геродот. История, кн. I, гл. 203.
- ³¹ Бартольд В. В. Дербент, с. 419.
- ³² Ханьков Н. В. Гвоздеобразная надпись, известная под именем Таркинской.— В кн.: Риттер К. Иран. СПб., 1874, ч. 1, с. 501—506.
- ³³ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, с. 22.
- ³⁴ Дьяконов М. М. Очерки..., с. 90.
- ³⁵ Арриан. Анабазис, кн. III, гл. 13, 1.
- ³⁶ Там же, кн. VII, гл. 16, 1.
- ³⁷ История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 112.
- ³⁸ В Дербенте за 10 лет исследований было заложено 25 небольших стратиграфических раскопов, 13 широких раскопов площадью от 45 до 400 кв. м, восемь разрезов общей площадью 700 кв. м.
- ³⁹ Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана.— МАД. Махачкала, 1959, т. 1, с. 206; Котович В. Г., Котович В. М. Находки древних бронзовых топоров в Дагестане.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 91, рис. 3, 3.
- ⁴⁰ Бартольд В. В. Дербент, с. 419.
- ⁴¹ Подробное описание культурных слоев Дербента и находок в них см.: Кудрявцев А. А. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 31—47.
- ⁴² Кудрявцев А. Город..., с. 48—49; Он же. Первые исследования досасанидского Дербента.— В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 134.
- ⁴³ Магомедов М. Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970.
- ⁴⁴ Дьяконов М. М. Очерки..., с. 49, 52; Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 193; Нессен А. А. Поселение Уч-тепе.— МИА, 1965, № 125, с. 126.
- ⁴⁵ Нессен А. А. Поселение Уч-тепе, с. 126.
- ⁴⁶ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 90—91.
- ⁴⁷ Там же, с. 91.
- ⁴⁸ Koldewey R. Das wieder erstehende Babilon. Leipzig, 1913, II, S. 275.
- ⁴⁹ Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Ереван, 1950, I, с. 86, рис. 55; Мартиросян А. А. Аргистихинили. Ереван, 1974, с. 170, 173, рис. 108.
- ⁵⁰ История Дагестана, т. 1, с. 102.

Глава II. На страже Каспийских ворот

- ¹ Цит. по кн.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 91—92.
- ² Страбон. География, кн. XI, гл. 1, 6.
- ³ Аммиан Марцеллин. История, кн. 23, гл. 5, 16.
- ⁴ Плутарх. Помпей, гл. 36.
- ⁵ Страбон. География, кн. XI, гл. 5, 8.
- ⁶ Клавдий Элиан. О животных, кн. XVII, гл. 17, 32.
- ⁷ История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 112.
- ⁸ Пахомов Е. А. Монетныеклады Азербайджана (вып. 1).—

- Труды ООИА. Баку, 1926, вып. 3, с. 18.
- ⁹ Диодор Сицилийский. Библиотека, кн. II, 2.
- ¹⁰ Валерий Флакк Сетин Бальб. Аргонавтика, Кн. V, 120—126.
- ¹¹ Страбон. География, кн. XI, гл. 5, 4.
- ¹² Там же: гл. 12, 4.
- ¹³ Иосиф Флавий. Иудейские древности, кн. XVIII, гл. 4, § 96—100.
- ¹⁴ Элий Аристид. Египетская речь, II, 473.
- ¹⁵ Плиний Секунд (Старший). Естественная история, кн. VI, гл. 15, 30, § 40.
- ¹⁶ Книга происхождения (хроника Ипполита Портского), 35.— В кн.: Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1904, т. II, с. 446.
- ¹⁷ Евсевий. Хроника, кн. I, 190.— В кн.: Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб. 1903, т. I, с. 668.
- ¹⁸ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 295.
- ¹⁹ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862, с. 111.
- ²⁰ Кассий Дион. Римская история, кн. LXIII, гл. 8, 1.
- ²¹ Корнелий Тацит. История, кн. I, гл. 6.
- ²² Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавкааской Албании. М.; Л., 1959, с. 122—123.
- ²³ Клавдий Клавдиан. На Руфина, II, 20—30, 40—46.
- ²⁴ Фемистий. Пересказ позднейшей аналитики Аристотеля, XXXIV. К обвинявшимся в принятии должности.
- ²⁵ Иосиф Флавий. Иудейские древности, кн. XVIII, гл. 4, § 98.
- ²⁶ Корнелий Тацит. Анналы, кн. VI, гл. 33.
- ²⁷ Фест. Краткий очерк истории римского народа, гл. XX; Евтропий. Краткая история Рима, кн. VIII, гл. 3.
- ²⁸ Элий Спартиан. Адриан, кн. I, гл. 20, 21, 24.
- ²⁹ Корнелий Тацит. Анналы, кн. VI, гл. 33.
- ³⁰ Цит. по кн.: Тревер К. В. Очерки истории..., с. 191.
- ³¹ Лукиан Самосатский. Промифей или Кавказ, 4.
- ³² Страбон. География, кн. XI, гл. 4, 3.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Птолемей. География, кн. V, гл. 11, 2.

Глава III. Оплот Сасанидов

- ¹ Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов.— Труды ВОРАО, СПб., 1869, ч. XIV, с. 12—13.
- ² Там же, с. 12—13.
- ³ Там же, с. 20—21.
- ⁴ Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 290.
- ⁵ Цит. по кн.: Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 87.
- ⁶ Флавий Вониск. Божественный Аврелиан, гл. 41.
- ⁷ Юлий Капиталин. Два Валериана, §§ 6, 7.
- ⁸ Аммиан Марцеллин. История, кн. XVII, гл. 5, 2.
- ⁹ История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эмина. М., 1893, с. 151.
- ¹⁰ История агван Моисея Каганкатваца. Пер. К. Патканова,

- СПб., 1861, кн. I, гл. 13, с. 22.
- ¹¹ *Евсей Иероним*. Письмо 77. К океану.
- ¹² Цит. по кн.: *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.— ВДИ, 1949, № 3, с. 301—304.
- ¹³ *Армянская география VII в., приписываемая Моисею Хоренскому*. Пер. К. П. Патканова. СПб., 1887, с. 38.
- ¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164.
- ¹⁵ Цит. по кн.: *Латышев В. В.* Известия...— ВДИ, 1949, № 4, с. 253—256.
- ¹⁶ *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье.— ИИМК, 1933, № 9/10, с. 39.
- ¹⁷ История искусства народов СССР. М., 1973, т. II, с. 257.
- ¹⁸ *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники..., с. 43.
- ¹⁹ *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 274.
- ²⁰ *Кудряцев А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 87—92.
- ²¹ *Егшиз*. О Вардане и войне армянской. Пер. И. А. Орбе-ли. Ереван, 1971, с. 31.
- ²² Там же, с. 79.
- ²³ Там же, с. 118.
- ²⁴ *Мовсес Каланкатвауци*. История страны агван. Пер. А. П. Новосельцева. Тифлис, 1912, с. 130 (на древнеармянском яз.).
- ²⁵ *Егшиз*. О Вардане и войне..., с. 76—77.
- ²⁶ Там же, с. 77.
- ²⁷ Цит. по кн.: *Тревер К. В.* Очерки по истории..., с. 209.
- ²⁸ История Армении Моисея Хоренского (новый пер. Н. О. Эмипа). М., 1893, с. 151.
- ²⁹ *Егшиз*. О Вардане и войне..., с. 92.
- ³⁰ *Приск Панийский*. Готская история, IV, 37.
- ³¹ *Исаков М. Н.* Археологические памятники Дагестана.— МАД, Махачкала, 1959, т. I, с. 204.
- ³² История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862, с. 28.
- ³³ *Егшиз*. О Вардане и войне..., с. 169.
- ³⁴ История халифов..., с. 28.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Баладзори*. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 5.
- ³⁷ *Мас'уди*. Мурудж ад-Дзахаб (Россыпи золота), гл. XVII. Пер. В. Ф. Минорского.— В кн.: История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 213.
- ³⁸ *Патканов К. П.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому.— ЖМНП, 1883, март, с. 31.
- ³⁹ *Ат-Табари*. История пророков и царей. Пер. А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1971.— РФ ИИЯЛ, № 4803, с. 12.
- ⁴⁰ *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, с. 307—308.
- ⁴¹ *Баладзори*. Книга завоевания стран. Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 5—7; *Ибн ал-Факих*. Книга о странах. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1902, XXXI, с. 17; *Мас'уди*. Золотые луга. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, XXXVIII, с. 40—41; *ал-Истахри*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, XXIX, с. 11; *Ибн Хордадбеж*. Книга путей и царств. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1903, XXXII, с. 15; *Кудам*. Книга о харадж. Пер. Н. А. Караулова.— Там же, с. 33; *ал-Мукаддас*. Лучшее из делений для познания климатов. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, XXXVIII, с. 9.

- ⁴¹ *Ибн ал-Факих*. Книга о странах, с. 11.
- ⁴² *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 7.
- ⁴³ *Ниберга Г. С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербенда.— Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1929, № 3, вып. V, с. 26—32.
- ⁴⁴ *Пазомов Е. А.* К толкованию пехлевийских надписей Дербенда.— Изв. Аз. ГНИИ, Баку, 1930, т. I, вып. 2, с. 13—16.
- ⁴⁵ Первая группа состоит из семи одиночных надписей, прочитанных Г. С. Нибергом: «Это и отсюда вверх Барзниш, амаркар Атурпатакана [выполнил]»; вторая группа — из двух больших надписей плохой сохранности, в ней сообщается о каких-то постройках «от берега моря вглубь (или вдоль) вместе с...»; третья группа состоит из пяти надписей, сообщающих: «мною сделано океан»; четвертая группа из двух надписей читается: «положено Атуреном» (см.: *Ниберга Г. С.* Материалы..., с. 26—32). В. Г. Луконин предложил другое толкование надписей: I тип — «это и от этого вверх сделал Дарпуш сын Атурпатакана, хамаркар» (хамаркар — «счетчик» — один из титулов налогового управления в Иране); II тип — «От побережья моря и дальше, вплоть до «Прохода» («связь, оковы, запор», иногда «ворота») на свои средства... отсюда вверх (?) сделал»; III тип — «из камня сделано»; IV тип — «сделано Атургуш-наспом».
- ⁴⁶ *Ниберга Г. С.* Материалы..., с. 29.
- ⁴⁷ Новый перевод пехлевийских надписей Дербента был любезно предоставлен автору В. Г. Лукониным.
- ⁴⁸ *Пазомов Е. А.* К толкованию пехлевийских надписей Дербенда, с. 14—15.
- ⁴⁹ *Аполлов В. А.* Каспийское море и его бассейн, М., 1956, с. 76; *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни дербентской крепости.— Архитектурное наследство, 1964, № 17, с. 127.
- ⁵⁰ *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— СА, 1946, VIII, с. 137.
- ⁵¹ *Бартольд В. В.* Дербент.— Соч. М., 1965, т. III, с. 420.
- ⁵² *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875, с. 37.
- ⁵³ *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. Пер. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979, с. 26.
- ⁵⁴ *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 5—6.
- ⁵⁵ *Бартольд В. В.* Дербент, с. 422.
- ⁵⁶ *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни дербентской крепости, с. 125; *Кудрявцев А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976, с. 111.
- ⁵⁷ Фарсах («парасанг») состоит из 3 арабских миль, равняется 6 км (см.: *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Пер. с нем. Ю. Э. Брегеля. М., 1970, с. 72).
- ⁵⁸ *Ибн ал-Факих*. Книга о странах, с. 23.
- ⁵⁹ *Мас'уди*. Золотые луга, с. 40—41.
- ⁶⁰ *Ибн ал-Факих*. Книга о странах, с. 23.
- ⁶¹ *Мас'уди*. Золотые луга, с. 40—41.
- ⁶² *Ал-Истахри*. Книга путей и царств, с. 31.
- ⁶³ *Ибн ал-Факих*. Книга о странах, с. 17; *Кудамма*. Книга о харадже, с. 33; *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 7.
- ⁶⁴ *Кудамма*. Книга о харадже, с. 33; *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 7.

- ⁶⁶ *Ал-Мукаддаси*. Лучшее из делений..., с. 9.
- ⁶⁷ *Ибн ал-Факих*. Книга о странах, с. 25.
- ⁶⁸ *Ал-Мукаддаси*. Лучшее из делений..., с. 9.
- ⁶⁹ *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 7; *Кудам*. Книга о харадж, с. 33; *Ибн Руста*. *Kitāb al-a'lak an-nufisa*.— *Bibliotheca geographorum arabicorum*, 1892, VII, p. 148; *Бартольд В. В.* Дербент, с. 424.
- ⁷⁰ *Мас'уди*. Золотые луга, с. 40—41.
- ⁷¹ См.: *Бартольд В. В.* Дербент, с. 424.
- ⁷² *Ал-Истахри*. Книга путей и царств, с. 11.
- ⁷³ См.: *Бартольд В. В.* Дербент, с. 424.
- ⁷⁴ *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 7.
- ⁷⁵ Там же; *Мас'уди*. Золотые луга, с. 40—41; *ал-Истахри*. Книга путей и царств, с. 11.
- ⁷⁶ *Ал-Истахри*. Книга путей и царств, с. 11.
- ⁷⁷ *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии. М., 1966, с. 62.
- ⁷⁸ *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М., 1958, с. 20—21, рис. 2.
- ⁷⁹ *Хан-Магомедов С. О.* Ранне-средневековая Горная стена в Дагестане.— СА, 1966, № 1, с. 234.
- ⁸⁰ Там же, с. 235.
- ⁸¹ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 124, 222—225.
- ⁸² *Цагомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье, с. 45.
- ⁸³ *Ибн ал-Факих*. Книга о странах, с. 25 и сл.; *Я'куби*. История. Пер. П. К. Жузе, Баку, 1927, с. 6.
- ⁸⁴ *Патканов Р. П.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому, с. 30.
- ⁸⁵ История агван Моисея Каганкатвацци, с. 105.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Баладзори*. Книга завоевания стран, с. 17; Тарихи Дербендаме, с. 78—79; *Бартольд В. В.* Дербент, с. 421.
- ⁸⁸ *Ат-Табари*. История пророков и царей, с. 52.
- ⁸⁹ История агван Моисея Каганкатвацци, с. 261.
- ⁹⁰ Там же, с. 105.
- ⁹¹ *Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 6.
- ⁹² *Бартольд В. В.* Дербент, с. 423—424; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 280.
- ⁹³ *Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии, с. 7.
- ⁹⁴ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 68—70 и сл.
- ⁹⁵ *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956, с. 276.
- ⁹⁶ История агван Моисея Каганкатвацци, с. 90.
- ⁹⁷ Там же, с. 261.
- ⁹⁸ *Гурлев И., Хан-Магомедов С., Малкин Г.* Дербент, Махачкала, 1976, с. 66—67.
- ⁹⁹ *Хан-Магомедов С. О.* Дербент, с. 78; *Артамонов М. И.* Древний Дербент, с. 127.
- ¹⁰⁰ *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира.— Соч. М., 1963, т. II, ч. 1, с. 672.

Глава IV. Баб ал-абваб

- ¹ *Ат-Табари. История пророков и царей.* Пер. А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1971.— РФ ИИЯЛ, № 4803, с. 39.
- ² Там же, с. 21.
- ³ Там же, с. 22.
- ⁴ *История агван Моисея Каганкатваца.* Пер. К. Патканова. СПб, 1861, с. 261.
- ⁵ *Баладзори. Книга завоевания стран.* Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 17.
- ⁶ *Белецкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 151.
- ⁷ *Якуби. История.* Пер. П. К. Жузе, Баку, 1927, с. 9.
- ⁸ *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 22.
- ⁹ *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, cum aliis edidit M. J. de Goeje.* Leiden, 1879—1901, p. 438.
- ¹⁰ *Заходер В. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе, М., 1962, с. 160.
- ¹¹ *Chronique de Abou-Djafar-Mohammed-ben - Djarir - ben-Jezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Bel'ami, par M., Zotenberg.* Paris, 1867—1874, t. III, p. 494.
- ¹² *Ал-Истахри. Книга путей и царств.* Пер. В. Ф. Минорского.— В кн.: *История Ширвана и Дербенда.* М., 1963, с. 168.
- ¹³ *Ибн Хаукал. Книга путей и царств.* Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, XXXVIII, с. 88 и сл.
- ¹⁴ *Козубский Е. И.* История..., с. 47.
- ¹⁵ *Ал-Истахри. Книга путей и царств,* с. 168.
- ¹⁶ *Ибн Хаукал. Книга путей и царств,* с. 88.
- ¹⁷ *Ал-Истахри. Книга путей и царств.* Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1901, XXIX, с. 11.
- ¹⁸ *История Дагестана.* М., 1967, т. 1, с. 221.
- ¹⁹ *Ибн Хаукал. Книга путей и царств,* с. 88.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Ал-Истахри. Книга путей и царств.*— СМОМПК, 1901, XXIX, с. 11.
- ²² *Ибн Хаукал. Книга путей и царств,* с. 88.
- ²³ *Бартольд В. В.* Дербент.— Соч. М., 1965, т. III, с. 422.
- ²⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971, с. 24.
- ²⁵ *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина, СПб, 1911, с. 170.
- ²⁶ *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений для познания климатов. Пер. Н. А. Караулова.— СМОМПК, Тифлис, 1908, XXXVIII, с. 9.
- ²⁷ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 62.
- ²⁸ Там же, с. 62, примеч. 45.
- ²⁹ Там же, с. 166.
- ³⁰ Там же, с. 52.
- ³¹ Там же, с. 69.
- ³² Там же, с. 68.
- ³³ Там же, с. 72.
- ³⁴ *The Derbend-Nāmeḥ, or the history of Derbend.* Translated by Mirza A. Kazem-Beg. SPb., 1851, p. 135.
- ³⁵ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 165.
- ³⁶ *Бартольд В. В.* Дербент, с. 425.
- ³⁷ *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда, с. 167.
- ³⁸ Там же, с. 162.
- ³⁹ Там же, с. 163.
- ⁴⁰ Там же, с. 49.
- ⁴¹ Там же, с. 68.

- ⁴² Там же, с. 51.
- ⁴³ The Derbend-Nâmeḥ..., р. 135.
- ⁴⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 165.
- ⁴⁵ Там же, с. 163.
- ⁴⁶ Там же, с. 68.
- ⁴⁷ Там же, с. 69.
- ⁴⁸ Там же, с. 163.
- ⁴⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 46.

Два названия города (персидское — Дербенд и арабское ал-Баб) нередко употреблялись арабскими авторами вместе, видимо для большей ясности, так как различных «ал-Бабов» — «ворот» было много и в других местах халифата.

⁵⁰ Там же, с. 47.

⁵¹ Там же, с. 76.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аз. ГНИИ — Азербайджанский Государственный научно-исследовательский институт
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВОРАО — Восточное отделение Русского археологического общества
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- МАД — Материалы по археологии Дагестана
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- ООИА — Общество обследования и изучения Азербайджана
- ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
- РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы (Дагестанский филиал АН СССР)
- СА — Советская археология
- СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава I.	Древнейший Дербент	
	Дербент легендарный — Дербент историче- ский	13
	Крепость на холме	28
Глава II.	На страже Каспийских ворот	
	Несостоявшийся поход Нерона	43
	Загадка карты Птолемея	56
Глава III.	Оплот Сасанидов	
	Персы у «ворот»	65
	«Дивные стены»	92
	Великий город на Каспии	105
Глава IV.	Баб ал-абваб	
	Арабское завоевание	129
	Торгово-ремесленный центр	135
	Крупнейший город Кавказа	143
	Социальная структура феодального Дер- бента	155
	Примечания	164
	Принятые сокращения	172

**Александр Абакарович
Кудрявцев**

ДРЕВНИЙ ДЕРБЕНТ

**Утверждено к печати
редколлегией серии
научно-популярных изданий
Академии наук СССР**

**Редактор издательства Е. П. Прохоров
Художник С. Б. Воробьев
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Р. С. Алимова, В. Г. Петрова**

ИБ № 25426

Сдано в набор 10.05.82. Подписано к печати 23.08.82

Т-12946. Формат 84×108^{1/2}

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная, Печать высокая

Усл. печ л. 9,66. Усл. кр.-отт. 10,0,

Уч.-изд. л. 10,4, Тираж 120 000 экз. Тип. зак, 1703

Цена 65 коп.

Издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121089, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ
К ПЕЧАТИ
КНИГА:

НЕЧКИНА М. В.

Декабристы. — 10 л. (Страницы истории нашей Родины). 70 к.

В книге академика М. В. Нечкиной читатель познакомится с формированием мировоззрения декабристов, с деятельностью Южного и Северного обществ. Разобраны конституционные проекты декабристов — «Русская Правда» Пестеля и «Конституция» Никиты Муравьева. Автор рассказывает о подготовке и ходе восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге и выступления Черниговского полка на Украине. Приведены сведения о следствии и суде над декабристами,

о пребывании их в сибирской ссылке. Освещен вопрос о вкладе декабристов в русскую культуру.

Для читателей, интересующихся отечественной историей.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации без ограничений.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 МОСКВА В — 192, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 ЛЕНИНГРАД П — 110, Петрозаводская ул. 7, магазин «Книга—почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга—почтой».